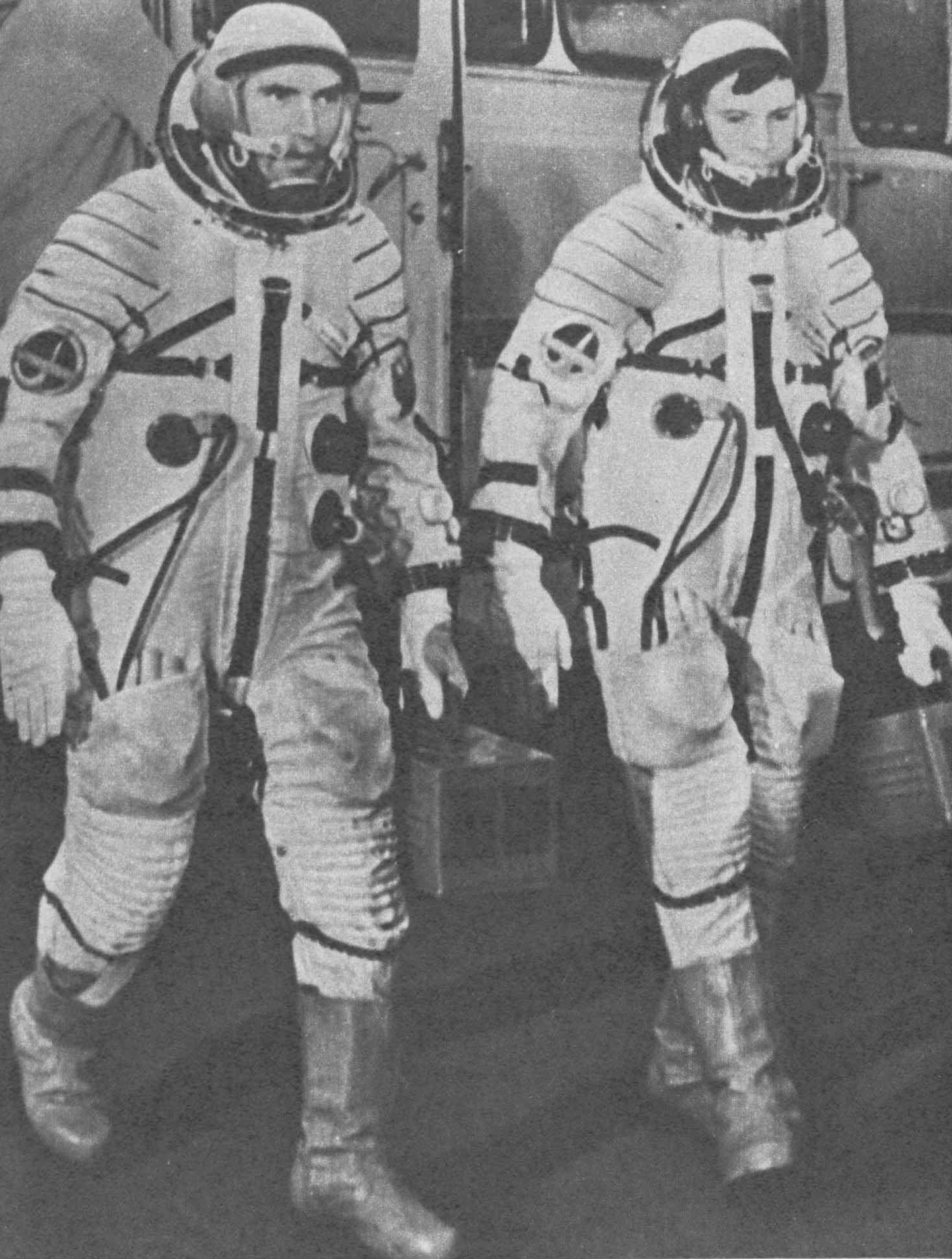
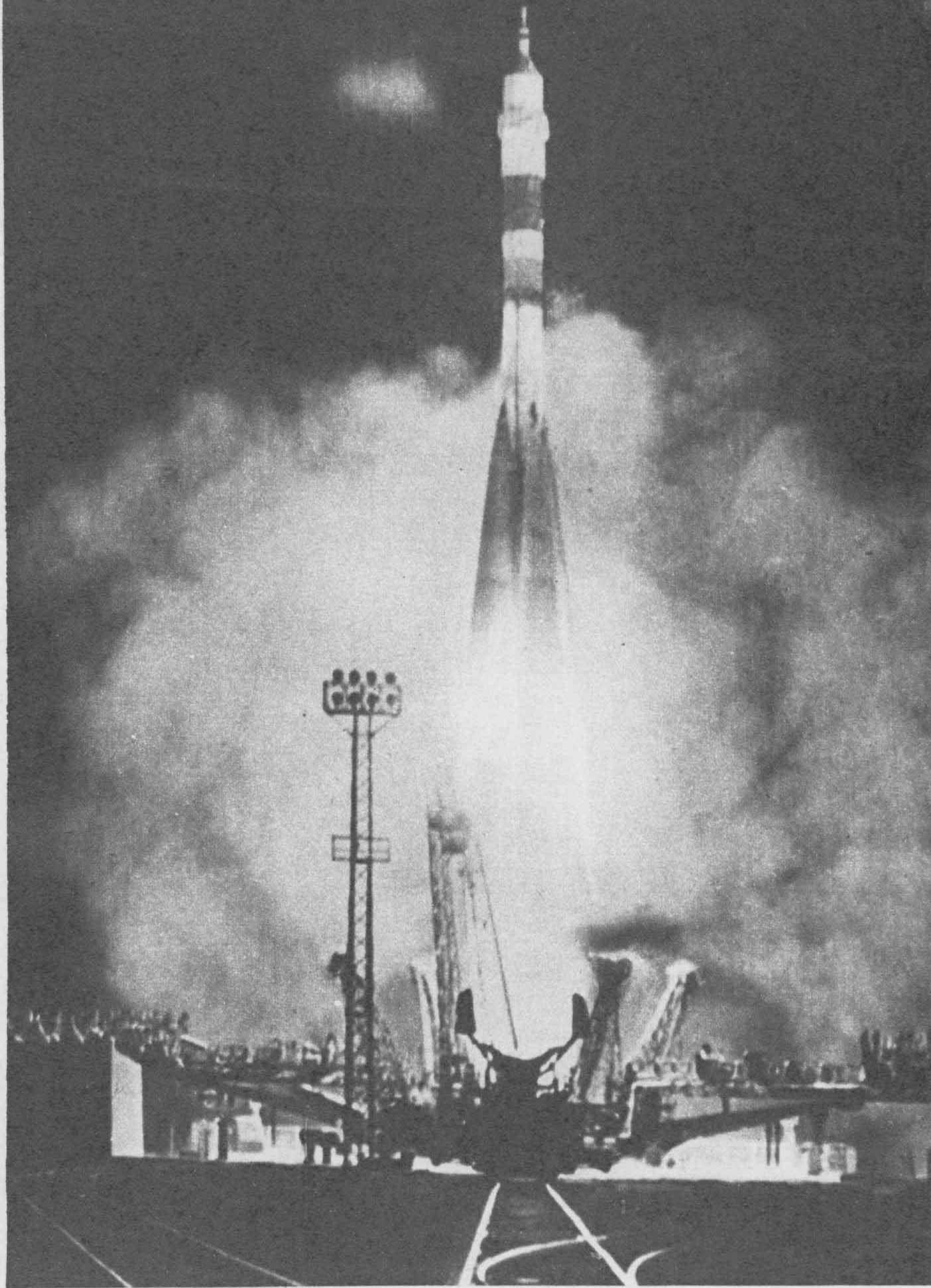

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 21 МАЙ 1981

Телефото В. Кузьмина и А. Пушкарева (ТАСС)

Космонавты Л. Попов (слева) и Д. Прунариу перед стартом на космодроме Байконур.

Старт космического корабля «Союз-40».

НА ОРБИТЕ — СОВЕТСКО

Р. ГЕОРГИЕВА

15 мая в 22 часа 50 минут по московскому времени космический корабль «Союз-40» мягко пристыковался к «Салюту-6». Советско-румынский экипаж в составе Леонида Попова и Думитру Прунариу приступил к работе.

Сколько наречий слышал, сколько лиц видел «Салют» за эти четыре неполных года! Напористый Владимир Ремек из Чехословакии, элегантный Мирослав Гермашевский из Польши, сдержанный Зигмунд Йен из ГДР, жизнерадостный венгр Берталан Фаркаш с его любимым словом «очень-очень», которым он начинал и заканчивал любой рассказ, застенчивый Гуррагча из Монголии, герой Вьетнама Фам Туан, темпераментный кубинец Тамайо Мендес... И от каждой страны оставались на советской станции научные приборы. Оставалось тепло сердец и рук.

Думитру Прунариу — самый молодой из космонавтов. Ему 28 лет. А года два назад, когда я впервые его увидела, вообще не верилось, что это кандидат в космонавты. Мальчишка с озорными ясными глазами и улыбкой во весь рот. Потом видела его в кабинете Берегового в мундире старшего лейтенанта-инженера, в скафандре во время работы. Очень серьезный человек, собранный, деловой. Хотя, думаю, быть ему таким непросто: молодость нет-нет да и блеснет в глазах...

Думитру родом из Брашова, есть такой старый веселый городок в самом сердце Румынии. Учился он легко и в лицее и в политехническом институте. Есть среди нас такие люди: кажется, все у них выходит будто играючи. Занимался авиамоделизмом, играл в драматическом кружке.

...Театр. О нем особая память у Думитру. На одном из спектаклей его возлюбленную играла тоненькая девочка Крина, она училась на том же факультете, только курсом младше. Связал их тот спектакль на всю жизнь. Они вместе занимались летом, в медовый месяц летали на спортивных самолетах. Через год у них родился Кэгэлин, а еще через два года — Даниел. Работал Думитру на авиационном заводе, но ему все казалось, что настоящим инженером не станешь, пока сам не ощутишь машину в полете, не настоящую, не спортивную. А девиз Думитру: хочу — значит могу, и к диплому инженера добавляется диплом летчика.

Как он был счастлив, когда вдруг совершенно неожиданно ему предложили пройти отбор в группу румынских космонавтов! Ведь он еще в школе занимался космическим моделированием, создал модель стартового устройства, которая удостоилась золотой медали.

— Сначала претендентов на космос было около ста человек, а в 1978 году в Звездный приехали на медицинское обследование уже втроем,— рассказывает Прунариу.— Я своими глазами увидел памятник Гагарину, окна его дома, так знакомого по книгам и фильмам. Волновался, очень хотелось, чтобы все кончилось благополучно и я остался здесь, в Звездном, где так уютно, где шелестят по утрам березы и поют птицы, откуда можно полететь в «незнакомство».

Звездный стал для Думитру Прунариу, его Крины и малышей вторым домом.

Думитру начал заниматься в классах учебного центра. Ежедневно ходил мимо корпуса с тренажерами. Однажды ему показали Лео-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 21 (2810)

23 МАЯ 1981

© Издательство «Правда», «Огонек», 1981

Космонавты на борту научно-исследовательского комплекса. Снимок получен по телекосмической связи.

-РУМЫНСКИЙ ЭКИПАЖ

нида Попова: «Готовится на 185 суток лететь». Думитру смотрел на Попова с восхищением. В Звездном он не расставался с фотоаппаратом и однажды потихоньку сфотографировал Леонида. Потом, когда их официально представят друг другу как членов одного экипажа, эта фотография станет началом их дружбы. Леонид Попов — заядлый фотолюбитель, у него, пожалуй, больше нет других увлечений, если не считать работу в космосе, конечно.

Про жизнь Леонида Попова никак не скажешь — легкая. Товарищи, с кем пришел в космический отряд, уже давно слетали, а Леня все ходил в дублерах. Ну, удача удачей, но, мне кажется, еще дело в том, что Леня Попов на редкость скромный, очень не любит быть на виду, о нем и писать перед первой его экспедицией было трудно. Зато потом, когда они с Валерием Рюминым прошли самый трудный, самый длинный в истории космонавтики полет на этом же «Салюте-6», о Лене заговорили, и все только в превосходных степенях. «С ним легко работать», — считает Центр управления полетом. Неразговорчивый Рюмин сразу добреет, услышав его имя. Не очень-то легкий характер у Валерия, а вот в полете своему командиру подчинялся с удовольствием, хотя и был много опытнее его. Слышался с орбиты иронический диалог: «А не прикажете ли, Леонид Иванович, сейчас сделать мне вот так?» «Приказываю вам, Валерий Викторыч, сделайте, пожалуйста!» А для Прунариу Попов — вообще идеал.

И вот начались их совместные тренировки. Должен был родиться экипаж. А экипаж — это не только согласие работать вместе, а чисто человеческое понимание другого, чувство покоя, доверие.

Попов сразу отметил и быструю реакцию своего подопечного на все возникающие ситуации и его солидный теоретический багаж. Но, бывало, Думитру немного торопился, забегал вперед. Раз их серьезно наказали за эту торопливость. А дело было так. Шла обычная тренировка. Закончилось выведение на орбиту. Хоть и имитация, но экипажу положено ее проводить в скафандрах. Костюмы эти герметичны; несмотря на вентиляцию, влага в них все-таки скапливается. Когда их потом снимают, обязательно приходится сушить. Кроме того, скафандры очень тяжелы на земле, неприятно в них долго сидеть. Так вот, закончилось выведение, прошла проверка герметичности. И Думитру поспешил снять скафандр. Леня вздохнул и тоже снял. И вдруг, когда хотели уж вылезать из тренажера, увидели на приборах резкое падение атмосферного давления. Разгерметизация! Пришлось срочно втягивать себя снова в эти мокрые, скользкие скафандры и принимать меры. Оказалось, нарушили инструкцию, не выдержали до конца положенное время проверки герметичности отсеков: надо было десять минут, а они на седьмой закончили. И методист-инструктор, заметив нарушение, выдал им эту разгерметизацию, чтобы в другой раз неповадно было.

Несладко им пришлось, вышли с насморком, Леонид, когда рассказывал об этом случае, посмеиваясь, добавил: «Вот вы говорите «космонавт», «герой», а космонавт — это труд плюс дисциплина». И экипаж получился. Оба отлично сдали все экзамены по выведению, стыковке не только на земле, но уже и в космосе.

На орбитальной станции сразу же, с первого утра, экипаж одновременно начал несколько экспериментов: медицинские — по изучению проблемы приспособления человеческого организма к условиям невесомости; технологические — по созданию фундамента для будущих заводов на орбите; астрофизические. По последнему из названных разделов программы на борт в разобранном виде доставлены два прибора «Астро-1» и «Астро-2», они созданы Румынской Академией наук. Один прибор смонтировали в герметичном объеме станции, а другой в шлюзовой камере, то есть в открытом космосе. С помощью этих приборов фиксируется прохождение космических лучей как в самом космосе, так и в станции. «Нановесы», «Капилляр» — это тоже эксперименты, их черед впереди.

Семь суток продлится эта советско-румынская экспедиция. Она венчает собой важный этап пилотируемых полетов программы «Интеркосмос».

Двадцать лет пилотируемой космонавтике. Вот уже «Союз-40» стал последним из улетевших «Союзов». Он передал эстафету новому, более умному своему собрату — кораблю «Союз-Т». Многое поняли за эти годы, много освоили, но дальше — пока неизвестность, «незнакомство», как говорит Прунариу.

Вручая награды Л. Попову и В. Рюмину, товарищ Л. И. Брежнев отметил: «У космоса, конечно, много тайн, и работы там хватит на всех. Поэтому мы выступаем за самое широкое взаимодействие с другими государствами в космических исследованиях. Космос может и должен объединять жителей земли, развивать понимание того, что люди живут на одной планете, и от них зависит, чтобы эта планета была мирной и цветущей».

Во время подписания.

В ДУХЕ ДРУЖБЫ И

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

СОТРУДНИЧЕСТВА

13 мая в Большом Кремлевском дворце состоялось подписание Договора о дружбе и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Народной Республикой Конго.

Договор подписали:

за Союз Советских Социалистических Республик — Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев;

за Народную Республику Конго — Председатель ЦК Конголезской партии труда, Президент НРК, глава государства, Председатель Совета Министров Дени Сассу-Нгессо.

Товарищи Л. И. Брежнев и Д. Сассу-Нгессо подписали также соглашение о сотрудничестве Коммунистической партии Советского Союза и Конголезской партии труда.

При подписании документов присутствовали:

с советской стороны — товарищи Ю. В. Андропов, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, заместители Председателей Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, министры СССР, другие официальные лица;

с конголезской стороны — член Политбюро ЦК КПТ, ответственный за внешние сношения, министр иностранных дел Пьер Нзе, член ЦК КПТ, генеральный секретарь секретариата Председателя ЦК КПТ Камиль Бонгу, другие члены партийно-государственной делегации НРК.

Руководители КПСС и КПТ с удовлетворением отметили, что состоявшиеся переговоры и подписанные советско-конголезские документы явились новым важным вкладом в дальнейшее развитие и укрепление отношений дружбы и сотрудничества между обеими партиями и странами.

14 мая из Москвы в Ленинград отбыл Председатель ЦК Конголезской партии труда, Президент Народной Республики Конго, глава государства, Председатель Совета Министров Дени Сассу-Нгессо во главе партийно-государственной делегации.

На Внуковском аэродроме Д. Сассу-Нгессо, членов делегации провожали Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев.

17 мая Председатель ЦК Конголезской партии труда, Президент Народной Республики Конго, глава государства, Председатель Совета Министров Д. Сассу-Нгессо и члены возглавляемой им партийно-государственной делегации отбыли из Советского Союза на родину.

Проводы на аэродроме в Москве.

Фото А. Пахомова

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ТЕРРОРИЗМ

Члены экипажа советского самолета ИЛ-62, против которого 12 мая в вашингтонском международном аэропорту была совершена наглая провокация, вернулись рейсовым самолетом в Москву и сразу же прибыли в пресс-центр МИД на Зубовском бульваре, чтобы рассказать многочисленным советским и иностранным журналистам правду о бандитском налете на самолет Аэрофлота.

В ноте Советского правительства говорится, что это происшествие представляет собой еще один пример вопиющего игнорирования американскими властями освященных веками норм международного права, вообще элементарных понятий приличия и свидетельствует о том, что террор и бандитизм в этой стране возводятся на уровень официальной политики.

Известно, что все домыслы американских властей для оправдания этого международного террористического акта лопнули как мыльный пузырь. Но ложь — единственное спасение лжецов, и они упрямо продолжают твердить заученную байку.

Заместитель пресс-секретаря Белого дома Л. Спинкс: «Не было допущено никаких нарушений дипломатического иммунитета. Обыск был проведен в полном соответствии с международными законами. Обыск дипломатического багажа или почты не производился. Частный багаж также не вскрывался. Безопасность самолета не была поставлена под угрозу. Во время обыска таможенных чиновников сопровождали один или два члена экипажа советского самолета». То же самое говорил представитель госдепартамента Д. Фишер.

А как было на самом деле? Об этом рассказал журналистам Александр Константинович Витковский, командир корабля, Герой Социалистического Труда, заслуженный пилот Советского Союза, один из самых известных летчиков. Тридцать девять лет провел Александр Константинович за штурвалом самолета, из них более двадцати лет летает на международных линиях.

— Наш экипаж выполнял очередной рейс. За одну минуту до посадки пассажиров, когда самолет полностью был подготовлен к вылету, то есть загружен багаж и груз, баки заправлены, экипаж занял свои рабочие места, в кабину самолета ворвались несколько вооруженных человек и предъявили требование экипажу покинуть пилотскую кабину, с тем чтобы произвести досмотр самолета. Они вскрыли сейф, где хранилось личное оружие экипажа, которое предназначается для обеспечения безопасности при выполнении полета, вытолкнули членов экипажа из кабины и начали обыск.

Я находился в коридоре и через открытую дверь мог видеть, чем занимаются работники этой службы. Но временами дверь закрывалась, когда там собиралось 5—8 человек, и я был в неведенье, что там происходило. Агенты вскрывали лючки, пол, где проходили тросы управления, что могло повлиять на безопасность полета, они залезали в отсек, где расположена радиоаппаратура, трогали все приборы, заглядывали под приборную доску. Их действия могли привести к тому, что приборы не сработали бы при выполнении полета и это сказалось бы на безопасности рейса. Все это очень встревожило экипаж.

Много лет я летаю и никогда не встречал ни в одной стране такого безобразного отношения к экипажу, к самолету. Мы крайне возмущены произволом американских властей, поправших элементарные нормы международного права.

— Они ворвались в самолет, как группа бандитов,— добавляет второй пилот В. И. Костырин.— Я был свидетелем их варварского отношения к багажу советского самолета, так как во время этой вакханалии находился внизу. Они выбрасывали вещи из самолета прямо на бетонку, так как не смогли включить транспортер. Те, кто находился внизу, вооружившись ножами, чем-то напоминающими сапожные, вспарывали тюки и ящики, все, что они не смогли открыть. Они рылись в вещах, бросали и комкали их. И все это происходило на глазах у пассажиров, которые находились в автобусе метрах в тридцати от самолета. Они видели, что делали с их вещами. Все это выглядело нелепо, так как они только что прошли таможенный досмотр и претензий к багажу никаких не было...

Зачем нужны были агентам американских спецслужб наручники, что они искали, кого хотели арестовать?..

Представитель Аэрофлота в Вашингтоне В. Г. Афанасьев сказал:

— Американские власти стремятся отрицать факт бандитского нападения на советский самолет, пытаются доказать, что это обычная регулярная таможенная инспекция и она является законной. Белый дом и госдепартамент утверждают, что задержка самолета и обыск

СОЛИДАРНОСТЬ В ДЕЙСТВИИ

А. А. ИСКЕНДЕРОВ,
член-корреспондент АН СССР,
член Президиума Советского комитета солидарности стран Азии и Африки

Двадцать пять лет тому назад, в майские дни 1956 года, был образован Советский комитет солидарности стран Азии и Африки. В этом памятном событии ярко проявилась непреклонная воля широчайших слоев общественности нашей страны к единству и боевой солидарности с народами, сражающимися за свою свободу и национальную независимость.

Четверть века — для истории срок небольшой. Но какие разительные перемены произошли за это время в мире, как неузнаваемо изменился облик стран, народы которых, свергнув иго колониализма, вступили на путь независимого развития, вносят существенный вклад в общую борьбу за мир и безопасность, в решение основных проблем современности.

Все эти годы народы Азии и Африки, отстаивающие в противоборстве с империализмом свою свободу и независимость, неизменно чувствовали поддержку и солидарность советских людей. Всюду, где развертывалась антиимпериалистическая освободительная борьба, советские люди были солидарны с ней, оказывали всемерную поддержку борющимся патриотам.

Советский комитет солидарности стран Азии и Африки видит свою задачу в том, чтобы всемерно содействовать сплочению сил национального и социального освобождения, укреплению и расширению международного движения солидарности, включению в его ряды новых национально-патриотических сил и организаций. Важное значение в этой своей деятельности комитет придает систематическому разоблачению происков империализма и смыкающегося с ним китайского гегемонизма, использующих любые средства для того, чтобы разобщить единый антиимпериалистический фронт, расколоть международное движение солидарности.

Силам международной солидарности предстоит еще немало сделать для того, чтобы добиться окончательной ликвидации колониализма и расизма на Юге Африки, чтобы завершилась победой героическая борьба многострадального палестинского народа, чтобы воцарился мир на Ближнем Востоке, чтобы отношения дружбы и сотрудничества прочно установились и успешно развивались между всеми освободившимися государствами. Эти вопросы постоянно находятся в поле деятельности Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, чья морально-политическая поддержка борющихся народов высоко оценивается национально-демократическими партиями, освободительными движениями и организациями, национальными комитетами солидарности.

были произведены таможенной службой США. Но посудите сами, зачем таможенной инспекции 38 вооруженных агентов, окруживших самолет и производивших такой беспардонный досмотр? Сами «таможенники» не отрицали, что среди них находятся агенты ФБР. Официальные американские власти тоже признали, что в досмотре самолета участвовали как агенты таможни, так и агенты ФБР. Они нарушили иммунитет дипломатов. Хотя им было известно, что на борту самолета находятся три советских дипломата и пять официальных сотрудников советского посольства, их багаж был грубо вспорот, вскрыт и досмотрен. Американские власти утверждают, что был задержан груз, оформленный с нарушением правил. Но этот груз был представлен в распоряжение таможни 9 мая, находился на таможенном складе до 12 мая и разрешен для отправки.

Журналистам были представлены соответствующие таможенные документы.

Бортпроводница Н. В. Подгорнова говорила о том, что довелось пережить пассажирам. Несколько часов они находились в автобусе. Среди них были дети и больные, перенесшие инфаркт, беременная женщина.

— Нас возмущает то, что американские власти кричат о правах человека, а сами на своей же собственной территории их нарушают.

Оценку случившемуся в аэропорту Вашингтона с точки зрения норм международного права дал исполнительный секретарь комиссии СССР по делам ИКАО А. Н. Брылов:

— Грубый произвол агентов ФБР в отношении вещей пассажиров дает нам основание расценивать их действия как ущемление достоинства и прав личности, и у нас есть достаточно оснований полагать, что их действия явно противоречат положениям Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанного в Хельсинки.

Досмотр навигационного оборудования в кабине пилотов осуществлялся без участия экипажа. В международном воздушном праве эти действия прямо квалифицируются как незаконное вмешательство в безопасную эксплуатацию воздушного судна. Советский Союз имеет достаточно оснований потребовать от Соединенных Штатов Америки сурово наказать тех преступников, которые незаконно вмешивались в безопасную эксплуатацию самолета Аэрофлота.

В заключение заместитель министра гражданской авиации С. С. Павлов сказал:

— За последние несколько лет много сделано по борьбе с воздушным пиратством. Сколько неприятностей было причинено экипажам, пассажирам бандитизмом в воздухе. Мы, все советские люди, особенно авиаторы, помним святое для нас имя Нади Курченко, погибшей от руки бандитов Бразинскасов. Вы знаете, что в США продолжают укрывать этих угонщиков самолета и убийц. До сих пор мы имели дело с терроризмом в воздухе. Теперь с благословения американских властей предпринята попытка ввести в международную практику «узаконенный» терроризм на земле.

В. ДУНАЕВ
Фото автора

Международная солидарность явилась той силой, которая сыграла важную историческую роль, содействуя мощному развертыванию национально-освободительного движения, которое привело к ликвидации позорной системы колониализма в ее классических формах. Сегодня международная солидарность помогает освободившимся народам налаживать новую жизнь, успешно противостоять непрекращающимся атакам империализма и местной реакции. Разумеется, на пути единства и солидарности немало трудностей, которые предстоит преодолеть. Сложности эти возникают не сами по себе, а являются результатом поведения определенных классов, политических и общественных организаций. Но как бы ни были сильны субъективные факторы, у международной солидарности есть объективная основа — ее антиимпериалистическая направленность. Именно на этой основе объединялись и объединяются все прогрессивные демократические силы, выступающие за мир, свободу, национальную независимость и социальный прогресс.

Что касается Советского Союза, то он всегда был и остается на стороне справедливого дела борющихся народов.

25 МАЯ — ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ АФРИКИ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЭТАП

Анатолий НИКАНОРОВ

Утром 25 мая у Дома Африки, который стоит в центре эфиопской столицы, зазвучат фанфары. Они возвестят о том, что Организации африканского единства (ОАЕ) исполнилось 18 лет. 25 мая 1963 года в Аддис-Абебе собрались лидеры 30 независимых государств континента и подписали документ, провозгласивший борьбу за ликвидацию колониализма и расизма священным делом народов. С тех пор эта дата отмечается всем прогрессивным человечеством как День освобождения Африки.

Сейчас ОАЕ насчитывает пятьдесят стран-участниц. Они разные как по экономическому укладу, так и по политическому устройству. Одни идут по революционно-демократическому пути и проводят подлинно независимую политику, отвечающую интересам самых широких масс. В других власть оказалась в руках компрадорской буржуазии, и они следуют в фарватере империализма. Однако соотношение сил складывается в пользу прогрессивной Африки.

Особым нападкам подвергаются государства, избравшие социалистический путь развития. Вспомним трагические события в Анголе середины семидесятых годов. Саботаж, диверсии, вооруженная интервенция. Вспомним Эфиопию: тот же арсенал средств, чтобы затормозить процесс социально-экономических преобразований. Интернационалистская поддержка Советского Союза и других социалистических государств сорвала тогда замыслы врагов свободы Африки. Но это вовсе не означает, что они отказались от них окончательно. США до сих пор не имеют дипломатических отношений с законным правительством Народной Республики Ангола, признанным ООН, ОАЕ и даже большинством их союзников. Более того, новая администрация Белого дома откровенно демонстрирует симпатии к своим старым протеже — бандам УНИТА. Заключив военное соглашение с руководителями Сомали, Пентагон накаляет обстановку на Африканском Роге, пытаясь и здесь вернуть утраченные позиции.

Независимая Африка справедливо усматривает в таком курсе угрозу для своего существования. Поэтому с большим удовлетворением были встречены слова, сказанные товарищем Л. И. Брежневым с трибуны форума советских коммунистов: «Ни у кого не должно быть сомнений, товарищи: **КПСС и впредь будет последовательно проводить курс на развитие сотрудничества СССР с освободившимися странами, на упрочение союза мирового социализма и национально-освободительного движения**». Да, Советский Союз всегда был и остается противником экспорта революции, но он никогда не сможет согласиться и с экспортом контрреволюции.

Предостережение в адрес международной реакции прозвучало особенно актуально сейчас, когда официальный Вашингтон вознамерился вернуть себе роль вершителя судеб народов и с этой целью изобрел новую доктрину, объявляющую всякую освободительную борьбу проявлением «международного терроризма». Нетрудно догадаться, к чему стремятся по ту сторону океана: всюду, где народы добиваются права распоряжаться своей судьбой, своими природными ресурсами, достаточно наклеить на патриотов ярлык «террористов», чтобы оправдать и поддержку самых реакционных режимов и прямую интервенцию извне. Наиболее яркий пример тому — Намибия. Расистский режим ЮАР вопреки всем решениям Организации Объединенных Наций продолжает незаконно оккупировать эту страну, располагающую огромными природными богатствами и имеющую важное стратегическое значение.

Приход к власти Р. Рейгана, который назвал ЮАР «дружественной страной», придал еще больше наглости главарям апартеида. Они торпедировали в начале этого года международную конференцию по намибийскому вопросу, которая проходила в Женеве. А в последних числах апреля три западные державы — США, Англия и Франция — наложили в Совете Безопасности вето на проект резолюции, предписывавшей введение всеобъемлющих санкций против Претории. Так Запад окончательно сбросил с себя маску «благотворителя» африканских народов и открыто встал на сторону расистов. Приезд в середине мая в Вашингтон с официальным визитом министра иностранных дел ЮАР Р. Боты поставил последнюю точку в политическом саморазоблачении покровителей главарей апартеида. Удивляться этому не приходится. И те и другие преследуют одну цель: удержать Намибию как кладовую стратегического сырья и как плацдарм для наступления на независимую Африку.

«Прифронтовые» государства и Организация африканского единства уже выразили свое отношение к этим планам. Они резко осудили сговор Вашингтона с Преторией и снова подтвердили свою солидарность со СВАПО в качестве единственного законного представителя народа Намибии. Таким образом, Африка вступает сегодня в ответственный этап своего развития. Только последовательная и принципиальная позиция по вопросам урегулирования кризиса в Намибии способна обеспечить победу над реакцией. Не раз за историю своего существования ОАЕ демонстрировала сплоченность и единство. Нет оснований сомневаться, что и сейчас она с честью выдержит очередной экзамен. Все честные люди планеты желают ей успеха в этой трудной, но справедливой борьбе.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

В НАБЕРЕЖНЫХ ЧЕЛНАХ

Строители Набережных Челнов и камазовцы взяли хороший старт в одиннадцатой пятилетке: в феврале была сдана вторая очередь КамАЗа. На берегу моря, рожденного усилиями строителей, вознесся город, привольно и величаво. Указом Президиума Верховного Совета СССР производственное объединение «Камгэсэнергострой» награждено орденом Ленина...

Об этих успехах говорилось на торжественных вечерах, посвященных подведению итогов социалистического соревнования на призы журнала «Огонек».

Бригада А. Андреева.

Фото М. Проворова

Бригада В. Панова.

...Длинный стеклянный корпус на станции очистки воды напоен свежестью и прохладой. Строила этот корпус вместе с другими и бригада В. Г. Панова, хорошо строила: свою десятую пятилетку выполнила к 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. В том же году, работая на подряде, сэкономила 30 тысяч рублей. Коллективу присвоено почетное звание — бригада имени XXVI съезда КПСС.

Бригада Панова оказалась лучшей среди всех хозрасчетных бригад, занятых на возведении промышленных объектов. Однако удельный вес таких коллективов в Набережных Челнах мал. Ими выполнено, как сообщил в своем докладе В. А. Альфиш, главный инженер объединения, председатель жюри соревнования, всего 16 процентов объема работ, в то время как на строительстве жилых домов, детских садов и школ — больше половины. В тресте «Металлургстрой» из 39 бригад только шесть на подряде, в СМУ № 25, где работает Панов, из 10 — две. Причины, препятствующие развитию подряда, обычные: плохое снабжение строительными материалами и отсутствие перспективного планирования по объектам.

Бригада Владимира Плюхина, завоевавшая вторую премию среди строителей,— с «Автозаводстроя». У нее были краткосрочные, с перерывами, договоры, или, как здесь говорят, «захватки». Значит, и у нее не было четкого, на полтора-два года, плана работ. Напрашивается вывод: для успешного решения задач, стоящих перед строителями в одиннадцатой пятилетке, трестам надо повернуться лицом к подряду.

Первой в соревновании на КамАЗе стала бригада А. П. Андреева, которая трудится на прессово-рамном заводе. Этот коллектив называют многоборцем: по всем технико-экономическим показателям не имеет себе равных.

— Соревнование, начатое три года назад на приз «Огонька» за звание «бригада рабочей гарантии», вовлекло в свою орбиту свыше тринадцати тысяч человек — 504 коллектива,— сказал О. Д. Белоненко, заместитель секретаря парткома объединения, открывая вечер автозаводцев в недавно сданном строителями Дворце культуры КамАЗа.— Многотысячный коллектив полон решимости в кратчайшие сроки освоить мощности второй очереди и стать предприятием высокой эффективности производства.

Вторую премию жюри присудило бригаде Квангали Утеева с агрегатного завода.

* * *

Члены творческой группы «Огонька», выезжавшей для вручения призов, встретились с секретарем горкома партии Л. В. Шиловой, выступали на заводах КамАЗа и в общежитиях строителей. Директор Центрального лектория Всесоюзного общества «Знание» Герой Социалистического Труда А. С. Кириллов прочел в Комсомольском районе лекцию, посвященную достижениям Советского Союза в освоении космического пространства. Тепло встречали собравшиеся приехавших с огоньковцами поэтессу Людмилу Шаменкову; солистку Московской филармонии Татьяну Виноградову, которая здесь уже не первый раз; артиста Москонцерта Александра Новикова. В состав творческой группы «Огонька» входили член редколлегии журнала Ю. С. Новиков, корреспонденты Г. В. Куликовская и В. А. Пронин.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

Собирая материал о болгарских антифашистах, которые сражались в Испании в 1936—1939 годах, я познакомился с летчиком Героем Советского Союза генерал-полковником Захари Захариевым, который в Испании летал на бомбардировщике. Просто и даже как-то буднично рассказывал он о тех далеких и героических днях, о первой битве с фашизмом. Вдруг, прервав рассказ, улыбнулся:

— Постойте, я вам покажу дорогую для меня фотографию.— И положил на стол небольшой снимок.

— Да, да, это я с Валерием Чкаловым. В 1937 году вернулся из Испании, остановился в Москве, в гостинице. Отдыхаю. Вдруг телефонный звонок. Поднимаю трубку, называю себя и слышу:

— Говорит Чкалов. Приглашаю вас в гости, есть фотограф, дома сейчас один.

— Не могу, товарищ Чкалов, мне запрещено фотографироваться.

— Я разрешаю, как старший.

— Я полковник,— ответил я ему.

— И я полковник, но я имел в виду не звание, а возраст.

— Вы когда родились?— спрашиваю.

— В девятьсот четвертом.

— И я в девятьсот четвертом.

Чкалов смеется в трубку.

— Но все равно я старше, я в феврале, а вы где-то там в мае—июле.

— Я тоже в феврале,— отвечаю удивленно.

— Что-о? А какого дня, случаем не второго?

Тут я уже не выдержал:

— Четвертого февраля, но не будем больше уточнять, я еду. Где вы живете?

Чкалов подробно рассказал, как найти квартиру недалеко от Курского вокзала. Я нанял такси, разыскал дом. Позвонил. Чкалов открыл дверь, улыбаясь, крепко обнял, расцеловались мы с ним. В квартире никого не было. Присели, он стал расспрашивать о воздушных боях. Слушал очень внимательно, иногда переспрашивал о том, как ведут себя в бою фашистские летчики. Потом вздохнул и с сожалением сказал:

— Знаете, я просил правительство, чтобы мне разрешили поехать в Испанию, но отказали.

— И правильно сделали.

Чкалов возмутился:

— Как это правильно?! Почему?

Валерий Павлович Чкалов и Захари Захариев. Фото 1937 года.

Фото Б. Вдовенко

— Таким летчиком, как вы, рисковать нельзя.

— Ладно, теперь уже поздно об этом говорить.

Зазвонил телефон. Чкалов взял трубку.

— Да, приходите, я жду.

Немного погодя пришли два фотокорреспондента, и мы сфотографировались.

Захари Захариев подержал в руке снимок.

— Больше я с Чкаловым не встречался. Возьмите фотографию — это мой подарок.

В. СЕРБИНЕНКО,
преподаватель Ставропольского кооперативного техникума

САМООТВЕРЖЕННЫЕ СЕРДЦА

Хочу рассказать о замечательных людях, которые воспитали четверых детей и воспитывают до сих пор младшую, Наташу. По известной причине не называю их фамилию, но многие узнают их. Наталья Ивановна и ее муж Анатолий Петрович прожили уже шесть лет вместе, когда врачи вынесли свой приговор, что Наталья Ивановна не сможет иметь детей. Оба решили, что надо взять на воспитание ребенка в детском доме. Но тут у соседей случилось несчастье, и двое детишек остались сиротами. Старшей девочке было четыре года, брату — два. Супруги усыновили малюток и срочно выехали из этого города. Шли годы, дети подрастали, и вот однажды в народном суде решалась судьба женщины, потерявшей человеческий облик, вернее, судьба ее двух малолетних детей. Суд лишил мать родительских прав, а Анатолий Петрович и Наталья Ивановна взяли детей к себе. Соседи им говорили: «Что вы делаете? Неизвестно, что из них выйдет?» Но новые родители твердо решили воспитать и этих двух мальчиков и опять переехали в соседнюю область. Трудно было вначале. Оба мальчика смотрели волчатами, дичились, почти не разговаривали ни с кем, не реагировали даже на добро. Но любовь и тепло нового дома победили. Шли годы, дети подрастали, учились. И вот несколько лет назад по местному телевидению выступила главный врач родильного дома и рассказала, что родители отказываются взять новорожденную девочку. Отец ребенка — следователь прокуратуры, мать — преподаватель музыкального училища. Причина в том, что у девочки на ручках вместо пяти по шесть пальчиков и, видите ли, они мечтали, что дочь будет пианисткой, а с этим дефектом она не сможет выступать в такой роли. Общественность города была буквально возмущена такими, с позволения сказать, родителями.

Несмотря ни на что, родители тайком уехали из города, так и не взяв свою дочь. Теперь вы догадались, что пятая — Наташа! Врачи очень удачно сделали ей операцию, и девочка растет — чудо! Пусть же узнают теперь те (не хочу их называть родителями), что дочь их счастлива и растет среди любящих ее людей.

Сейчас эта дружная семья живет в большом городе, и никто даже не догадывается, что все пятеро детей, а теперь уже и трое внуков — дети от разных родителей.

Узнала я эту историю давно, переписываюсь с этой семьей. Мне думается, что случай этот поучителен для тех, кто не думает о том, какова радость материнства. Я никогда не писала в журналы, может быть, что-то не так, но если бы я была писателем, написала бы роман об этих замечательных людях.

А. АЛТАЙСКАЯ

Камчатская обл.

ДОСАДНАЯ МЕЛОЧЬ

Может быть, это и мелочь, но досадная мелочь для нас, домашних хозяек. Очень многие любят к завтраку яйца всмятку. Такой завтрак не требует особых хлопот, к тому же вкусен и питателен. Но вот беда, в продаже давно уже нет подставок для яиц. А, помню, сколько их было, и фарфоровых, и из цветного стекла, и пластмассовых. Исчезли в наших магазинах и такие мелочи, как вазочки и розетки для варенья. В больших сервизах они еще встречаются, но не покупать же целый сервиз, если тебе в хозяйстве не хватает только вазочки для варенья. Может быть, и предприятиям нерентабельно возиться с подобной продукцией. Но хочется надеяться, что вопрос этот все же будет решен.

Р. ПАНОВА,
пенсионерка

Украинка,
Киевская обл.

ВСТРЕТИЛИСЬ ВЕТЕРАНЫ

В № 22 журнала «Огонек» за 1980 год была опубликована заметка В. Федоровича «Сын полка Володя». Ветераны дважды Краснознаменного 738-го стрелкового ордена Суворова полка, 134-й Вердинской стрелковой дивизии, знамена которой прошли трудный путь от Москвы, через Белоруссию, Польшу до Магдебурга, не забыли свои боевые годы, не забыли и павших за Родину товарищей.

Трагическая смерть 375 солдат, сержантов и офицеров осталась вечной скорбью о погибших.

Публикация заметки В. Федоровича сблизила и оживила работу среди ветеранов полка и дивизии. В розыске сына полка Володи нам помогли Турийский райвоенком майор Евтушенко и ученики средней школы села Новый Двор, Турийского района, Волынской области, а также ученики 7-го класса 98-й школы г. Омска.

После победы в 1945 году старшина Горюнов К. В. и рядовой Зотов В. И. повезли Володю сначала в Москву, а потом в Донбасс. Там он окончил техническое училище, получил профессию шахтера. С тех пор наш сын полка — Криворучко Владимир Васильевич работает шахтером, ему 50 лет, женат, двое детей. Старший, Юрий, отслужил в рядах Советской Армии, а дочь Лариса учится в 5-м классе. Живет семья Криворучко в Червонопартизанске, что в 90 километрах от Ворошиловграда.

На статью откликнулись ветераны полка И. Д. Чернятинский, М. И. Цицилин, В. Х. Шульга, В. А. Судейкин, Г. Н. Кравченко, Я. Е. Коновалов и решили обязательно встретиться. Создана орггруппа в Волгограде.

Многие фронтовики сейчас на пенсии, другие продолжают трудиться, показывая пример молодежи, воспитывая ее в духе советского патриотизма.

Хочется еще добавить, что на фотографии в журнале «Огонек» в коляске мотоцикла сижу не я, а старший лейтенант А. В. Котов.

С. ОКУНЕВ,
ветеран войны и труда

Ташкент.

ПОЧЕМУ ИСЧЕЗЛИ РОМАШКИ!

Лет шесть назад на Ленинских горах в Москве росла гвоздика Фишера, очень красивый цветок. Теперь ни на Ленинских горах, ни в других местах столицы и области я ее не встречаю. Исчезла.

Еще лет десять назад в Битцевском лесопарке Москвы, замечательном месте, росла уйма ромашки. Обыкновенной ромашки. Огромная территория была покрыта ею. Теперь ее почти тоже нет. Объясняю причину ее исчезновения. Тысячи людей, гуляя по парку (с 1968 года вокруг Битцевского лесопарка началось массовое строительство жилых домов), рвали ее, очень часто, вероятно, вместе с корнями, а через несколько часов при выходе из парка выбрасывали завянувшие букеты.

Приближается лето. Снова огромное количество людей будет гулять в парках, лесах.

Мне хочется попросить их со страниц «Огонька»: «Товарищи, пожалуйста, не рвите цветы, не обламывайте ветки деревьев. Иначе через какое-то количество лет наши лесопарки будут напоминать собой пустыню.

Не разрешайте губить природу и своим детям».

Я всегда, когда гулял со своей маленькой дочкой, не разрешал ей рвать цветы. Говорил: «Цветок, живое существо, пусть растет, живет». Теперь моя дочь — взрослый человек, имеет высшее образование, и уже, в свою очередь, учит людей не наносить природе вреда.

Б. ЕФЕТОВ,
журналист

Москва.

РЕШАЮЩИЙ, НАИБОЛЕЕ ОСТРЫЙ УЧАСТОК СЕГОДНЯ — ВНЕДРЕНИЕ НАУЧНЫХ ОТКРЫТИЙ И ИЗОБРЕТЕНИЙ.

Из доклада Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. БРЕЖНЕВА на XXVI съезде КПСС.

ПОСТИЖЕНИЕ КОЛЫМЫ

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ, специальный корреспондент «Огонька»

ИССЛЕДОВАНО — В ПРАКТИКУ

Самородок ничем особенным не отличался. Он лежал на моей ладони, отливая тускло-матовым светом, и если б не желтизна, был бы похож на многих своих собратьев из россыпей. И все же это был особый самородок...

Однажды президент Академии наук СССР Анатолий Петрович Александров, услышав в одном из вполне «благоустроенных» дальневосточных научно-исследовательских институтов жалобу на то, что вычислительный центр при своем банке данных не может полностью справиться с поставленными задачами, ответил: «Обратитесь к магаданцам, они решат».

Я хожу по лабораториям Магаданского северо-восточного комплексного научно-исследовательского института и начинаю понимать, что́ вмещала в себя эта короткая фраза президента Академии наук СССР.

— Все больше горячих точек на экономической карте страны появляется в районах Северо-Востока, — рассказывает мне первый заместитель директора института Владислав Иванович Гончаров. — Возводятся новые города, строятся рудники, аэропорты, гидроэлектростанции, дороги — словом, все то, без чего не может жить экономически развитый регион. Стержневым направлением деятельности нашего института стало освоение подземных богатств природы.

КАК СПРЕССОВАТЬ СТОЛЕТИЕ

...И все же это был особый самородок. Заведующий лабораторией литогенетических проблем россыпеобразования Ю. В. Шумилов извлек его из установки. Эксперимент длился 150 часов, но вобрал в себя несколько десятилетий.

Глубоко в земных недрах рождается самородок. Тысячелетиями несет его природа вверх. Наконец, река, точа землю, добирается до него. Узнать в нем драгоценный металл в это время трудно, весь он укутан кварцевой шубой, сквозь которую лишь слабо просвечиваются золотые вкрапления. И на самородок совсем непохож.

Много времени проходит. Жизнь в россыпи совершенно меняет облик этого рудного сростка. Вода, воздух, жара, холод, галька, песок очищают от кварца и отмывают его. Вот тогда он и является удачливому добытчику как самородок.

Нет, установка, с которой работает Юрий Васильевич, не рождает самородки. Более того, она даже не научит человека их отыскивать. Здесь цели несколько другие и более серьезные — поиск коренных месторождений. Причем не только золота, но и олова и вольфрама.

Веками жара и холод, ветры и дожди, землетрясения, все буйства природы медленно, но неуклонно разрушают коренные месторождения. Водные потоки, возникающие от таяния снегов и летних ливней, подхватывают измельченные куски кварца с заключенными в них частицами золота и других минералов, увлекают их в русла рек и ручьев. Там они уносятся все дальше и дальше. Истираются, распадаются на мелкие частицы, высвобождая ценные минералы и осаждая их. Так образуются россыпные месторождения.

Ученые установили, что между изменением формы, веса частиц россыпи и пройденным ими расстоянием, то есть удалением от коренного источника, существует строго определенная зависимость. И потому, чтобы усовершенствовать методы поиска коренных месторождений, здесь, в лаборатории, разработали и создали оригинальную установку. Она дает возможность узнать, как изменяются россыпеобразующие минералы в водном потоке с течением времени и все большим удалением от коренного источника, как концентрируются в русловых осадках, как измельчаются под действием дробления, стирания. И вот — эксперимент.

Перед его началом Шумилов загрузил в барабан маловыразительную массу, именуемую водно-обломочной смесью, и включил установку. Завертелось, закружилось. И самородок был здесь, увы, рядовой штатной единицей. Но никто, ни один геолог не смог после эксперимента отличить его, «инкубаторского», от естественного. Следовательно, лабораторная установка словно копия природы, причем авторская копия. Вот как сумели ученые вместить много десятилетий на шкале всего одной рабочей недели.

День за днем они вели кино- и фотосъемку образцов водно-обломочной смеси. Так в лаборатории ищутся пути к коренным месторождениям. Потом ученые выйдут в поле. Проверять, уточнять, искать. И мне вспоминаются слова В. И. Гончарова, заместителя директора института:

— В конце пятидесятых — начале шестидесятых годов магаданскими геологами и была доказана высокая перспективность громаднейшей и своеобразной геологической структуры — так называемого Охотско-Чукотского вулканогенного пояса. Помимо благородных металлов, здесь были открыты месторождения олова, ртути, обнаружены интересные проявления меди, железа, молибдена и других полезных ископаемых.

Выявленные месторождения, прежде чем будут вовлечены в народнохозяйственный оборот, должны быть тщательно изучены. Особенно важны при этом данные о закономерностях их размещения, геологическом строении рудных полей, минералогии, физико-химических условиях формирования месторождений. Без этих данных невозможно оценить месторождение и, следовательно, определить целесообразность затрат на его освоение.

СИГНАЛ ИЗ-ПОД ЗЕМЛИ

Эта удивительная работа неожиданно напомнила мне про... дальний космос, куда залетали наши межпланетные станции и откуда сквозь мощный многоголосый вселенский шум неслись к Земле сигналы с уникальной информацией о природе и свойствах планет. Чтобы выделить и отфильтровать эти сигналы, потребовались выдающиеся по замыслу и исполнению технические средства.

И в данном случае речь также пойдет о «полезном» сигнале. Трудноразличимом, замазанном, запачканном, приходящем через тысячи лет. Сигнале из глубокого подземелья.

Ледяные жилы — главные действующие лица в царстве вечной мерзлоты. Клиньями разрастаются они вглубь год от года, век от века, образуя под землей мощные лабиринты столбов, доходящих в диаметре до 4—5 метров. Углубляясь и расширяясь, жилы-клинья выдавливают на поверхность подземные слои грунта, образуя характерные валики.

Вооружившись теорией роста ледяных жил, магаданские ученые сумели доказать, что в выносах подземных слоев есть «полезный сигнал» — сведения о том, что́ ценного для геолога там, глубоко под землей. Они обосновали возможность расшифровки секретов подземных кладовых.

Затем на помощь пришла ЭВМ. Сотрудники вычислительного центра института разработали специальную систему «Геолис», которая поможет безошибочно определять, есть ли здесь месторождение или нет. Теперь поиск россыпных месторождений должен значительно упроститься. Схема действий такова. Геологи привезут с поля пробы подземных выносов грунта, взятые у основания ледяных жил. Далее — простейший химический анализ. Его результаты закладываются в ЭВМ, которая тут же выдаст «отфильтрованный» сигнал, говорящий о наличии либо отсутствии месторождения.

Работа ученых лишь недавно завершена, до практического применения дело дойти пока не успело. Но ее ждут, торопят.

О ПОЛЬЗЕ КРУШЕНИЯ ПЛАТФОРМ

Может быть, и бездонны подземные кладовые, да только торить к ним пути все труднее. Это неизбежно. И потому самоуглубление интересов обретает буквальный, физический смысл.

Однако остается непреходящей истина: чем крупнее дом, тем мощнее фундамент. Чтобы увидеть то, что всего в десятках метров под ногами, нужно изучить и понять процессы крупномасштабные и в сотни раз более глубинные. На то есть тектоническая наука.

Мы беседуем с заведующим лабораторией региональной тектоники профессором С. М. Тильманом.

— В самом центре Магаданской области, — говорит он, — мы до недавнего времени выделяли Колымскую платформу. А с платформенными структурами связан совершенно определенный комплекс полезных ископаемых.

А. Ткачев. Род. 1925, С. Ткачев. Род. 1922. НА РОДНОЙ ЗЕМЛЕ. 1977—1980.

Всесоюзная художественная выставка «Мы строим коммунизм».

А. Грицай. Род. 1914. ЛЕТЯТ ЖУРАВЛИ. 1980.

Всесоюзная художественная выставка «Мы строим коммунизм».

Но вот сейчас мы доказали, что там не платформа, а так называемая «геосинклинальная складчатая область», то есть область складчатых сооружений, как, например, Урал. А значит, здесь уже иной, но опять же совершенно определенный комплекс полезных ископаемых. И что же получается?

Раньше Северо-Восток совершенно исключался из претендентов на крупные медеосные провинции. Мы же теперь установили признаки оруденения и меди, и цинка, и свинца, и других металлов.

Однако не следует раньше времени трубить сбор поисковикам. Не все, возможно, здесь будет иметь промышленное значение, нужно еще многое выяснить. Но важно то, что Северо-Восток куда более богат и перспективен, чем полагали многие горячие головы еще лет двадцать назад. Да, именно тогда всерьез рассматривался вопрос о постепенном сокращении поиска, разведки и добычи полезных ископаемых на Колыме и Чукотке.

Наконец, «упразднение» нами Колымской платформы означает и принципиальное изменение взглядов на геологию Северо-Востока. Так что можно ожидать еще очень многого.

СОРВАТЬ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

— Как вы думаете, спокойным ли районом является наша Магаданская область? Я имею в виду сейсмичность... — спросил меня заведующий лабораторией сейсмологии и физических свойств горных пород, заместитель директора института Л. И. Измайлов.

— Да как будто не буйным.

— А что вы скажете, если в семьдесят втором году в верховьях реки Кулу было землетрясение силой в девять баллов? Если на днях в Сеймчане ощущались толчки в пять баллов? Сколько землетрясений происходит в нашей огромной области, знают, пожалуй, только сейсмологи. Ведь плотность населения невелика. Подчас на сотни километров ни души. Но именно это должно дать возможность провести наш уникальный эксперимент.

На протяжении многих десятилетий все теоретические работы о причинах и очагах землетрясений основываются на теории упругой отдачи. Основной смысл здесь в том, что в результате смещения блоков земной коры накапливаются упругие напряжения, которые и приводят к ее разрыву...

Ученые Магаданского института решили с этим не согласиться. Они пришли к выводу: землетрясение — это удар массы, приводимой в движение под действием гравитационных сил. Причем речь идет о блоке протяженностью в десятки километров. После удара упругие волны в земной коре переносят импульс, который в худшем случае рушит дома и мосты, а в лучшем заставляет слегка подергиваться стрелки сейсмографов.

— Что ж, это еще одна работа о природе землетрясений. Отсюда, очевидно, последует некая новая методика их предсказания, не так ли? — спросил я Измайлова.

— Нет, не так. Мы ставим вопрос не о предсказании, а о предупреждении, о срыве землетрясения.

Поясню. Если нам известно строение земной коры, то мы можем знать и распределение массы в том или ином блоке. Следовательно, можно подсчитать и величину накопленной здесь потенциальной энергии блока относительно некоего уровня.

В лаборатории мы установили, что если к образцам твердых диэлектриков (а горные породы таковыми и являются) приложить постоянное электрическое поле, то их прочность уменьшается.

И вот представьте, что обследовали какой-то блок и установили, что запас его потенциальной энергии близок к критическому. Землетрясение неизбежно. Но когда? Через год или через три? Мы считаем, что лучше через месяц, но только пусть оно будет управляемым, мы сами его организуем. Нужно лишь правильно приложить напряжение. И можно сделать так, что землетрясение будет уже не восьмибалльным, а четырех-пятибалльным.

— Все это очень интересно. Но сначала нужен эксперимент. Однако организовать его, должно быть, совсем непросто?

— Как сказать. В небольших масштабах, «домашнее» землетрясение — это возможно даже теперь. И мы готовимся. Ну, а дальше — время покажет. Мы убеждены, что на верном пути. Но многие с нами и не согласны, это неизбежно.

Я подумал, что это очень заманчивая, даже красивая идея. Нельзя, разумеется, думать, что срыв землетрясений не за горами. Пока за горами. Но хочется верить, что это как раз те горы, где будет проведен первый масштабный натурный эксперимент.

ЖИВАЯ МЕРЗЛОТА

Ледовитый океан — величайший источник тепла. Древний животный мир, в том числе и мамонты, населявшие евроазиатский север, погибли не от холода, а в результате потепления. Северная тундра — крупнейшая кормовая база.

Все сказанное не парадоксы, а, можно сказать, тезисы официально утвержденных результатов, полученных магаданскими мерзлотоведами, внесшими существенный вклад в теорию мерзлотоведения. А практически? Последовала теория происхождения и развития термокарстовых озер, которыми буйно изобилует тундра. Затем рекомендации по спуску этих озер и созданию на их дне искусственных лугов. И вот уже на Чукотке сеют многолетние травы и получают такие урожаи зеленой массы, что редко удаются у нас, в средней полосе.

В свое время многие гидротехнические сооружения в Магаданской области пришлось капитально ремонтировать из-за отсутствия мерзлотного надзора. Увы, и сейчас практически нет системы мерзлотных станций. Но это издержки только организационного характера, которые никак не связаны с авторитетом и состоятельностью позиций мерзлотоведов Магаданского института. Своим малым войском они делают многое. Так, провели предварительную оценку и дали рекомендации по строительству плотины в Анадыре, которая будет вдвое выше и в пять раз длиннее старой. Там сейчас пробурена система скважин, по которым ведутся наблюдения за мерзлотой. Если вдруг повысится температура грунта и начнется протаивание, вода сможет пойти под плотиной, размоет и в конце концов прорвет ее. Таков печальный опыт прошлого. Теперь же все предусмотрено. И меры и средства. Но пока главное — контроль.

Мерзлотоведами проведены работы и на других важных объектах и, конечно, в Синегорье, на строительстве Колымской ГЭС. По разработанным в лаборатории критериям ученые указали территорию, менее других подверженную подвижке грунтов. Далее, после окончательного выбора места строительства определили здесь естественное температурное поле и просчитали величины его возможных изменений. Проектировщики и строители теперь хорошо знают, что вечно мерзлая земля не вечно мертвая...

Листая выпущенную недавно в США книгу всемирно известного геохимика Р. Бойля, я обнаружил, что многие ее разделы написаны в основном по материалам работ магаданских ученых. Это уже к вопросу об академичности исследований, о вкладе в фундаментальную науку. Сюда можно отнести работы института по геологии, космофизике, истории, археологии, этнографии.

В разные времена и годы выходили в свет постановления о повышении эффективности научных исследований, об укреплении связи науки с производством. Думаю, что северо-восточного комплексного научно-исследовательского института эти важные документы касались меньше, чем большинства других. Их исследования были обращены к жизни изначально.

Главный корпус северо-восточного комплексного научно-исследовательского института.

Во время поездки по Дальнему Востоку президент АН СССР А. П. Александров и вице-президент АН СССР А. В. Сидоренко посетили северо-восточный комплексный научно-исследовательский институт.

На снимке, сделанном в геолого-минералогическом музее института, сидят: А. П. Александров и А. В. Сидоренко. Стоят: заместитель директора института С. Г. Желнин, Председатель президиума Дальневосточного научного центра, директор СВКНИИ академик Н. А. Шило, директор музея Г. Ф. Павлов.

Фото С. Васильевой

ДРАЧУНЫ

Михаил АЛЕКСЕЕВ

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Мне кажется, что со временем вообще перестанут выдумывать художественные произведения... Писатели, если они будут, будут не сочинять, а только рассказывать то значительное или интересное, что им случалось наблюдать в жизни.

Л. Н. Толстой.

Внучке моей Ксении посвящаю.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

У Ивана Павловича Наумова было правило, коего он неукоснительно придерживался на протяжении всех лет своей педагогической практики: чтобы проверить учеников на сообразительность, где-то в начале последнего часа занятий он подходил к доске, записывал на ней арифметическую задачу и, повернувшись к классу, объявлял:

— Ну, так вот-с... (однажды в этом месте у Ивана Павловича вырвалось слово «господа», но учитель быстро поймал его и проглотил).— Ну, так вот-с... Кто решит пример первым, тот первым же и отправится домой.— При этом длинные, прямые, редкие и жесткие, седые усы его хитренько подергивались. Должно быть, за них да еще за крутой лоб и круглые зеленоватые глаза Иван Павлович и был прозван в какие-то донашенские еще времена Котом.

Кот, как ему и полагалось, уходил в дальний угол и, затаившись, зорко наблюдал оттуда за классом, подстерегая жертву, то есть ученика, который быстро справится с заданием и, не удержавшись, подскажет результат своему товарищу.

До революции, когда Иван Павлович обучал в трехклассной церковноприходской школе наших отцов и матерей, он поступал в таких случаях очень просто: тихо, опять же по-кошачьи, подходил к подсказчику и, ни слова не говоря, вытягивал его линейкой вдоль спины, а то и опускал это орудие на бойкую головушку несчастного рыцаря.

Теперь взамен физического мудрый Кот изобрел воздействие психологическое, пожалуй, более тяжкое для нас, его питомцев. Ученик, который «решил» задачку с помощью соседа по парте, казалось бы, вопреки всякой логике отпускался домой, а тот, который его выручил, тут же получал задачку новую, намного сложнее первой; затем — еще одну, потруднее; за этой — еще и еще... много задачек,— и так до тех пор, покуда весь класс не опустеет и в нем не останутся лишь двое: учитель и провинившийся ученик.

На этот раз в роли пойманного мыша оказался мой верный дружок Ванька Жуков, невыдуманный тезка известного чеховского героя. Задачка в общем-то была пустяковой даже для нас, недавно приобщившихся к учению огольцов: пятнадцать разделить на три. Я хоть и был не в самых лучших ладах с арифметикой, но в обычной, спокойной обстановке без особенных усилий одолел бы такой пример. Но тут представилась возможность отличиться и, главное, раньше срока отправиться домой — не домой, конечно, а в другие места, где тебя ожидало множество занятий, куда более веселых, чем школьные уроки.

Но вот беда: когда желанная цель близка и когда ты всей нетерпеливой душой своей устремился к ней, на тебя вдруг страшною тяжестью наваливается какое-то отупение, голова наотрез отказывается соображать, и ты, мгновенно окатившись пóтом, в ужасе летишь в некую пропасть.

В такой-то роковой для меня миг я и услышал горячий Ванькин шепот:

— Пять... пять!..

К восьми годам дружок мой еще не до конца избавился от шепелявинья, и у него получалось не «пять», а «пячь».

И вот тут-то рука, бросившая мне спасательный круг, была поймана, что называется, с поличным. Решивший раньше всех задачку, Ванька был остановлен учителем на полпути к дверям. Из солидарности с товарищем задержался было и я. Однако Иван Павлович строго пресек благородные мои намерения, сказав:

— Ты, братец, иди. А Жуков останется.

— Но я же...

— Правильно. Ты же р е ш и л, ну, и ступай. Марш, марш! — Длинные усы Кота ехиднейше шевельнулись.— А Жуков посидит еще. Куда ему спешить?

Удар был тщательно выверен загодя. Ученый Кот угодил в самое больное место: «спешить» и мне и Ваньке было куда.

Сэкономленное на последнем уроке время и то, что оставалось до вечера, мы провели бы наилучшим образом. Нам ничего не стоило в один миг переплыть на долбленке Узенькое местечко на Грачевой речке и очутиться в торнах, то есть в терновнике, где ягоды собраны лишь наполовину, а самые спелые, налитые сладчайшим соком, предоставлены скворцам, по случаю теплой осени не торопившимся в заморские края. Надклеванные ими терннинки источают густо-красную сукровицу и, пораненные, вкусны уже выше всякой меры. Ими-то мы и собирались полакомиться в первую очередь. А во вторую — побродить по яблоневым садам, оставленным — поскольку урожай уже вывезен — хозяевами без всякого присмотра, пошарить глазами по вершинам дерев — там наверняка отыщется где одно, где два, а где и десяток либо анисовых, либо антоновских яблок, которые к этой поре непередаваемо вкусны и душисты. Яблоки эти недоступны только для взрослых, но не для нас, деревенских ребятишек. По ловкости и быстроте вскарабкиванья на деревья с нами могут сравниться разве что кошки, да и то в момент, когда их настигает собака. На огородах, обычно притуляющихся к садам, можно еще захватить врасплох и морковку — она не боится легких осенних заморозков и по этой причине убирается позже других овощей. «Перестоит» ее, может быть, лишь капуста, которой небольшой морозец на пользу. Эту-то садово-огородную азбуку мы с Ванькой Жуковым знали «на отлично».

В плане нашем на тот остаток дня было и другое. На обратном пути мы намеревались заглянуть в церковь, к вечерне, но не для того, чтобы помолиться. Просто в такой час представлялась великолепная возможность проникнуть на колокольню, встроенную в одну из церковных башен, а через нее — в сообщающиеся между собой темницы, то есть чердаки под всеми пятью главами, где водилось несметное количество голубей, так что при удаче можно прихватить парочку и унести домой, в собственную голубятню.

Теперь все наши планы безнадежно рушились.

Понурившись, чувствуя себя совершенно уничтоженным, я медленно вышел на школьное крыльцо, еще медленнее спустился по ступенькам во двор; прислонившись к ограде, стал ждать Ваньку. Знал, что он теперь будет отпущен из класса последним, а потому и запасся терпением. Уйти без Ваньки я, разумеется, не мог.

«Скоро, что ли, этот презлющий Кот отпустит его?» — Мои глаза вновь обратились на школьную дверь. Время от времени она открывалась и выпускала на улицу учеников старших классов. С очередной партией появился и Ванька. Я не сразу увидел его, потому что Ваньку закрывали от меня взрослые ребята. Но вот раскрасневшееся его лицо показалось впереди. Я сорвался со своего наблюдательного пункта и рванулся с кличем «ура» навстречу. И был ошеломлен, когда Ванька с ходу, с разбегу ударил меня головой в подбородок, да так сильно, что из глаз моих посыпались искры.

— Ты... ты за что меня, Ванька?! — возопил я, задыхаясь и от страшной боли и от жгучей обиды.— За что-о-о?! Эх, ты-и-н!..

— А ты... ты за что?! — в свою очередь, закричал Ванька, мертвою хваткой вцепившись в мой воротник. Смаргивая с длинных ресниц слезы (они выступали у него скорее от злости, чем от боли или обиды), Ванька вдруг размахнулся и ударил меня в лицо.

Мне ничего не оставалось, как ответить ему тем же.

Помутившись разумом, слепые в ярости, мы, на потеху обступивших, взявших нас в кольцо зрителей, коими оказались учащиеся старших классов, начали дубасить друг дружку со всем возможным.

Журнальный вариант. Полностью роман печатается в журнале «Наш современник» (№№ 6, 7 за 1981 год).

усердием и, наверное, напоминали молодых кочетов в момент их бескомпромиссной схватки. Появившаяся на лицах бойцов кровь усугубила дело, поприбавила лютости. Мы готовы уж были к рукам подключить и наши крепкие зубы. А тут еще кто-то большой и, конечно же, очень глупый, крутясь возле дерущихся, подзадоривал, подогревал:

— Дай ему, Ванька, как следует!.. И ты, Мишка, не сдавайся! Чего красные сопли развесил?.. Под дых ему, под дых!.. Та-а-ак! Молодцы!.. А ну еще разик!.. Так... так... так!

То был Самонька, вынырнувший из-за спин других ребят, где, пригнувшись, таился до этой минуты. Откуда нам было знать, что это он, выйдя из школы и увидев впереди себя Жукова, незаметно, очень умело подтолкнул Ваньку так, что тот угодил головой прямо в мой подбородок в момент, когда я кинулся к товарищу. Подтолкнул и сейчас же скрылся, психологически точно рассчитав свой ход: теперь и я и Ванька были в полной уверенности, что один из нас и затеял эту драку — вот только непонятно почему. Но могли ли мы, ребятишки, распаленные боем, выяснять что-то, доискиваться истины, когда война между нами уже началась и когда ты если и думаешь о чем-либо, так только о том, как бы не оказаться побежденным?..

Как и следовало ожидать, старшеклассники недолго оставались в роли зрителей. По разным причинам для кого-то из них был ближе Ванька Жуков, а для кого-то — я. Тут вступил в действие и древний, как сама Русь, неписаный закон, сформулированный, однако, лаконично, кратко и тревожно-возбуждающе: наших бьют! Подчиняясь ему, как сигналу бедствия, мальчишки с Непочетовки, Завидовки и других близлежащих улиц и проулков взяли мою сторону, а те, что жили на другом конце села, именуемом Хутором, и в примыкавших к нему окраинных домах, вступились за Ваньку. Оставили свои веселые игры и наши одноклассники. Позабыв о сумках с учебниками и тетрадями, валявшихся где попало прямо на земле, они с воинственным кличем ворвались на поле брани и сейчас же пустили в дело свои кулаки, не разбирая поначалу, кто тут их друг, а кто враг. Теперь «красные сопли» можно было увидеть не только под моим и Ванькиным, но и под многими другими носами.

Выскочившему из школы Ивану Павловичу, а также поспешившим ему на помощь мужикам из соседних дворов и из сельского Совета не сразу удалось усмирить это воинство. Лишь после того, как к ним присоединились покинувшие церковь отец Василий и Иван Морозов,— к этому часу они готовили божий храм к вечерне,— только после этого костер был погашен. Но головешки от того костра с их едким, щиплющим глаза дымком и резким раздражающим запахом каким-то образом переселились в мое сердце, отчего жизнь, вчера еще полная очарования и ослепительного смысла, сразу же потускнела для меня, слиняли ее краски, побледнели, и все вдруг как бы задернулось серой, нерадостной пеленой, через которую не мог пробиться ни один солнечный лучик и осветить, согреть осиротевшую, напуганную душу ребенка.

Ну, а Самонька?

Увлеченный зрелищем ребячьей потасовки, он уже и забыл, что явился источником, из которого она выплеснулась и затем воспламенилась. Когда взрослым, действующим и словом и другим, более убедительным для сельской детворы средством, удалось в конце концов утихомирить ее, Самонька тотчас заскучал и с явным сожалением побрел домой. Он был бы, пожалуй, не против, ежели б назавтра случилось нечто подобное. И не потому, что сам был злым, отпетым парнем. По своему характеру Самонька скорее принадлежал к существам простодушным и даже добрым. Дело, однако, в том, что с учением у него не ладилось, и школа могла представлять для Самоньки интерес постольку,

поскольку там можно поразвлечься. Что поделаешь, если в своих развлечениях наш придурковатый третьегодник был не слишком разборчив?

II

Мужики рассказывали потом, что труднее всего им было разнять, отцепить друг от друга нас с Ванькою. Меня лично привела в чувство и мгновенно отрезвила редкая по ядрености, звончайшая оплеуха, отпущенная от всех щедрот (знать, по-родственному) дядей Иваном, который затем ухватил железными лапищами племянника за уши и отдернул от Ваньки. Последнего сгреб в охапку здоровенный и упитанный отец Василий и унес зачем-то (не на исповедь же?) прямо в церковь, куда уже направлялись самые набожные и нетерпеливые прихожане.

Остальными бойцами занимался Иван Павлович, построив их перед собой, как ротный старшина перед казармой.

Вышла из школы и стала рядом с мужем Марья Ивановна; вдвоем они вели все четыре класса до тех пор, пока на селе не построили новую школу и не открыли в ней семилетку, а потому и отвечали здесь за все и перед районо и перед сельсоветом. На Марье Ивановне лежала обязанность не только учить, но и производить набор первоклассников. Именно к ней припожаловал прошлой осенью и я. «Где родился?» — первым долгом спросила она, склонившись над списком новых учеников. Так как я был наслышан от домашних, где мне суждено было явиться на свет божий, то тут же и ответил: «У бабушки на печке». Оказавшийся рядом Иван Павлович коротко хмыкнул. Я решил, что он мне не поверил, и пустился в подробности, но Марья Ивановна остановила меня, сказав: «Ну, ладно. Первого сентября приходи в школу». Губы ее чуть поморщились в грустновато-светлой, по обыкновению, улыбке, не замеченной тогда мною.

Иван Павлович ощупывал каждого своими колючими глазами и произносил какую-то гневную речь, но не остывшие до конца, не пришедшие в себя ребятишки не улавливали ее смысла, может быть, и вовсе не слышали этой речи, и о том, что она была очень сердитой, могли догадываться по обжигающе-острому блеску зеленоватых глаз и подергивающимся кошачьим усам учителя. Марья Ивановна молчала, скрестивши руки на груди и глядя на провинившихся удивленно-печальными, укоряющими очами,— с ними-то как раз больше всего и боялись встретиться притихшие вдруг, потерянные, оробевшие и в общем-то несчастные драчуны. На чужом пиру им досталось одно похмелье. Решительно всем. И второму после Ваньки Жукова, а теперь, наверное, первому, моему другу из Непочетовки Кольке Полякову, стоявшему на правом фланге с рассеченною нижней губой и страдающему скорее всего не от полученных в бою ран, а от мысли, что за изодранную в клочья единственную на двух братьев сатиновую рубаху придется держать ответ перед строгой матерью и перед отцом, хоть и добрым, но, кажется, самым бедным на селе мужиком, положившим основание Непочетовке своей убогой лачугой; и Миньке Архипову с той же улицы, единственному сыну у молодых родителей, больше всего опасавшихся, чтобы их слабое, изнеженное дитя не ввязалось бы в какую ни то ребячью свару; и Петьке Денисову-Утопленнику (прошлым летом, вытащив из пруда, его едва откачали и вернули к жизни) с одноименной улицы, потому как на ней проживало с полдюжины семейств, объединенных одной фамилией; и Гриньке Музыкину, безотцовщине, забубенной головушке, грозе чужих огородов, садов, а в зимнюю пору и погребов, неутомимому говоруну («Уж больно ты речист — видно, на руку не чист» — пословица, нацеленная прямехонько вот в таких добрых молодцев, как Гринька), завидовскому забияке, с которым не мог справиться даже Ванька Жуков,— он и сейчас не отводил в сторону и не опускал долу своих отчаянных, порачьи выпуклых, нагловатых глаз, а бесстрашно и вызывающе скрещивал их с глазами Ивана Павловича, чаще всего оставлявшего Гриньку Музыкина без обеда; и моему тезке Михаилу Тверскову, к которому со следующего дня я перейду за парту и буду сидеть какое-то время рядом с ним и учиться до пятого класса, вплоть до памятного тридцать третьего года, который отнимет у меня и Михаила Тверскова и множество других бесконечно дорогих мне людей; стоял перед учителями со всегдашней своей загадочной ухмылкой и мой двоюродный племянник, одним лишь годом младше меня, Колька Маслов, чуть ли не единственный, на челе коего только что закончившееся сражение не оставило никаких следов-отметин — объяснить это почти невероятное явление можно лишь исключительной хитростью этого темноглазого сорванца.

Хуже всех, надо полагать, чувствовал себя Янька Рубцов, самый робкий из моих друзей в Непочетовке, оказавшийся в свалке отнюдь не по своей воле: его кто-то из старших неласковым пинком под зад втолкнул в круговерть мальчишескую, где, судя по разбитой «сопатке», Яньке попало, кажется, больше всех. Сейчас он находился прямо против Марьи Ивановны и ждал только у нее одной для себя защиты.

— А Рубцов как сюда попал? — ахнула Марья Ивановна, заметив, наконец, Яньку и сразу же определив, что он без вины виноватый. Милостиво попросила мужа: — Отпустите его, Иван Павлович. И Архипова Мишу — тоже.— Старая учительница была совершенно уверена, что этот-то недотрога, мамкин сынок, наверняка вовлечен в потасовку другими.

— Марш домой, Рубцов! И ты, Архипов,— ну! — скомандовал Кот.— И наперед будьте осторожней.

Я дружил с Янькой, нисходя ко многим его слабостям (у кого их нет!), но одна из них казалась мне особенно неприятной и менее извинительной — это Янькина скупость, не ведающая границ. Однажды она проявилась у него, пожалуй, в самой крайней степени.

После половодья, когда наша речка Баланда возвращается в прежние, привычные для нее берега и скликает в свое лоно разбежавшиеся во все стороны, по лесам и лугам вешние воды, когда вместе с ними по бесчисленным рукавам, овражкам, рытвинам, проделанным ими же в прежние вёсны, по колесницам, углубленным шустрыми ручьями, по старице устремляются в обратный путь нагулявшиеся вволю и отнерестившиеся щуки, красноперки, жерехи, язи и всякая другая рыбья мелочь вроде ершей и уклеек, жители села Монастырского, мужская его половина, от мала до велика выходят на промысел. В дело пускаются снасти самые разнообразные, изготовленные загодя, в долгие зимние ночи. Тут и вентери, и верши, и наметки, и всевозможных форм и размеров сачки, и другие премудрые штуки, рассчитанные на то, чтобы изловить несчастную рыбешку. Тяжелыми наметками здоровенные мужики и парни орудуют прямо с берега: в мутной воде, окрашенной в глинистый цвет горными потоками, низвергающимися по оврагам, рыба слепая, она ничего не видит, и ее накрывают, наметывают такой снастью и волоком тащат на берег. С вершами же, вентерями и сачками уходят на луга, в лес — к шумно сбегающим в материнское ложе Баланды ручьям, где и преграждают путь рыбе. При этом торопятся все. Ручей потому, что боится быть перехваченным каким-нибудь невидимым сейчас холмиком или перемычкой. Рыба может остаться на свою погибель в каком-нибудь сезонном лесном болотце, с которым в две недели расправится солнце, выпьет его до самого донышка,— долго ли проживешь, оказавшись на мели в прямом и переносном смысле! Ну, а человеку и подавно следует спешить: весенний разлив недолог, а рыба выходит на свою прогулку или на пастбище на очень малый срок, равный одной неделе, не более того. Тут уж, рыбачок, не зевай. Замешкавшийся, ты можешь вернуться от иссякающего рукава или ручья ни с чем, несолоно, значит, хлебавши.

Не знаю почему, то ли мы опоздали, то ли пришли раньше времени, но за весь день в наши с Янькою верши не попалось ни единой рыбешки. Утащить снаряжение в другое место мы не могли — не хватало силенок. Верши для нас расставили тут наши старшие братья. Мы только дежурили и время от времени подымали за хвост свою снасть, чтобы заглянуть сквозь мокрые, лоснящиеся прутья, не трепещет, не барахтается ли там серебристая рыбина. Рыбины не было. Под вечер, когда терпение могло кончиться не только у ребятишек, но и у взрослых, я заскучал и, позевывая, внутренне усмехнулся.

— Янь! — окликнул своего соседа, впавшего от неудачи в апатию.

— Што? — не вдруг, сонным, ленивым голосом ответствовал тот.

— А што, ежли счас в твою вёршу попадет сто щук, ты отдашь мне половину?

Янька мгновенно оживился, сонную одурь как рукой смахнуло с его круглого, похожего на полную луну лица. Воззрившись на меня в удивлении, он горячо, с досадою вымолвил:

— Ишь ты какой умный! Нашел дурачка! Эт почему же я отдам их тебе?..

На другой ответ я и не рассчитывал, а потому и расхохотался на весь лес. Отсмеявшись, выпалил как можно громче:

— Дурак ты, Янька, скупердяй, жмот несчастный! Да ни хрениннушки ты не пымашь! Ну, лады. Прячь подальше своих щук, не то Гринька Музыкин стащит. Бывай! — С этими словами я поднялся, засунул в карман порожнюю, приготовленную для улова сумку, скверно свистнул и нырнул под голые еще ветви паклёника, оставив напарника, так, видно, и не понявшего, отчего это я рассмеялся.

Но сейчас мне было не до смеха. Усмиренный дяди-Ваниной оплеухой, я был поставлен в строй рядом с другими учениками, в полном безразличии выслушал проповедь Ивана Павловича, зацепившись ухом лишь за ее концовку, где учитель наказывал, чтобы мы сообщили своим родителям: их завтрашним вечером вызывают в школу. Это означало, что впереди нас ждала трепка более внушительная, чем та, которую мы только что учинили друг другу. Разбитые наши носы дружно, согласно шмыгнули. Кто-то непроизвольно, судорожно, с прерывистым всхлипом вздохнул. Словом, заключительная часть преподавателевой речи пришлась решительно не по вкусу всем. Видя это, Кот передернул усами, пряча под ними нехорошую ухмылку. Мы же — опять все разом — впервые за эти тягостные минуты подняли свои глаза на Марью Ивановну, инстинктивно, точно так же, как Рубцов Янька, ища у нее, ежели и не защиты, то хотя бы сочувствия. Что-то материнское, жалеющее и именно сочувствующее и мерцало в ее добрых и, как всегда, грустноватых глазах, но это было все, что могла нам предложить старая, боящаяся своего жестковатого супруга учительница. Мне показалось, что в реденьких ее ресницах, не прикрывавших красноватых век, запуталась одна слезинка.

Между тем Иван Павлович выговорился до конца и повелительным, отстраняющим жестом дал понять, что мы свободны. Никому, однако, не хотелось идти домой. Ученики не без основания опасались, что родители уже прознали о грандиозной драке возле школы (худая весть быстронога) и о том, что в ней принял активное участие их сын, и теперь где-нибудь под рукой у отца находился ремень или чересседельник, которыми чаще всего и потчевали нашкодившего. Мы понимали, что ремня не избежать, но хотели бы повременить с этим делом. Пускай уж тебя высекут поздним вечером, на сон грядущий: меньше будет свидетелей.

Взяв это в соображение, я нешибко вышел к озеру, ополоснул хорошенько лицо,

отчего царапины, кровоподтеки, синяки и шишки выступили на нем еще отчетливей, а я полагал, что теперь должен выглядеть вполне сносно.

Озеро, в котором я совершил омовение, называлось Кочками — потому, наверное, что с весны до осени берега его были изрыты коровьими и лошадиными копытами, и выворачиваемая грязь, высыхая, превращалась в несокрушимо твердые, остроконечные кочки, о которые больно укалывались даже наши задубелые, закаленные на стерне и на степных колючках босые ноги. Летом мы купали в Кочках лошадей и купались сами. Было шумно и весело, хотя в теплой, стоячей, непроницаемо-мутной воде кишмя-кишели не только караси и головастики, но и пиявки, норовившие присосаться к голому заду и напиться крови, которой у деревенской детворы ни в какие века не было в избытке. Больших, жирных пиявок (их почему-то у нас называли «лошадиными») мы не боялись: эти насосутся и сами отвалятся. Куда вреднее и противнее были тонкие, красноватые, в узкую полоску, ленточные,— они забирались под кожу и снаружи оставляли чуть видимый кончик хвоста, а за него ухватиться не могли и наши цепкие, с не постригаемыми никогда ногтями пальцы.

Сейчас Кочки были пустынны. Вода в них охолодала, обрела свинцово-тяжелый, нерадостный цвет. По ней кое-где еще плавали редкие семейства домашних уток и гусей: рачительные, экономные хозяева не торопились загонять на свои дворы эту крякающую и гогочущую пернатую живность, берегли корм, которого было всегда в обрез. Прилетали сюда и гнездились, выводили потомство и дикие утки, чирки и даже кряквы, но они выплывали на открытое зеркало озера лишь ночью, а днем прятались в камышах, вымахавших на одной стороне Кочек в трехсаженный рост и нахально шагнувших прямо по воде чуть ли не на его середину. Кочки — это, в сущности, большое болото, сохранившееся от тех времен, когда тут темнел густой лес и не ступала нога человеческая и когда сюда прилетали несметные полчища водоплавающей птицы, в том числе и лебедей, которых теперь можно увидеть на самый малый срок разве что по весне, во время разлива реки Медведицы и впадающей в нее нашей Баланды. Нынешние крячки являлись прямыми потомками уток, обитавших здесь в счастливое для них время оно. Древний инстинкт, унаследованный от крылатых аборигенов, подавлял страх перед людьми и властно гнал путешественниц за тысячи верст к родимому болоту, оказавшемуся почти в самом центре человеческого поселения. Прилетев, утки жили рядом с нами до глубокой осени, до той последней минуты, когда все сужающаяся и сужающаяся круговина воды, переливающаяся мелкой рябью под порывами ветра, не остановится, не замрет, побледнев в страхе, в тугих и коварных объятиях подкравшегося в ночи мороза.

Умывшись, я присел на берегу озера, еще раз бездумно оглядел его со всех сторон. Потом — также без всякой мысли — стал бросать в воду комочки земли. Но тут же вспомнил, что, будь рядом со мной Ванька, мы затеяли бы соревнование: кто сделает больше «блинчиков» пущенным по водной глади плоским камнем. Иногда в этой игре мне удавалось побеждать Ваньку. Низко склонившись вправо, отведя далеко руку в сторону, я бросал снаряд так ловко и с такою силой, что он скакал по воде, как сумасшедший, оставляя за собой, словно паук-водомер, множество уменьшающихся по мере удаления и укорачивающихся в скоке «блинчиков», то есть следов от своего легкого, поверхностного касания. При удачливом броске их, таких следов-«блинчиков», оставалось на воде до тридцати и более штук. А это означало, что, ежели твой противник «испечет» хотя бы на один «блин» меньше, то получит в свой лоб тридцать, а то и сверх того щелчков. Проиграв, гордый Ванька не просил снисхождения, а требовал, чтобы я бил по совести, не притворялся. Очень сердился, когда чувствовал, что щелчки мои недостаточно ядрены. Выиграв, Ванька не щадил и меня, но советовал, опираясь на богатый собственный опыт: «Лоб надо наморщить. Не так больно будет». И, видя, что я внял его рекомендации, приступал к экзекуции с сознанием честно и до конца исполненного товарищеского долга.

Что и говорить, занятие было не из рядовых. Мне и сейчас захотелось сотворить десяток-другой «блинчиков». Отыскал поблизости нужное количество подходящих камней, предварительно взвесил их на ладони и, отобрав один, совершил бросок. Он оказался неудачным: камень не помчался по озеру вприпрыжку, а тяжело, неуклюже плюхнулся в воду и утонул. Но это меня не очень огорчило: первый блин, как водится, вышел комом. Луknул следующий камень. Но и этот не издал знакомого, радующего слух звонко-певучего соловьиного чоканья (чок-чок-чок), которым обычно сопровождается хорошо подготовленный прежними тренировками и уверенно выполненный бросок. «Это что же со мной?» — удивился я, рассматривая правую руку — виновницу неудач. «А ну еще разок попробую». Попробовал — и опять ничего не получилось. Камень подскочил раза два и, всхлипнув, исчез. С досады плюнул и снова — в какой уж раз за эти минуты! — подумал о Ваньке с подступающим к горлу сухим, горьким комом обиды и тупым, давящим на грудь озлоблением. Оставшиеся камни отшвырнул от себя ногой, сожалея, что не мог запустить их в Ваньку — более лютого врага у меня сейчас не было.

«Где он сейчас? — мелькнуло в голове и отозвалось острой болью в сердце.— Ну, постой, дружок! Появись только в Непочетовке, мы те зададим!»

В Непочетовке у Ваньки проживал дядя, и Ванька, исполняя поручения отца, часто наведывался к нему. Делал он это с удовольствием, потому что на обратном пути забегал ко мне и мог схоронить себя на нашем подворье, избавить на час-другой от еще каких-нибудь заданий, менее для него приятных. Там-то, на ближних подступах к дяде, думалось мне, мы и подкараулим Ваньку. Теперь в мстительных своих размышлениях я уже подсоединял к себе и товарищей, тех же Кольку Полякова, Мишку Тверскова, Петьку Денисова-Утопленника и даже Яньку Рубцова с Минькой Архиповым. Впрочем, раньше и прежде всего я рассчитывал на Гриньку Музыкина, само-го, конечно, отчаянного и надежного бойца в отряде, который уже формировался в моем уме.

Мысль о собственном войске немного ободрила меня, и я собрался домой. Теперь только обнаружил, что со мною нету сумки с учебниками, тетрадями и новеньким пеналом с карандашами — предметом особой моей гордости. Может, вернуться за сумкой? «А ну ее, никуда не денется. Марья Ивановна подымет и уберет!» — проговорил я вслух неестественно беспечным голосом и вышел на выгон за Кочками, где по утрам пастухи собирают стада коров и овец, чтобы увести их на пастбище. За выгоном виднелся ряд изб, пристроившихся на задворках у Непочетовки, и в ряду этом крайней справа была наша изба, куда мы отселились от дедушки Михаила совсем недавно. Как-то встретят меня там? И дома ли папанька? Было бы неплохо с его стороны, если б он догадался уехать на Карюхе к своему другу мельнику, известному на всю округу выпивохе, и загулять там суток на трое, а еще лучше — на всю неделю. Такое с моим отцом случалось, и нередко. Обычно он отправлялся к вечно припудренному мучной пылью приятелю по субботам, а сегодня, припомнил я, как раз суббота.

Появилась слабая надежда избежать наказания. Одушевляемый ею, я зашагал к своему дому посмелее, не замечая даже, что то и дело попадаю ногами в свежие коровьи произведения.

Продолжение следует.

ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕКУ

У Николая Воронова тревожное слово... Это слово проникает в жизнь глубоко и последовательно, потому что рождено оно большими раздумьями, чистыми и бескорыстными чувствами, мужественной заботой о людях.

В слове писателя Николая Воронова два мира: рабочий и сельский. Герои его произведений часто переходят из одной «зоны» в другую, скажем, из деревни — в город, из города — в деревню. Ведь так происходит и на самом-то деле.

Что делить?.. Родина одна. Земля одна. Завод один. А синий Урал, любимый и дорогой сердцу писателя край,— то луговой, с мелкими перелесками, березником да сосняком, то равнинный, далеко-далеко перерезанный угрюмоватыми холмами, то речной и озерный, горный, окаймленный гранитными скалами, но весь засажен картошкой, подсолнухом, пшеницей, весь — в летящей сталистой хмари, вырывающейся из красных горластых труб мартенов...

Многие рассказы, отдельные повести да и романы последних лет: «Юность в Железнодольске», «Макушка лета» и только что напечатанный новый роман Николая Воронова «Котел» — посвящены земле и человеку, пришедшему к огню от ручья и травы... И нет ничего случайного в том, что герои Николая Воронова мечтательны, нежны, целеустремленны и духовно здоровы. Им нежность и мечтательность дает крылатое пространство древнего Урала, а целеустремленность и нравственную стойкость — пламенный труд, суровый и пронзительный огонь...

По страницам книг Николая Воронова идут люди разных поколений. Одни — участники революционных бурь, другие — строители Магнитки, третьи — славные труженики нынешних дней, четвертые — подростки, завтрашний главный и опорный народ страны.

Еще в ранних циклах рассказов и коротких повестей Николай Воронов удачно обратился к теме юношества. Его книга «Голубиная охота» совершенно справедливо вызвала радостный отклик Александра Твардовского. И в новом романе «Котел» Николай Воронов преданно и талантливо ведет тему формирующихся душ, ищущих, мятущихся, честных, совестливых ребят, когда они так сторожко, так беззаветно глядят в дали дальние жизни, что люди старшие, рядом с ними живущие, делаются сами от этого светлее, стыдливее и чутче к восприятию, к анализу событий.

Они растут и взрослеют на природе, на заводских широких ладонях. Автор отлично знает Южный Урал, его население... Вместе с Андрюшей и Натой растет Ильгиз, чудесный башкир, верный их друг. Дружба русских и башкирских ребят пряма, естественна и не требует объяснений, как не требует объяснений, допустим, ольха, растущая у дороги, или облако, плывущее над тобою...

Рабочая тема зовет нас... Нельзя от нее уходить, нельзя к ней относиться импульсивно или равнодушно. Рабочая тема — жизнь нашей огромной высокоиндустриальной страны. Не проглядеть за мартеновским пламенем человека, не позабыть за гулом железа человеческую душу — высокая задача художника, и с этой задачей Николай Воронов умело справился. Роман «Котел» подтверждает это...

Гибкий, подвижный язык, сильные, красивые люди, добрый свет природы, зовущий голос призвания делают роман Николая Воронова не только нужным, но и тревожным, радостным и необходимым.

Валентин СОРОКИН

Николай Воронов. Котел. Роман. «Дружба» №№ 4—5. 1980.

ЧТО ТАКОЕ РОДИНА

Нодар ДУМБАДЗЕ,
председатель Союза писателей Грузии,
лауреат Ленинской премии

Я уже не помню, в каком я был классе, четвертом или пятом:

— Думбадзе! Встань и ответь мне на вопрос, что такое Родина?— вызвала меня учительница.

— Родина?.. Родина — это место, где я родился и...

— Еще?— настаивала учительница.

Я думал.

— Садись, Думбадзе,— сказала учительница, поняв, что ответа от меня не дождется.

— Не ставьте мне двойку! Пожалуйста, не ставьте... Я знаю, но объяснить не могу,— попросил я учительницу и заплакал. Заплакал потому, что слыл в классе отличником и, по моему разумению, должен был знать всё. Помню, учительница еле успокоила меня. Потом она познакомила нас со стихотворением Рафаэла Эристави «Родина хевсура» и задала выучить его наизусть.

После этого прошло лет тридцать. Я стоял на границе с подчиненным мне солдатом. За маленькой речушкой и мостиком была уже другая страна.

— Вот ты,— сказал я солдату,— стоишь тут с карабином и сторожишь такую громадную нашу страну. Какое у тебя ощущение? Что ты думаешь? Представляешь ли, что такое Родина? Только не отвечай мне штампованными или высокопарными фразами. Скажи чистосердечно, как ты думаешь, как понимаешь...

Какое-то время солдат глядел на берег и тихо ответил:

— Какое счастье, товарищ лейтенант, что мы с вами родились по эту сторону моста...

Свое существование человечество делит так: до потопа и после него. Далее у одной части человечества, а именно у христиан, появилась новая метрическая запись, и люди стали вести счет времени до рождества Христова и после. Но есть народы, обитающие на одной шестой части нашей планеты, их объединяет магическая надпись на карте мира — Союз Советских Социалистических Республик, которые имеют свою собственную, новую метрику. И счет они ведут от новой даты рождения — от Великой Октябрьской социалистической революции.

Моей родине, моей Советской Грузинской республике, в этом году исполнилось 60 лет. И я тоже попадаю в эту орбиту, поскольку мне уже пятьдесят два. И вся моя жизнь и жизнь нескольких поколений трудящихся республики связана с наступившим шестидесятилетием: первая автомобильная дорога, первый троллейбус, первая доменная печь, первая чайная фабрика, первый химкомбинат, первые НИИ, первое высотное здание, первый телевизор, метро, космонавт и многое другое «первое», вошедшее в рамки этих шестидесяти лет.

Но если я начну счет с них, то куда девать созданные до нашей эры, выставленные в музеях экспонаты: орудия производства и утварь, военные колесницы, металлургические печи, украшения, керамику? Что делать с ванскими и армазскими раскопками, полифоническими гимнами языческих времен, древней азбукой, походными стягами, крепостями и храмами? С «мравалжамиер» — застольной песней, которая распевается уже тысячелетия,— что прикажете делать?

Выходит, что Родина — это какой-то удивительный феномен, у которого так же, как у матери, нет возраста. И так же, как мать, она вечна. Выходит, что Родина каждый день рождает новое и рождается для нас, а сама никогда не умирает, потому что бессмертна.

И все-таки — что такое Родина?

Может быть, это в самом деле то, о чем поведал в «Родине хевсура» поэт Эристави: скалы Родины не променяю на рай чужой земли. Или это стихи Акакия, Ильи, Важи? Или «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели? Или любимая песня народа «Ты есть виноградник»? Может быть, виноградная лоза — Родина?

А ну-ка всмотритесь: если лоза стелется низко, гроздья надо собирать, стоя на коленях. Если вьется по дереву, руки приходится вытягивать вверх. Обе позы будто выражают поклонение, а кто, как не Родина, достоин поклонения?

С тех пор, как я себя помню и знаю, Родина больше забота и боль, чем радость и праздники. С чего начать?

Рождение первого социалистического государства — и тут же интервенция, гражданская война, тиф, холера, чума; Отечественная война: закрашен в темные тона от бомбежки белый храм науки, мой университет. Потом голод, холод, очереди. Мои ровесники — Зоя, молодогвардейцы, другие ребята — на виселицах, сброшены в шахты, прикрывают своей грудью амбразуры дзотов... К соседям приходят похоронки... Затем первые вестники поражений ненавистного врага — пленные немцы. В городе появились наши фронтовики на костылях. Это забыть нельзя... Не то чтобы нельзя — невозможно...

Вспоминаю стихи Маяковского:

Можно
забыть,
где и когда
пузы растил
и зобы,
но землю,
с которой
вдвоем голодал,
нельзя
никогда
забыть!..

Одно точно: наши 60 лет были годами беспрерывной борьбы, годами творческого горения, бесконечного стремления к будущему, к необозримым высотам, к созиданию, годами нового, неслыханного оптимизма и неистребимого желания познать себя и вселенную. 60 лет несли такой заряд, вмещали столько событий и явлений, что всего этого хватило бы на шесть веков.

Родина и праздник. За последние десять лет восемь раз подряд республике вручали всесоюзные переходящие красные знамена. Далеко за пределами республики признаны ее театр, кино, живопись, музыка и литература.

Но наряду с этими радующими успехами иногда и неудачи и такие позорные пятна, как воровство, взяточничество, спекуляция... Рядом с торжеством справедливости ехидные смешки недоброжелателей, борьба и стычки с ними. И это — родина. Как говорил Константин Симонов, родина не кулич, из которого можно выковырять изюм, а остальное выбросить. Родина — это то, что ты вместе с коркой, вместе с кусочками золы и угля съешь и переваришь.

Столько мы пролили пота и крови за эти шестьдесят лет, столько построили и сделали, что шестьдесят летописцев за шестьдесят лет не могли бы описать всего. Чего только стоит то, что уже тридцать шесть лет над нами спокойный купол неба? Стоит и не рушится. Разве это не Родина?

Что еще Родина?

С самолета, внизу, грива Кавказского хребта — и в горле застревает ком. Это — Родина.

Еще: собаки, телята, цыплята, дерево ореховое на поле, арба, топор, земля, которую берешь в руки и жалко ее сбросить с руки... Та земля — маленькая тбилисская улица, по которой за день не успеешь дойти до конца: стольких встретишь по дороге знакомых, друзей. И каждый непременно должен расспросить и сам рассказать, обласкать и быть обласканным.

Что еще? Твоя деревня, в которой не сможешь жениться, потому что каждая девушка здесь тебе сестра. Невесту надо искать в другой деревне.

Как видно, Родина — это все то, без чего жить нельзя.

Спросил я свою любимую Бабушку (вы должны ее помнить, если помните Илико и Иллариона):

— Может быть, ты мне скажешь, что такое Родина?

— Кабы я знала, сынок!.. Наверное, Родина — это жизнь. Человек уходит из жизни всегда с сожалением, не насытившись ею. Родиной насытиться невозможно.

...Встал я, вышел на улицу. Людей на наших южных улицах, как всегда, полно.

— Друг, остановись на минуточку. Сегодня Грузинской Советской Социалистической Республике, твоей родине, исполнилось шестьдесят лет. Ответь, что ты ощущаешь, переживаешь в данную минуту? И вообще, что такое Родина? — спрашиваю я прохожего.

— Меня спрашиваете?— изумляется он.

— Да, вас. Знаете ли вы?

— Как не знаю! Но так, вдруг, не задумываясь, на улице?

— Да, вот так, не задумываясь, на улице.

— Вот так, вдруг, не задумываясь, можно умереть за Родину. Но ответить, что это такое, невозможно,— говорит он и быстро удаляется.

Если б Грузию окинуть мигом!.. Маленькая, около 70 тысяч квадратных километров, примостилась она к западной части Кавказского перешейка. Значит, она горная? Да. Всего 13 процентов низинных земель. Но она и морская, потому что лежит у самого Черного моря, овевается его теплым дыханием. И реки на этой земле короткие, но быстрые. И растения у моря субтропические, а в горах — суровые, северные. Даже небольшая пустыня есть, которую сейчас усиленно обводняют и осваивают!..

Кто живет в Грузии? Грузинки и грузины — что-то около семидесяти процентов. Абхазы образуют свою автономную республику. Южнее — Аджарская автономная республика. Живет и здравствует в составе Грузии Юго-Осетинская автономная область. А сами грузины представляют чуть ли не десяток различных этнических групп: сваны, мингрелы, имеретины, гурийцы, картлийцы, кахетинцы... К тому же в Грузии издавна, традиционно живет немало русских людей, армян, азербайджанцев, греков, курдов, евреев. Статистики подсчитали, что 75 национальностей и народностей сегодня в Грузии. А это значит — совместная жизнь, переживания, хлеб-соль, чувство общности, которое уже с молоком матери входит в плоть и кровь.

Сегодня Грузии исполнилось 60 советских лет. Столько же исполнилось и Коммунистической партии Грузии, одному из боевых отрядов ленинской КПСС. Поддержанные трудовым народом, грузинские коммунисты при содействии войск Красной Армии, посланных Лениным, изгнали со своей земли социал-предателей, меньшевиков.

Те колоссальные изменения, которые произошли в Советской Грузии за последние 60 лет, результат действий Компартии Грузии не в одиночку, а сообща со своим народом, с народами России, Закавказья и всей Советской страны.

Одно только то, что маленькая, аграрная, очень пестрая, но очень патриархальная по укладу жизни населения страна превратилась в республику развитой индустрии, высокопроизводительного сельского хозяйства и вполне современной культуры,— уже одно это дает пищу для размышлений, каков стал здесь человек за эти годы. Попытаемся бегло, в пестрых заметках, познакомить вас с разными людьми, встретившимися нам в весенней поездке по Грузинской ССР.

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ!

Ия МЕСХИ

Фото И. ТУНКЕЛЯ

ВИНОГРАДНОЕ АСУ

Монолог первого секретаря Телавского райкома партии Александра Викторовича КОБАИДЗЕ:

— Я человек сугубо городской, инженер по профессии, а по опыту деятельности партийный работник. И вот волею судеб стал секретарем райкома партии в сельском районе. Вначале казалось, что не справлюсь без знания сельского хозяйства, особенно виноградарской его специфики в Кахетии. Но в общем-то помогало убеждение, что любые знания — дело наживное, а главное для партийного работника — уметь работать с людьми.

Не скажу, чтобы я сразу сориентировался, что к чему. Первые два года работали по старинке, и в самую трудную пору, когда идет сбор урожая на виноградниках (у нас эта пора называется «Ртвели»), в районе творился просто кошмар. Десять крупных виноградарских хозяйств, восемь винзаводов. Закупки винограда резко выросли, а материально-технические и людские ресурсы остались те же. Аппарат райкома партии всю осень в лихорадке. Все на телефонах, мобилизуются сотни людей — учащиеся, рабочие — собирать виноград. Стараемся выклянчить как можно больше машин у государства, у шефских организаций, а порядка нет — все толпятся и мешают друг другу. В хаосе и неразберихе масса нарушений, которыми пользовались бессовестные люди, сбывая «налево» виноград грузовиками.

Поехал я на Ставропольщину к ипатовцам и посмотрел, как они все четко организовали на уборке зерна. Тем временем и у нас, в Тбилиси, появился филиал ВНИИ проблем организации и управления во главе с Лери Владимировичем Гигинейшвили. Засели мы вместе со специалистами за разработку целевой комплексной программы управления сбором и транспортировкой урожая винограда. Конечно, это было не просто, потребовало тщательного изучения специфики района, исследования всех операций. Словом, мы создали в своем районе автоматическую систему управления, которую назвали АСУ «Ртвели». По телетайпу, который находился у нас, в штабе «Ртвели», мы посылали данные в Тбилиси, в вычислительный центр, на ЭВМ, и с помощью ЭВМ получали стратегию сбора урожая на каждый день.

Для этого, конечно, надо было обучить и наших людей, рассказать, разъяснить, что и зачем мы делаем. И, представьте, люди очень охотно пошли на эти новшества. Да, да, эти самые виноградари в своих кахетинских шапочках, будто бы медлительные и традиционные, с которыми вы, возможно, знакомитесь лишь по смешным и милым кинокороткометражкам.

Очень помогло нам то, что весь транспорт мы оснастили средствами связи. Оказалось, машины не надо жестко прикреплять к винзаводам. Напротив, их мобильность и свобода передвижения дали удивительный эффект. Мы уже не просим дополнительный транспорт, обходимся своим. Мы уже не мобилизуем никого на уборку — справляются сами колхозники. И никто не стоит без дела, как раньше, в ожидании, когда вернется машина: виноград собирается непрерывно. Быстрота его доставки на завод — это пути повышения качества винограда, сохранения сахаристости. А колхозники, собирающие урожай без простоев, стали больше зарабатывать. Развилось подлинное социалистическое соревнование между сборщиками, бригадами, колхозами. Кстати, АСУ дала возможность быстро учитывать результаты трудового дня.

В 1976 году мы сдали государству 45 тысяч тонн винограда, а к концу пятилетки, в 1980-м,— 92 тысячи тонн. В том же году в Москве, на ВДНХ, за АСУ «Ртвели» нам вручили золотую медаль.

Но если вы меня спросите, каков же главный итог этих новаций (а их сегодня подхватили остальные семь районов виноградарской Кахетии), я вам скажу так: каждый стал заниматься своим делом, и райком партии сделался боевым политическим центром, организующим в районе работу с массами.

РАБОЧИЙ

Сейчас только и разговоров в Кутаиси, что о реконструкции автомобильного завода, расширении его, потому что завод будет выпускать очень нужный для сельского хозяйства страны новый многосильный грузовой автомобиль.

Вместе с рабочим конвейера, Героем Социалистического Труда Борисом Ильичом Вашакидзе сидим в заводской аллее и рассуждаем о том, что значат для него эти изменения в биографии завода: такой конвейер или другой, одна машина или другая — не все ли равно?

Нет, не все равно. Потому что этот человек полюбил автомобиль еще тогда, когда ему было 14 лет; он жил в своей имеретинской деревне, помогая взрослым собирать чай. Тогда он услышал, что в Кутаиси строят завод и идет набор в профтехучилище. Он просился, а его не брали. Но все равно он добился путевки комсомола и, попав в училище, окончил его по специальности слесаря-сборщика. А потом он так старался, работая в цехе моторов, что его приметили и послали в Москву на ЗИЛ, подучиться на главном конвейере.

И вот он, Борис Вашакидзе, снял первый «ЗИЛ-150» с кутаисского конвейера и повел его по главным улицам города на радость всем кутаисцам. Это было 18 августа 1951 года. С тех пор тридцать лет он все время на конвейере сдает машины. Восемь кутаисских марок уже прошло через его руки, несколько десятков тысяч «Колхид»...

И начиная с девятой пятилетки он все время выполняет две нормы: вместо четырех автомобилей, как делают другие, подготавливает и сдает ежедневно 8 машин. Хотя у Вашакидзе, как у многих передовых рабочих, есть и другие заботы — он депутат Верховного Совета республики всех последних созывов, член ЦК КП Грузии, член бюро горкома партии в Кутаиси и, что очень важно, как наставник постоянно ведет группу учеников.

А теперь новая забота — завод накануне больших перемен, ему нужны специалисты, рабочие. Пользуясь выходными днями, Вашакидзе едет в Тбилиси, в учебные заведения, где учатся кутаисцы, собирает их, рассказывает о новой машине и призывает, защитив дипломы, направить свои стопы на завод. Очень нужны кадры...

Далее он выступает на представительном партийном активе в присутствии работников союзных министерств и ставит вопрос о строительстве в Кутаиси новых молодежных общежитий и домов для молодых семейств. И его поддерживают.

Наконец, Борис Ильич (а ему уже под 50) думает и о самом себе, о том, не отстал ли он от сегодняшних требований даже к такому, как он, рабочему с большим опытом? Не пора ли взяться за учебники и расширить круг своих знаний? И вместе с другими передовыми рабочими вливается в специальный поток, организованный Кутаисским политехническим институтом для подготовки в объеме инженерных знаний. Оканчивает уже второй курс. Знания эти, по мнению Бориса Вашакидзе, могут весьма пригодиться для нового современного гиганта, на котором он также будет делать свои любимые автомобили.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Неприступным казался в своем монументальном кабинете председатель колхоза имени Тельмана Мамия Хасанович Абашидзе, человек почтенного возраста с печатью властного и сильного характера на крупном лице. Я знала, что в Аджарии он очень популярен, что вот уже 35 лет уверенно руководит хозяйством, постоянно избирается депутатом Верховного Совета автономной республики, а в дни работы XXVI съезда КПСС был удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда.

Все это говорило больше о его деловых

качествах, но не излучало тепла. А хотелось именно его, тепла человеческого... Мы вышли из кабинета председателя и объехали на его довольно потрепанной вишневой «Волге» участки чайных и мандариновых плантаций, осмотрели ферму с упитанными коровами-красностепнухами. Все это время председатель как бы разогревался и вдруг сильно газанул, выжав до отказа педаль, по почти отвесной дороге взмыл на холм.

— Теперь я вам покажу нашу землю,— сказал он.— Вот вы спрашиваете, почему я ушел с нефтеперегонного завода и вернулся в свою деревню. Да, я был неплохим слесарем и все же понял, что это не мое. Каждый человек должен заниматься своим делом, и тогда будет толк от него и для других людей.

Перед нами, по ту сторону бегущей внизу речушки Королисцкали, что-то высокое и зеленое толпилось, кудрявилось, спускалось к реке, поднималось кверху и вместе с тем было абсолютно недвижимо, потому что составляло гряду гор, холмов, небольших возвышенностей, соединенных друг с другом седловинами. И всюду — на склонах, в ложбинах, на крошечных террасках — белели в густой листве дома, между которыми порою просматривалось подобие дорог или троп. Мамия Хасанович настаивал на том, что это были именно дороги, потому что к каждому дому могла подойти машина и трактор, а не только всадник на коне. И дома были каменные, с добротными крышами, серебристо поблескивающими под солнцем.

Мы стали подсчитывать, сколько на этой стороне вершин, и определили, что их тринадцать. Потом, обернувшись к западу, насчитали их еще двенадцать с такими же белеющими в зелени пятнами домов. Самые отдаленные дома с трудом различались на склоне отрога Малого Кавказа. Все это, некогда существовавшее в отдельности, мелкими хуторками и деревушками, стягивалось постепенно в один хозяйственный организм, в одно целое, которым можно умело маневрировать и управлять. В результате и возник самый крупный в Аджарии колхоз (население 9 тысяч человек), где до сих пор нет отбоя от заявлений о приеме в это хозяйство, от желающих найти место для жизни на этих благословенных холмах.

Но Мамия Абашидзе и другие правленцы в большом затруднении — хотели бы, да не могут: потому что вся эта, казалось бы, страшно неудобная земля занята и не найдешь здесь больше ни одного пригодного для земледелия клочка.

ИНЖЕНЕР

Он, выпускник Московского инженерно-строительного института (МИСИ), распрощался со столицей, отложил готовую диссертацию, которую оставалось только защитить, и приехал на Ингури, чтобы дневать и ночевать в котловане, стать участником закладки первого бетонного куба на уникальной плотине Ингурской ГЭС.

Ему поручили продолжить сооружение сложнейшего пятнадцатикилометрового тоннеля, и он несколько лет работал, как крот под землей, в горе.

— Раз он пробил такой тоннель,— сказали о нем,— значит, «пробьет» и два последних агрегата для окончательного пуска Ингурской ГЭС.

И его направили в Харьков. Он заполучил эти агрегаты, доставил их на Ингури в подземную ГЭС, и станция была пущена в срок.

Встретившись с ним, я узнала, что он вместе со своими лучшими бригадами — тоннельщиками поднялся еще выше по Ингури и начал строить обводной тоннель для следующей станции Ингурского каскада — Худонской ГЭС, тоже подземной, но приплотинной.

Наконец, застав его сегодня уже руководителем дирекции строящегося каскада ГЭС на Ингури, я сказала ему:

— Хондзи Шелия! Сколько раз вы обещали повезти меня к своей маме?

Поехали к маме. Минут тридцать по плохой дороге до села Хицера. Старый-престарый дом стоит на пригорке. Бурые от времени сухие доски, половицы скрипят. Хондзи зажигает бухару (камин), и мы греемся.

Надежда Элисбаровна Шелия (мама), сельская учительница, награжденная за терпеливые свои труды орденом Ленина, говорит внятно, с нажимом, будто с детьми. Говорит о Хондзи:

— Как я ему завидую! У него богатая жизнь. Могли мы думать, что в наших местах заварится такая стройка? Впрочем, отец Хондзи, Григорий Шелия, думал. Он был мечтателем. Он был партийным работником. Его несправедливо репрессировали. И я хлебнула суровой жизни... А Хондзи вырос у моей сестры, тоже сельской учительницы, в селе Джвари, там бегал в школу. Теперь это село — центр ингурских строителей, почти город. Кто бы мог подумать?..

И тут же к Хондзи, строго:

— Ты читал эту статью в журнале о Ван-Гоге? Непременно прочти. Инженер должен и Ван-Гога знать...

Течет Ингури от сванских хладных скал до пламенной Колхиды — короткая, немноговодная речушка. 450 кубов в секунду — кажется, и смотреть не на что... А когда прибавится к Ингурской еще и Худонская ГЭС, люди от Ингури получат мощность 2500 мегаватт. Но ведь строиться будут вслед за Худонской еще две электростанции. Так что инженеры возьмут от этой энергичной малютки столько же, сколько берут от иной полноводной реки в других местах.

Вот об этом мы говорили у камина в маминой сельском доме, на котором недавно нашли полустершуюся дату постройки — 1821 год... Говорили о быстротекущей жизни и о том, что она, жизнь, несмотря ни на какие трудности и ошибки, все равно прекрасна...

БАБУШКА, ДЯДЯ, ПОДРУЖКИ И Я

Цисана Талаквадзе легко соскочила с подножки высокого трактора. Лицо ее под копной непослушных волос выражало такую откровенную веселость, было так открыто, что самый мрачный зануда не смог бы не улыбнуться в ответ. Может быть, знала, плутовка, что ладно сидит на ней спецовка механизатора, может быть, весеннее солнышко обласкало или чайные кусты посулили в мае хороший сбор. Или, скорее всего, оттого, что ей шел просто-напросто 22-й год и жизнь складывалась, право же, совсем неплохо. Вот ее рассказ:

— Мы, гурийцы, вы, наверно, знаете (Лев Толстой знал об этом и очень нашими крестьянскими восстаниями интересовался!),— народ боевой. Насакиральская битва (видели обелиск недалеко отсюда?) закончилась победой крестьян. Слышали, может быть, и про Бахвский манифест, требования крестьян к правительству, которые печатала газета «Вперед». А эту газету тогда редактировал Ленин. Наш районный центр Махарадзе (раньше Озургеты назывался) — родина революционера Филиппа Махарадзе. И Нестор Каландаришвили, знаменитый партизан, «сибирский дед», отсюда родом...

Я живу в селе Нагомари, и у нас тоже все бурлило и кипело в годы революций. Моя бабушка Алваси (правда, не родная, двоюродная) была членом партии с 1917 года. А дед мой погиб в Керчи, сражаясь с фашистами. А дядюшка мой, Владимир Талаквадзе, командовал партизанским отрядом в Белоруссии и стал почетным гражданином города Витебска. Когда я окончила школу, где с огромным удовольствием занималась на уроках труда, я уже знала, что буду работать механизатором на чайных плантациях. Водить машины — моя страсть. С пятнадцати лет я уже сидела за рулем. Первый год в колхозе работала в звене с ребятами, а потом решила составить звено из девчонок. И вот три года мы уже работаем вместе, кроме меня — Нана, Нино и Иамзэ. Жаль, что вы их не увидите: две уехали по туристической в Болгарию, а третья сдает очередные экзамены в свой институт. Я пока одна за них отдуваюсь, мальчишки помогают мне.

Между прочим, и я тоже учусь на втором курсе факультета механизации субтропического института в Сухуми. Заочно, конечно. Являюсь депутатом Верховного Совета Грузинской республики и кандидатом в члены ЦК Компартии Грузии.

В прошлом году ездила в Москву, мне вручили приз имени Паши Ангелиной. Как мне понравилась Москва! Сплю и мечтаю о Москве... Но это я так, меня же работа ждет, новый сезон сбора чайного листа, новые обязательства, которые надо выполнять, а не просто болтать о них.

Живу я так, что некогда оглянуться. Полной жизнью живу. И мои подружки тоже. И если б наши бабушки и прабабушки смогли нас сегодня увидеть, думаю, они бы остались довольны.

РЕКТОР

Зазвонил телефон. Ректор извинился, поднял трубку, сказал: «Слушаю»,— потом спросил: «Это ты, Резо?» И перешел на итальянский. Непродолжительный разговор с обязательными "грацие, грацие..." на прощание вызвал наше любопытство:

— Резо итальянец?

— Нет, он просто сотрудник сухумского «Интуриста», а я утром провел там беседу с гидами, и вот он благодарит меня, а итальянский потому, что оба мы им владеем и пользуемся случаем лишний раз поболтать...

— Вы владеете и другими иностранными языками?

— Французским, турецким. И еще несколькими, так называемыми мертвыми. Я ведь историк, мне это необходимо.

Зураб Вианорович Анчабадзе, доктор исторических наук, член-корреспондент Академии наук Грузинской ССР — ректор нового Абхазского государственного университета имени Горького, 66-го по счету в нашей стране. Молодой университет — второй лишь год ему идет! — это, конечно, проблемы, проблемы и проблемы. Прежде всего проблемы кадров (обучение ведется на абхазском, грузинском и русском языках), проблемы оснащения лабораторий и кабинетов, строительства учебных корпусов и общежитий... Все это на плечах первого ректора. Первый ректор остается в истории.

И, может быть, поэтому мы позволяем себе немного углубиться в узенькую тропку истории его собственной семьи. Здесь Зураб Вианорович, обнаруживая свою профессиональную цепкую память, рассказывает о первых шагах курортологии и здравоохранения Абхазии, ибо не кто иной, как его отец, Вианор Тарасович Анчабадзе, был первым наркомздравом автономной республики и вместе с товарищем Семашко организовывал базу подопытных обезьян для будущего Института экспериментальной патологии и терапии АМН на горе Трапеция. Вианор Тарасович был воспитанником Петербургской военно-медицинской академии и в качестве военврача в составе Нижегородского драгунского полка участвовал в первой империалистической войне.

Военным был и отец Вианора, Тарас Анчабадзе, однако он демобилизовался перед 1905 годом и отмечен историей как самый знаменитый охотник Абхазии, вошедший в специальную «охотничью литературу». Зураб Вианорович помнит, как дед ходил в лес со своим алешкинским ружьем за неделю до кончины, случившейся на восьмидесятом году. А на похороны его съехались все охотники Абхазии и Грузии в своих доспехах и с собаками на поводках. Тогда еще можно было стрелять зайцев в лесу, на месте которого сейчас главная городская площадь Сухуми и Дом правительства Абхазии. Далекой и близкой оказывается жизнь, когда смотришь на нее сквозь призму истории одной семьи!..

ПЕВИЦА

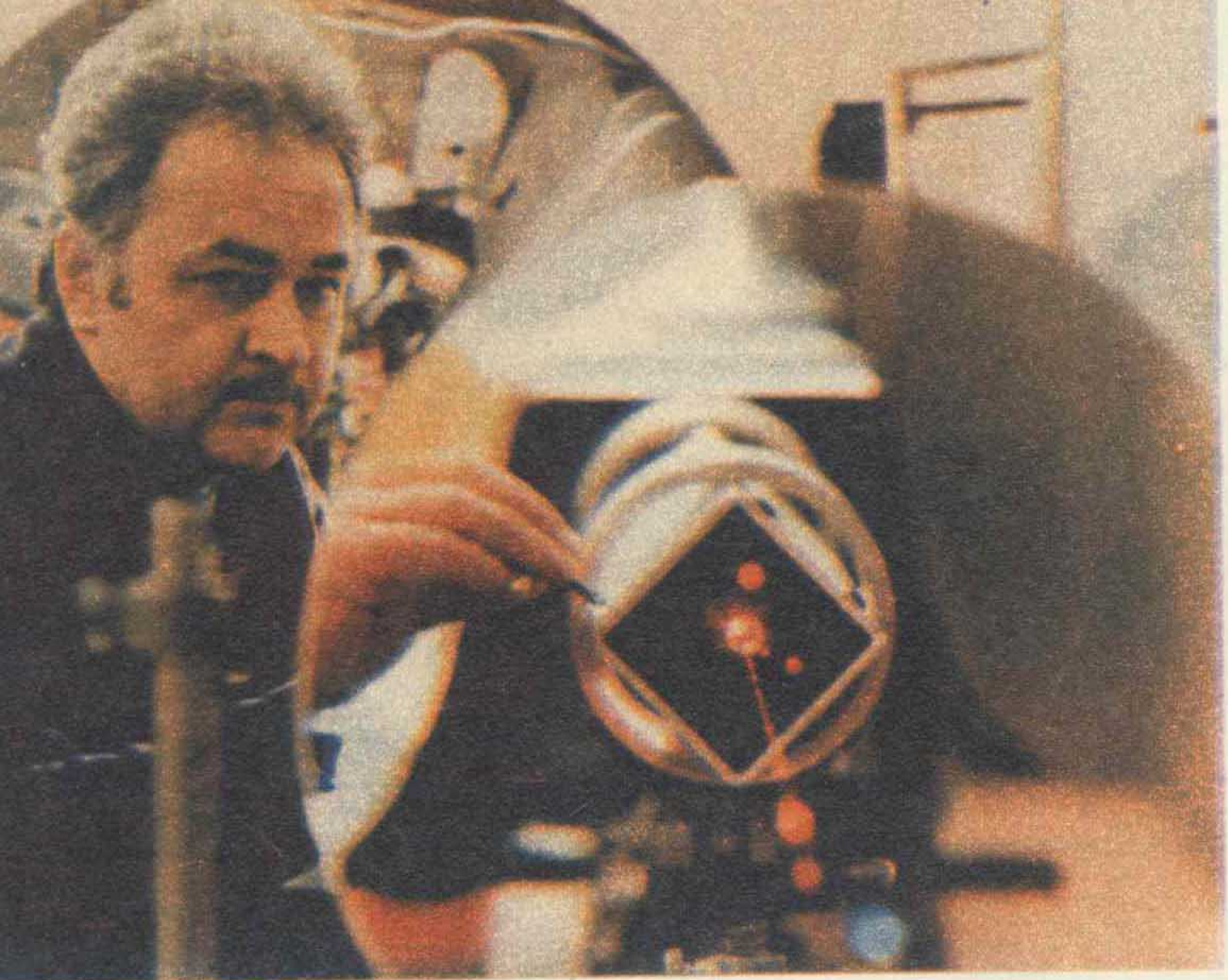
Коляска с младенцем. Второй малыш оглушительно топает, заглядывая всем в глаза. Молодая мама смущенно старается его унять. Главная мама, то есть бабушка, нет, уже прабабушка, измотанная к вечеру, при-

Делегат XXVI съезда КПСС, сталевар Руставского металлургического завода Ушанги Иванишвили * Ансамбль «Мартве» [«Орленок»] тбилисского Дома художественного воспитания учащихся. В хоре только одна девочка * Извилистой лентой петляет по Тбилиси река Кура.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Вид на арочную плотину и водохранилище Ингурской ГЭС * Институт кибернетики АН Грузинской ССР. Голографическую съемку ведет кандидат физико-математических наук Ш. Д. Какичашвили * Так выглядит районный центр Абаша * На зеленых холмах — дома и усадьбы колхоза имени Тельмана Хелвачаурского района Аджарской АССР * Эту светло-желтую мощную машину для нужд сельского хозяйства страны будут выпускать в 11-й пятилетке кутаисские автомобилестроители.

УНИВЕРСИТЕТ

И СНОВА РЯДОМ

Николай МУХИН

ПАМЯТЬ

Кричали радостно мальчишки,
Когда под вечер на гумно
Механик с кинопередвижкой
Привез показывать кино.

Заря спустилася над лесом,
Замолк машины барабан,
И под соломенным навесом
Механик вывесил экран.

Прорезал луч прохладу ночи,
Погасли звезды в вышине,
И вот крестьянка и рабочий
Предстали нам на полотне.

О прошлом кадры побежали,
Замолк многоголосый зал.
Серпами люди поле жали,
И вдруг я маму увидал.

Она сгибалася устало,
Поклоны делая земле,
И за собою оставляла
Снопы ржаные на стерне.

Сменился кадр, в нем сердобольно
Кует серпы лихой кузнец,
А мне припомнился невольно
Молотобоец — мой отец.

Как после праведного боя
Росистым тихим вечерком,
Устав, домой спешили двое:
Она — с серпом, он — с молотком.

Мастеровой с веселым взглядом,
Крестьянка, знавшая страду,
Они стоят навечно рядом,
Как символ вечному труду.

ИВУШКА

Над рекой тоскующая ива
Плачет в воду утренней росой,
Ей вспорхнувший ветер молчаливо
Гладит косы ласковой рукой.

Может быть, о юности далекой
Загрустила ты, безмолвный друг?
Или скучно стало, одинокой,
Без своих развесистых подруг?

Я тебя ничем не озадачу.
Мне обидней было и больней.
Только я о прожитом не плачу,
Слезы — это слабость у людей.

СНЫ

Нет-нет да снится нам ночами
Вся та военная пурга:
Кричат «ура» однополчане,
Зовя в атаку на врага.

И самолеты зданья рушат,
И танки битые горят,
И видишь всполохи от пушек
И погибающих ребят.

Живут во сне воспоминанья,
Когда картину смотришь ту.
Вдруг сердце сдавит и дыханье —
И просыпаешься в поту.

Все, что забыто, снова рядом,
Развилки пройденных дорог.
И вновь объемлешь правду разом
Былых и нынешних тревог.

корнула на диване, откинула седую голову. И среди всего этого теплого хаоса, именуемого домашним уютом, Нани, как белая лилия, безыскусно приветливая, предельно доброжелательная и вместе с тем чуть-чуть ироничная:

— Только я с гастролей — весь этот цыганский табор ко мне. Считается, что мне это доставляет огромное удовольствие...

Говорит будто сердито, а у самой любовь в глазах.

Итак, Нани Брегвадзе уже бабушка. А скажешь ли это, глядя на нее, слушая ее? Ведь чем дальше, тем она лучше, милее нам всем.

Таллин: Уважаю Вас, умеющую своим искусством проникать в немыслимые глубины жизни человеческого духа.

Клин, Московской области: Держитесь своего стиля!

Днепропетровск: Теперь я поверил, что был Одиссей и были сирены...

Ленинград: Когда слушаешь Вас, хочется быть лучше, радостнее, добрее...

А всего ведь песня, ничего более.

Да, Нани любима. Все в ней гармонично и всего понемножку, в меру. Бывают такие люди на свете, их не так уж мало, они не исключение. Просто другие, такие же или даже лучше, где-то ходят, а Нани стоит на эстраде, на виду, на свету. И она умеет петь не только потому, что консерваторию окончила. Вот это очень важно — отчего ее пение так за душу берет? Вряд ли можно ответить на этот вопрос. Не помогут и Нанины тетушки, которые, как она говорит, очень хорошо пели...

Народная артистка Грузинской ССР Нани Брегвадзе ✲ Уголок курорта «Пицунда» ✲ У входа в Абхазский государственный университет имени А. М. Горького ✲ Батумский порт, награжденный орденом Дружбы народов.

✲ На строящейся автомобильной дороге ✲ Водолечебница в Гагре на новой термальной лечебной воде.

Впрочем, вот еще одна деталь: Нани выросла в Тбилиси на улице Котэ Месхи. Хорошо, с детства знаю эту маленькую улочку. Она как верхняя узкая оборка на громадной оборчатой юбке из старых домишек, укрывших склон горы Мтацминда. Нани выходила из дому, поднималась еще немного вверх и бегала с ровесниками по тропинкам, вытоптанным детворой. Рвала цветы, слушала пение птиц. Ободранные коленки, лепестки цветущего кизила в волосах, ветер обдувает смуглое лицо с чуть раскосыми глазами, свистит в ушах... Ах, какое же хорошее, вроде бы городское, но не городское детство!..

Может быть, это?

ДОМ МАРТЫ

Дорога после Гори круто поворачивает к Главному Кавказскому хребту, проходит через центр Юго-Осетинской автономной области город Цхинвали, через горный курорт Джаву, а дальше то, что под колесами, дорогой назвать нельзя: то ли она будущая, то ли бывшая. Будущая потому, что здесь работают люди, пользуясь взрывчаткой, механизмами, и ехать приходится в стороне, почти по руслу извилистой, камнеобильной горной реки. А бывшая потому, что я хорошо помню — была здесь дорога. Не ахти какая, но была. И ехала я по ней (это было, правда, лет 20—25 назад) к знаменитому Рокскому перевалу, к знаменитой хозяйке этого перевала, председателю рокского колхоза Марте́ Плиевой.

Какая это была женщина! В памяти осталось ее по-осетински круглое доброе лицо и совершенно необъятный торс. Вызывало удивление, как при такой полноте Марта́ умудрялась всюду поспеть — и в район, и в город, и довольно часто в Москву. Она была деятелем и личностью и, конечно, депутатом, делегатом, всем, кем могла быть передовая крестьянка, коммунистка. Главное, была хорошей хозяйкой. В колхозе овец содержалось столько, сколько сегодня во всем Джавском районе.

Однако целью нашей поездки в Роки была сейчас не Марта́, а тоннель, который пробивают тбилисские тоннельстроевцы через перевал с двух сторон. Дело идет к концу, остались последние четыреста метров, и тоннель будет готов. А это значит, что Грузия получит второй после Военно-Грузинской дороги и более короткий автомобильный путь на север через Алагир. А села Юго-Осетинской области, порядком опустевшие из-за миграции населения в города, в связи с бойкой автомагистралью снова наполнятся жизнью.

— Уже возвращаются,— сказал мне в Верхних Роках председатель сельсовета,— хотя дорога, может, будет через год.

Председатель Рокского сельсовета Баби Плиев оказался племянником Марты́ Плиевой, вырос в ее доме и сейчас живет в нем. Пока. Почему пока? Да потому, что новая автомагистраль, как только выйдет из южного портала тоннеля, попадет в Верхние Роки, и нет ей иного пути, как под самой скалой, где стоит дом Марты́.

Мы идем в дом Марты, где одну его половину занимает Баби со своей семьей, а вторая, где жила Марта́, так и осталась пустовать после кончины хозяйки в 1969 году. Я увидела ту же старинную бамбуковую кровать, те же портреты на стене. В молодости Марта́ была красивой женщиной. И муж ее Ефим Плиев красив был в своей папахе. Он возглавлял партячейку в селе. Однажды, делая вечером обход хозяйства, он пошел предупредить конюхов, чтобы они с лошадьми ушли, так как ожидается сход лавины. Но только он подошел к конюшне, как снежная лавина обрушилась, проволокла коней и людей далеко в овраг, а Ефима (именно его!) похоронила под собой.

Дом Марты́ видел на своем веку много радостей и горя. В этот дом она привозила подарки из Москвы. В тот тяжелый год, когда фашисты рвались с севера на Рокский перевал, в доме Марты́ собралось командование Закавказского военного округа. Войска шли пешими через перевал, по тропам тащили орудия. И Баби (тогда ему было 10 лет!) вместе с другими рокскими мальчишками волок на санках ящики с боеприпасами...

И что же — теперь дом Марты́ стал мешать дороге? Да ни в коем случае нельзя его ломать! Если дорога не может обойти его, надо разобрать дом по дощечке и перенести. Но чтоб он стоял у дороги, которую Марта́ так ждала, чтоб люди проезжие заходили в этот дом узнать историю этих мест: как жили здесь люди, во имя чего бились их сердца.

Баби Плиев обещал, что сделает так.

Семен **ЦВИГУН**

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН

Рисунки И. ПЧЕЛКО

УРАГАН

РАЗВЕДЧИКИ ИДУТ НА ЗАДАНИЕ

Матвей Егорович, как и все в этом отряде особого назначения, с нетерпением ждал, когда поступит приказ идти на прорыв, чтобы соединиться с частями Красной Армии. Неожиданный его разговор с командиром отряда майором Млынским Иваном Петровичем изменил его планы идти с отрядом. Получив от него задание проводить на запасную базу начальника разведгруппы «Пламя» капитана Афанасьева прибывших с Большой земли майора Максимова и радистку, он вернулся к себе в землянку, потеплее оделся, собрал в рюкзак вещи, уложил продукты, полученные на дорогу, бережно вынул из-под нар складной перочинный нож — подарок покойной жены и, обращаясь к сидевшему в углу с кружкой эрзац-кофе мальчонке, сказал:

— Как стемнеет, ухожу на задание, Мишутка, бог знает, может, больше и не свидимся. Полюбил я тебя, как своего Алешку погибшего. Хочу, чтоб ты знал это...

— Это почему же не свидимся? — подскочил Мишутка и поставил на нары кружку. Дед Матвей ласково провел шершавой ладонью по волосам Мишутки. Тот вцепился в ватные брюки деда.

— Я пойду с вами, дедушка, возьмите меня с собой.

— Нельзя, маленький еще.

— Какой же я маленький? Вы сами знаете, я уже ходил на задания и майор хвалил меня.

— Знаю, сынок, знаю! Но сейчас ты со мной не пойдешь. Я иду далеко, у тебя для такого похода еще силенок не хватит — мало каши съел. Расти большой, счастья тебе желаю, а на память возьми-ка вот это. — Он вложил в руки Мишутки перочинный ножик, обрамленный белым перламутром, крепко расцеловал, закинул рюкзак за плечи и, взяв в руки автомат, заторопился к выходу.

Мишутка, сжав ножик в руке, крикнул вдогонку: «Дедушка!» Но Матвея Егоровича уже не было. Мальчишка набросил на плечи полушубок, нахлобучил шапку, выскочил из землянки. В лицо ему ударил шквальный снежный ветер. Лагерь черной пеленой окутывала ночь.

— Ты что же, сорванец, разгуливаешь при такой погоде, простудиться захотел? А ну, марш в землянку! — Мальчик узнал по голосу медсестру Зину.

— Там скучно, нет никого.

— А куда они все подевались?

— На задании.

Зина обняла парнишку за плечи.

— Ну, пойдем тогда в госпиталь, там у нас тепло.

Мишутка вывернулся из-под ее руки и обиженно проговорил: «Я не маленький!» — но пошел рядом с ней.

В довольно обширной землянке, служившей перевязочной госпиталя, было тепло и чисто. Зина зажгла фонарь, открыла большой термос, налила кипятку в солдатские кружки, кинула в них по кусочку сахара, положила на тарелку перед Мишуткой несколько галет, сказала: «Угощайся!» Сама села напротив и стала маленькими глотками пить кипяток. Мишутка отломал кусочек галеты, отпил кипятку, исподлобья взглянув на Зину, сказал: «Так не пойдет» — и разделил галеты на две равные части. Одну, на блюдце, подвинул к Зине:

— Ишь какая хитрая — мне все, а себе ничего.

Зина улыбнулась, ласково глянула на мальчишку, взяла галету, откусила кусочек и, запивая кипятком, сказала:

— А ты действительно повзрослел...

У Мишутки от радости заблестели глаза.

Дед Матвей быстро прошел лагерь и повернул к домику, в котором до войны жил сторож леспромхоза, а теперь размещались гости с Большой земли. В коридоре он снял рюкзак, положил на стоявший в углу осиновый чурбан, постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, вошел в комнату. Увидев сидящую на топчане возле радиостанции белокурую девушку лет двадцати и стоявшего рядом с ней ладно сложенного мужчину, он приложил руку к шапке и доложил:

— Товарищ майор! Проводник Матвей Егорович Петров прибыл в ваше распоряжение.— Максимов шагнул к старику, крепко пожал его руку и суховато спросил:

— Дорогу знаете хорошо? Не подведете?

Матвей снял с плеча автомат, поставил в угол, сел на скамейку, скинул шапку, пригладил на голове седые волосы, хитро улыбнулся, не спеша ответил:

— Дорогу-то знаю, но дело в том, что все дороги идут через немцев.

Максимов сел напротив Матвея Егоровича, вынул из кармана пачку «Казбека», открыв, протянул старику: «Угощайтесь, настоящие московские!»

— Спасибо, я давно этим зельем не балуюсь и вам не советую: пользы никакой, одни расходы.

— Несколько раз пробовал бросать, не получается.

Максимов чиркнул зажигалкой и крепко затянулся.

— Может, ночью пойдем по дорогам, а населенные пункты будем обходить?

— Опасно, немцы и полицаи круглосуточно охраняют мосты и переезды. А иногда и по ночам в поисках партизан или красноармейцев, выходящих из окружения, устраивают засады. Можно случайно напороться, а нам такие встречи, думаю, ни к чему.

— Как же быть? Капитану Афанасьеву срочно нужна радиосвязь, а мы здесь уже третьи сутки прохлаждаемся, немцев боимся, — взволнованно проговорила Тоня.

Дед Матвей помрачнел, насупил брови, сердито взглянув на Тоню:

— Вы, барышня, не кипятитесь, небось, сами еще живого немца не видали, а уже упрекаете других в трусости. Серьезные дела нужно делать по-серьезному, тем более в тылу врага. Здесь один необдуманный шаг, и можно не только себя погубить, но и дело!

— Вы правы, Матвей Егорович, осторожность нам не повредит, но скажу откровенно, мы горим желанием как можно быстрее добраться до Афанасьева и окунуться в работу. Дело в том, что группа не может оперативно передавать разведданные в Центр и отряд Млынского, а они быстро стареют и теряют ценность. Поэтому раздражение Тони понятно, тем более что она не отошла еще после обстрела нашего самолета при перелете линии фронта.

— Отошла, отошла. Я и не волновалась. Каждый человек все равно умирает в жизни только раз. Бессмертие человека в его делах на пользу Родины, вот нам и нужно спешить делать героические дела, — проговорила Тоня, подсаживаясь к Матвею Егоровичу.

— Дедушка, а вы эти места хорошо знаете?

— Как свои пять пальцев.

— Тогда все в порядке. — Тоня закрыла радиостанцию в чемоданчик и стала бережно укладывать его в брезентовый мешок.

— Я доставлю вас на базу Афанасьева через недельку.

— Так долго будем идти? — обернулась Тоня.

— Путь дальний и нелегкий. Идти надо по ночам лесами, полями, перелесками, обходя далеко населенные пункты. Днем будем отдыхать, а как стемнеет, снова в путь. Нынче в здешних местах повсюду выпал глубокий снег, он еще не слежался, идти по такому снегу можно только на лыжах.

— А у нас лыж нет!

— Это не беда, лыжи будут.

— Дедушка, а я на лыжах хожу плоховато.

— Как же так! Теперь каждый школьник ходит не хуже солдата, — с укоризной проговорил Матвей Егорович.

— Я плаваю хорошо, получше любого заправского моряка. Я же с юга. У нас тепло, я и снега-то по-настоящему не видала.

— Интересно. Энта бы мне пожить в таком климате, на старости лет погреть свои косточки.

— Вот закончится война, приезжайте к нам. У нас не только теплый климат, но и первоклассные курорты, мама у меня опытный врач, хорошо вас подлечит.

— Благодарствую за приглашение, буду жив, может, и воспользуюсь вашей добротой. За всю свою жизнь никуда из этих краев не

Вторая книга романа «Мы вернемся». Первая книга печаталась в «Огоньке» в 1971 году (№№ 8—16).

уезжал. Мой отец считал, что красивее природы, чем у нас, на всем свете не сыщешь. Я, когда подрос да походил по здешним лесам-долинам, увидал и полюбил их красоту, так и решил здесь остаться. И не жалею.

— Давайте-ка лучше думать, как нам побыстрее собраться в путь, — перебил их беседу Максимов.

— Оденьтесь легко, но потеплее. У меня есть для барышни широкие легкие лыжи, я думаю, что ей на них будет удобно идти. А пока доберемся до капитана Афанасьева, она у нас уже будет отличной лыжницей.

— Вашими бы устами да мед пить, дедушка, — улыбнулась Тоня.

— Меду у меня раньше было много, только анчихристы фрицы извели. Я сейчас быстренько схожу за лыжами, а вы собирайтесь покуда, время не ждет. — Дед Матвей напялил на голову треух, вскинул на плечо автомат и вышел из дома. Вскоре он вернулся с лыжами и палками.

Когда они втроем вышли из дома, у крыльца их уже поджидали комиссар отряда капитан Алиев, три автоматчика и сержант.

Алиев расцеловался с Максимовым, Матвеем Егоровичем, легонько пожал руку Тоне.

— Что за мода пошла, не пойму: мужчины между собой обнимаются, целуются, а женщине только ручку пожимают. Кажется, раньше все было наоборот, — бойко выпалила Тоня.

Алиев покраснел:

— Я просто не решился, Тонечка. Можно я вас в щечку поцелую?

— Раз сама напросилась, целуйте, может, потеплее станет, — улыбнулась девушка. Алиев расцеловал ее в обе щеки.

— Ну как, потеплело?

— Вы, товарищ комиссар, так целуете, что меня аж в жар бросило, сразу видно: кавказская кровь играет.

— А мы, кавказцы, умеем не только жарко целовать, но и жарко воевать. Вот закончится война, приезжай в Азербайджан, хорошего мужа тебе найдем, отлично заживешь!

— А если я уже замужем?

— Тогда приезжайте вдвоем, дорогими гостями будете!

— Спасибо! — одновременно ответили Максимов и Тоня.

— Ну, друзья, за дело, как говорится! Желаю вам всем счастливого пути и благополучного прибытия на базу. Большой привет капитану Афанасьеву и его товарищам.

— Передадим непременно, — ответил Максимов.

— До базы вас будет сопровождать группа автоматчиков под командой сержанта Никодимова. Они и Матвей Егорович останутся с вами на базе.

Дед натянул поглубже шапку, поправил ремень автомата, Никодимов взял у Тони рюкзак, негромко сказал: «Пошли!» — и они заскользили на лыжах.

Когда группа скрылась в лесу, Алиев вернулся в штаб отряда, сел за стол, вынул из планшетки блокнот, размашистым почерком написал:

Совершенно секретно
Москва Центр
Свиридову

Радиограмма

Докладываем, что сегодня, 4 ноября 1941 года, в 21.00 московского времени майор Александр Максимов и радист сержант Антонина Максимова в сопровождении проводника и группы автоматчиков вышли на лыжах на запасную базу капитана Афанасьева. Время пути 7—8 суток.

Майор Млынский
Капитан Алиев

Вырвал написанный листок, вызвал к себе радистку Наташу:

— Передать немедленно!

— Будет исполнено, товарищ комиссар, — отчеканила девушка и, стукнув каблуками, вышла из землянки.

«ТОЛЬКО ЖЕСТОКОСТЬ ПРИНЕСЕТ НАМ ПОБЕДУ!»

К 11.00 часам по приказу Гитлера в его бункер были вызваны Борман, рейхсмаршал авиации Геринг, рейхсфюрер СС Гиммлер, рейхсминистр пропаганды Геббельс, начальник Генерального штаба вермахта генерал Гальдер, главнокомандующий сухопутными войсками вермахта генерал-фельдмаршал фон Браухич, командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал фон Бок, командующий ударной танковой группой генерал-фельдмар-

шал Гудериан и командующий ударной армией генерал-полковник фон Хорн.

Когда все приглашенные собрались в зале и расселись в массивные резные кресла из мореного дуба за длинным столом, покрытым коричневой бархатной скатертью, на которой свастики, словно огромные пауки, распластали свои черные щупальца, в стене неслышно открылась тяжелая бронированная дверь, и в зал стремительно вошел Гитлер. Он был в сером костюме, желтых ботинках, с золотым партийным значком в лацкане пиджака и нарукавным знаком.

Увидев его, все в едином порыве вскочили и, вскинув правую руку вверх, громко крикнули: «Хайль Гитлер!»

— Хайль! — тихо ответил Гитлер. Подошел к центру стола, опершись о него пальцами обеих рук, он окинул всех строгим взглядом:

— Садитесь! Прошу садиться!

Как только все опустились в кресла, Гитлер, заложив руки за спину, стал нервно прохаживаться вдоль стола.

— Господа! — произнес он после довольно продолжительной паузы. — Я отдал под ваше командование лучшие армии мира, воздушный флот, военно-морские силы, а мои генералы, как бараны, под Петербургом, Киевом, на полях Смоленщины теряют драгоценное для нас время и сотни тысяч лучших сынов фатерланда. Блестяще разработанный Генштабом вермахта план «Барбаросса» осуществляется плохо. Прошло уже четыре месяца, но, несмотря на то, что мы захватили огромные территории противника, ни одна из стратегических целей плана не решена. Мы должны, исходя из оперативной обстановки, сложившейся на Восточном фронте, внести в план молниеносной войны коррективы.

Гитлер умолк, оглядел сидевших, затем поправил упавшую на глаза прядь волос. Устремляя правую руку вверх, он выкрикнул:

— Русские войска ослаблены. Они еще не успели оправиться от тяжелых ударов, нанесенных им нашими доблестными войсками под Петербургом, Киевом, Вязьмой, Смоленском, Брянском, Орлом и на московском направлении. Наступил подходящий момент для нанесения смертельного удара по столице Москве, удара в сердце. Я не понимаю, почему медлит и упускает такой благоприятный случай главное командование вермахта? Почему оно дало русским возможность под носом у наших победоносных армий провести парад на Красной площади?! И это в прифронтовой полосе! Где в это время были наши асы?!

— Мы, к сожалению, не знали об этом, к тому же была нелетная погода, — вставил Геринг.

— А чем занята наша военная разведка? Почему вы заранее не узнали об этой дерзости красных? — Гитлер впился взглядом в лицо генерала Гальдера и, тяжело дыша, опустился в кресло.

Гальдер быстро встал, вытянулся, тихо произнес:

— Мой фюрер! Ваши упреки в адрес главного командования вермахта и нашей военной разведки совершенно справедливы. События на огромном Восточном фронте развиваются так стремительно, что мы иногда не поспеваем за ними. Мой фюрер! Я осмелюсь вам доложить и напомнить, что главным командованием вермахта была разработана наступательная операция по разгрому и уничтожению русских войск, обороняющих красную столицу, под кодовым наименованием «Тайфун». — Генерал Гальдер вышел из-за стола, подошел к висевшей на стене большой карте, на которой черной жирной ломаной чертой была обозначена линия фронта, от нее широкие голубые стрелы, словно стальные копья, устремляли свои острия в сторону Москвы, Ленинграда, Донбасса, Севастополя.

Гальдер, взяв указку, вставил в глаз монокль и, повышая голос, продолжал:

— Мой фюрер! В соответствии с планом «Тайфун» наступление наших победоносных войск началось 30 сентября мощным ударом второй армии и танковой группы генерал-фельдмаршала Гудериана по войскам Брянского фронта в районе Жуковка — Шостка. 2 октября мы нанесли ошеломляющий удар по войскам Западного и Резервного фронтов из районов Рославля и Духовщины. Несмотря на ожесточенное сопротивление красных, наши войска прорвали фронт и к вечеру 6 октября окружили в районе Вязьмы значительные силы Западного и Резервного фронтов.

Наши подвижные танковые и механизированные войска, прорвав оборону русских на Брянском фронте, захватили город Орел и вышли на тылы Брянского фронта. Но русские непредвиденно ввели свежий стрелковый корпус в районе Мценска и дали возможность отвести войска Брянского фронта.

На наши предложения окруженным русским войскам в районе Вязьмы сдаться красные ответили ожесточенными контратаками. Мы вместо того, чтобы стремительно продвигаться к Москве, были вынуждены втянуться в тяжелые кровопролитные бои по уничтожению окруженной группировки.

— В этом ваша огромная ошибка, — снова заговорил Гитлер. — Окружив войска противника, вам нужно было поглубже зарыться в землю, оставить для их блокады минимальное количество войск, которые не давали бы им возможности вырваться из железного кольца окружения. Израсходовав боеприпасы и продовольствие, они сами сдались бы вам в плен или подохли с голоду, как крысы. Высвободившиеся войска вместе с резервами нужно было, не теряя времени, бросить на Москву и на плечах отступающих русских войск ворваться в столицу. Вы этого не сделали и потеряли время. Этим незамедлительно воспользовался противник, подтянул резервы и успел снова на подступах к Москве создать мощную оборону.

— Мой фюрер! Для ликвидации окруженных русских войск мы привлекли 28 своих лучших дивизий и немало частей усиления. Несмотря на высокую выучку наших войск и отличное вооружение, красные причинили нам большой урон. Некоторые части русских вырвались из окружения под Вязьмой и с боями прорвались к своим.

Гитлер поморщился, встал с кресла. Заложив руки за спину, опустив голову, прошелся вдоль стола, потом быстро подошел к Гальдеру, строго спросил:

— Почему все-таки остановлено наступление наших войск на Москву?

— Мой фюрер! Вашим победоносным войскам за последний месяц тяжелых боев удалось продвинуться в глубь России на 250—300 километров. Они вышли на рубеж Волоколамск — Наро-Фоминск — Калинин. — И генерал Гальдер указкой показал начерченную на карте линию фронта. Гитлер, взглянув на карту, потом на всех сидевших за столом, воскликнул:

— Господа! Но наши войска стоят у ворот Москвы! Еще один сокрушительный удар — и столица красных в наших руках!

— Мой фюрер! Скоро нашей величайшей победой мы потрясем весь мир, — заверил Геббельс.

— Да, это будет самая великая победа за всю историю немецкого народа. Ее принесет на своих штыках армия под вашим командованием, мой фюрер! — вставил Геринг.

Гитлер заулыбался, посветлел:

— Да, господа, мы с вами будем свидетелями гибели нашего извечного врага — России. Мы счастливы, что в скором времени Германии будет принадлежать весь мир!

— Хайль Гитлер! — выкрикнул Геббельс.

Все сидевшие мгновенно вскочили, вновь вскинули руки вверх, и под железобетонными сводами бункера волной прогремело: «Хайль!»

Гитлер выждал, когда все вновь уселись на свои места, и обратился к Гальдеру:

— Генерал Гальдер, прошу доложить, какие меры принимает главное командование вермахта, чтоб взять Москву еще до наступления зимы?

— Мы считаем, что настал момент осуществить второй этап операции «Тайфун». В соответствии с планом мы создали мощные группировки наших войск на флангах Западного и Калининского фронтов. Усилили четвертую армию, которая должна сковать силы противника в центре Западного фронта, а затем вести фронтальные атаки.

Для нанесения удара только по войскам Западного фронта русских нами сосредоточена 51 дивизия, среди них 31 пехотная, 13 танковых и 7 моторизованных. Наши войска на московском направлении в настоящее время насчитывают свыше одного миллиона человек. Они имеют на вооружении 14 000 орудий, 1700 танков, 850 самолетов. Значительные силы сосредоточены против Калининского фронта. Наступление сухопутных войск будут поддерживать и прикрывать главные силы нашего воздушного флота.

— Для этой операции мы выделили 3/4 всех военно-воздушных сил Германии, — вставил Геринг.

— В соответствии с планом генерального наступления на Москву мы нанесем мощные удары по русским войскам Западного и Калининского фронтов, прорвем оборону красных, быстро введем в прорыв крупные танковые и мотострелковые соединения и окружим Москву стальным кольцом. Таким образом, в результате усилий наших войск Москва будет блокирована. Население Москвы мы уморим голодом, а войска красных уничтожим или пленим, — закончил начальник генштаба.

— Только смотрите, Гальдер, чтоб ни один русский солдат, ни один житель Москвы не смог вырваться из этого стального кольца. Всех пытающихся вырваться расстреливать на месте, — приказал Гитлер.

— Только так, никакой пощады красным, — отозвался Геринг. Одобрительно закивал большой головой на тонкой шее и Геббельс.

— Мой фюрер! Ваш приказ будет передан в войска группы армий «Центр» незамедлительно, — вставил генерал-фельдмаршал фон Бок.

— Господин Гальдер! А какие силы сосредоточили русские под Москвой? — спросил Гитлер.

— По данным нашей разведки, красные в битве за Москву могут противопоставить нам 95—100 дивизий, насчитывающих от 800 000 до одного миллиона человек, 7000 орудий и минометов, 750—800 танков, из них около сотни-полторы тяжелых и средних, свыше 500 самолетов. Главное командование вермахта в период наступления на Москву предусматривает одновременно активизировать наши наступательные операции на других фронтах.

— Мой фюрер! Генеральное наступление на Москву главное командование вермахта запланировало на 14—15 ноября 1941 года. Мы просим вас утвердить его и разрешить начать срочную подготовку к началу второго этапа операции «Тайфун», — закончил генерал Гальдер, положил указку на место, неслышно ступая по ворсистому ковру, возвратился к столу, сел в кресло.

Гитлер мгновенно поднялся, заложил руки за спину, быстро прошелся вдоль стола, остановился возле Геринга и, опустив руки на его жирные плечи, воскликнул:

— Герман! Через несколько дней мы начнем величайшую генеральную битву за Москву, которая решит исход всей нашей восточной кампании. Твои асы должны сровнять Москву с землей. Она, как Помпея, должна исчезнуть на картах мира навсегда. Пусть на ее месте плещутся морские волны, так будет лучше для рейха и всего мира.

Геринг тяжело встал, повернулся к Гитлеру и, поедая его глазами, отозвался:

— Мой фюрер! Мои асы приложат все силы, чтоб воплотить вашу мечту в жизнь. Я думаю, что море, которое образуется на месте Москвы, мы назовем вашим именем.

Гитлер улыбнулся.

— Браво, Герман! — отозвался Геббельс. Сидевшие в напряженных позах за столом генералы заулыбались. Гитлер снова подошел к столу, сел в председательское кресло и, приподняв голову, громко произнес:

— Господин Гальдер! Господа! Считайте, что сегодня для рейха исторический день, я утверждаю план генерального наступления на Москву.

Участники совещания вновь вскочили.

— Хайль Гитлер! — вскрикнул Геринг.

— Хайль! — хором ответили остальные.

Гитлер стремительно вышел из кабинета. За ним поспешили Геринг и Геббельс.

Генерал-фельдмаршал фон Бок подошел к Гальдеру и Браухичу и, обращаясь к ним, сказал:

— Решение о проведении второго этапа операции «Тайфун» принято. Разрешите завтра утром приехать к вам уточнить некоторые детали операции.

— Завтра? Почему не сегодня? — спросил фельдмаршал Браухич.

— Я уже два месяца не был дома. Остаток этого радостного дня я хочу провести в кругу семьи.

— Или у любовницы, — улыбаясь, вставил Гальдер.

— Не будем уточнять такие детали, это не операция «Тайфун». При желании можно и дома побывать и любовницу проведать, тем более что я давно не видел любимых женщин,— отпарировал фон Бок и, распрощавшись, вышел из бункера.

Через два часа в бункере Гитлера снова собрались Геринг, Борман, Геббельс, Гиммлер. Гитлер сменил светлый костюм на темный, все с той же красной широкой повязкой на рукаве, на которой в белом круге черным шелком была вышита свастика, и с партийным значком в петлице.

Отпивая густой кофе маленькими глотками, он тихо заговорил:

— Господа, мы скоро возьмем Москву, за Москвой падет Россия. Вы знаете, какими несметными богатствами располагает этот огромный колосс на глиняных ногах: золотом, рудами, углем, нефтью, лесами, отличными землями и, безусловно, дармовой рабочей силой. Славян, евреев и лиц других национальностей, которые связали свою судьбу с коммунистами, стало слишком много в России. Многие из них даже там, где уже прошли наши войска, не покорились нам, они, наоборот, уходят в леса, создают банды, вооружаются, нападают на наши гарнизоны, убивают немецких солдат и офицеров. Взрывают мосты, нефтехранилища, пускают под откос эшелоны с войсками и боевой техникой.

Мы на завоеванной и обильно политой кровью лучших сынов рейха земле не чувствуем себя хозяевами. Несколько дней назад мне рассказывал генерал фон Хорн, что в тылу его армии даже действует отряд регулярных русских войск, который сжег армейский склад с горючим, разгромил крупную железнодорожную станцию и взорвал железнодорожный мост за несколько часов до начала наступления, этим самым лишил его возможности маневрировать силами своей армии. — Гитлер встал, стукнул ладонью по столу: — До каких пор мы будем позволять разным бандитам истреблять в глубоком тылу цвет нашей нации? Нам на востоке нужно жизненное пространство, а не славяне, евреи и прочий сброд. Гиммлер, займитесь этим, немедленно приведите в действие свой план, который я утвердил накануне войны с Россией.

Гиммлер встал, протер белоснежным платком пенсне, надел на переносицу и, заглянув в маленький коричневый блокнот, заговорил:

— Мой фюрер! В настоящее время на оккупированных русских территориях действуют наши многочисленные части СС, «зондеркоманды», СД и органы гестапо, которые очищают русскую землю от большевистской скверны. Мы выявляем, арестовываем и уничтожаем коммунистов, комсомольцев, евреев, партизан, их пособников. Пленных солдат и офицеров заключаем в лагеря, которые созданы в Германии, Польше и Чешском протекторате.

— Генрих! Вы плохо меня понимаете. Нам незачем кормить пленных и других русских в лагерях, отвлекать на их охрану солдат и офицеров. Пленных нужно уничтожать на поле боя, всех подозрительных расстреливать на месте, здоровых молодых мужчин и женщин вывозить в фатерланд, пусть под охраной работают на наших шахтах, рудниках и каменных карьерах. Непригодных к работе и слабых уничтожать. В районах, где будет зафиксировано действие партизан, все местные жители должны быть уничтожены, а их жилища сожжены.

— Только жестокость принесет нам победу, — отозвался Геринг.

— Герман прав, только беспощадная жестокость поможет нашим войскам завоевать победу.

— Я понял вас, мой фюрер. Ваш приказ будет доведен войскам СС и гестапо немедленно,— закончил Гиммлер, сел, снял пенсне и снова стал протирать стекла носовым платком.

Гитлер посмотрел на Геббельса.

— А вам, рейхсминистр пропаганды, нужно серьезнее и предметнее вести работу. Нужно обвинить русских в зверствах и издевательствах, которые они творят над захваченными в плен нашими солдатами и офицерами.

— Мой фюрер! У нас нет таких данных.

— Так пусть они будут. Сфабрикуйте, подкрепите их созданными вами вещественными доказательствами. Генрих! Помогите Геббельсу, у вас в этом деле рука набита.

— Мой фюрер, все будет сделано как нельзя лучше. Мы переоденем, к примеру, русских в форму наших солдат и офицеров, расстреляем, а потом пригласим иностранных дипломатов и корреспондентов, пусть увидят, на что способны красные.

— Меня не интересуют детали, я хочу, чтобы вы до конца поняли, что на нашей планете нет больше места для славян, евреев и других неполноценных. Только мы, арийцы, — высшая раса, властители мира. Сегодня нам принадлежит Германия, а завтра весь мир!

— Мы будем стараться воплотить ваши мысли в жизнь, наш фюрер, — сказал Борман.

— Вот и отлично, тогда за дело. Только тихо, чтобы это не стало достоянием мировой прессы.

— Конспиративность будет обеспечена на высшем уровне, — заверил Гиммлер.

— Герман, — снова заговорил Гитлер. — Железнодорожный транспорт не справляется с перевозками русских ценностей в фатерланд. Окажите помощь транспортной авиацией. Она должна вывозить из России драгоценные металлы, уникальное оборудование, произведения искусства, музейные ценности, меха, все то, что может обогатить и украсить землю фатерланда.

Геббельс, не спуская глаз с Гитлера, воскликнул:

— У них отличная земля на Украине — чернозем.

— Чернозем тоже будет наш, — вставил Геринг, и все другие заулыбались.

— Господа! — продолжал Гитлер. — Видите, как много дел появилось у нас в связи с русской кампанией. Занимаясь этими делами, нам нужно крепко смотреть, чтоб у нас дома не подняли голову собственные красные, кстати, Генрих, где сейчас Тельман?

— В Бухенвальде, там надежная охрана, — ответил Гиммлер.

— Не спускайте с него глаз. С красными немцами мы должны поступать так же беспощадно, как с русскими коммунистами и евреями, — закончил Гитлер.

В это время плавно открылась тяжелая стальная дверь, и в кабинет вошел высокий, стройный, с бледным лицом адъютант фюрера полковник Рунштедт.

— Мой фюрер! Русские тяжелые бомбардировщики бомбят Берлин. Горит Южный железнодорожный вокзал и артиллерийские склады. Разрушен химкомбинат и примыкающие к нему помещения.

Гитлер вскочил с кресла и, зло взглянув на Геринга, крикнул:

— Герман! Вы обещали нации, что ни одна бомба не упадет на голову немца. Как теперь расценивать ваше заявление? Как? Я вас спрашиваю!

— Мой фюрер! Это какое-то недоразумение. Русская авиация почти вся уже уничтожена. Разрешите, я разберусь и доложу вам лично.

— Разбирайтесь, да побыстрей, пока они еще не разбомбили нашу канцелярию!

Геринг схватил фуражку, вышел из бункера, за ним поспешили остальные.

Гитлер прошел из кабинета в комнату отдыха. Ему навстречу поднялась Ева. Нежно обняла сгорбленные плечи фюрера, покрывая поцелуями его сморщенное, огрубевшее лицо, тихо сказала:

— Адольф, возьми себя в руки. Они не должны видеть тебя таким. Ты понимаешь, что твои генералы и даже Геринг обманывают тебя? Если так будет продолжаться дальше, один бог знает, чем все это кончится...

Гитлер выпрямился, крепко прижал ее к себе, выкрикнул:

— Только победой! Нашей победой, моя дорогая Ева!

— Дай бог, — ответила Ева, выскользнув из его объятий. — А теперь ужинать. — И Гитлер, повинуясь ей, шагнул в столовую.

Продолжение следует.

Сцена из спектакля «Свадьба с приданым».

НАРОДНОЕ ПРИЗНАНИЕ

Не много найдется в советском репертуаре пьес с такой счастливой судьбой, как «Свадьба с приданым» Н. Дьяконова. Трудно встретить человека среднего или старшего поколения, не певшего в свое время в компании или не мурлыкавшего в одиночку: «На крылечке твоем...»

Песни Б. Мокроусова на слова А. Фатьянова, написанные специально к спектаклю Театра сатиры, а затем прозвучавшие в кинофильме, как и сама комедия, снискали всенародное признание.

Николаю Дьяконову, родившемуся и живущему почти безвыездно в Коми АССР, было около сорока, когда он создал «Свадьбу с приданым». Долго шел актер, режиссер, драматург к своему лучшему произведению. Когда ему было двадцать, Ленинградское театральное училище объявило набор в национальную коми студию. Руководство Сыктывкарского театра назвало Дьяконова кандидатом среди немногих счастливчиков. Случилась, правда, заминка. При поступлении полагалось предъявить справку об образовании. А за плечами у крестьянского парня было всего три класса. Да еще врачи заявили, что ленинградский климат противопоказан.

Приехав на свой страх и риск в Ленинград, Дьяконов сумел убедить строгую комиссию сделать исключение из правил. И полетели счастливые годы, вмещающие встречи с Мейерхольдом, Немировичем-Данченко, Охлопковым, Завадским, подтверждающие правильность избранного пути. В родном Сыктывкаре Дьяконов выступал как актер и режиссер, поставил около восьмидесяти спектаклей. Но главная его заслуга, конечно, в создании национальной драматургии.

Всего на счету заслуженного артиста РСФСР и народного артиста Коми АССР восемнадцать национальных пьес. А вот как родился замысел «Свадьбы с приданым».

— Однажды, отдыхая в деревне, я невольно оказался свидетелем любовного свидания,— рассказывает Николай Михайлович.— Парень делал предложение, а девушка не хотела идти в отсталый колхоз. Так в споре и разошлись... Ночной разговор подарил зерно сюжета; что было дальше, мы знаем.

Сегодня на столе писателя, которому исполнилось семьдесят лет, новая комедия: «Нивушка-нива».

В. ДОЛГОВ

УРОКИ ФЕСТИВАЛЯ

Юрий ЗУБКОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Состоявшийся в Москве заключительный показ Всесоюзного смотра спектаклей, посвященных XXVI съезду партии, стал ярким праздником советской многонациональной театральной культуры. Кроме театров Москвы и Ленинграда, русских коллективов из Ашхабада и Одессы, в заключительном показе в столице приняли участие национальные театры из Киева и Минска, Еревана и Сумгаита, Риги и Таллина, Кишинева и Паневежиса. Широкая по темам и названиям афиша, интересные, талантливые спектакли полностью подтвердили справедливость слов Отчетного доклада ЦК КПСС XXVI съезду партии о том, что «духовная жизнь советского общества становится все более многообразной и богатой», «в советском искусстве поднимается новая приливная волна», в самых разных республиках «появилось немало талантливых произведений».

Смотр убедительно показал плодотворность обращения театров к такому могучему источнику духовного, патриотического воздействия на людей, как трилогия Л. И. Брежнева «Малая земля», «Возрождение», «Целина». В ходе смотра родились спектакли и по всей трилогии, как, скажем, в Пскове, и по отдельным ее частям, как, например, в Улан-Удэ и других городах. Кроме спектакля Малого театра «Целина», премьера которого была показана в день открытия XXVI съезда КПСС, москвичи во время заключительного показа увидели и спектакль Одесского русского драматического театра имени А. Иванова «Возрождение», поставленный главным режиссером В. Терентьевым. Театр (пьеса Н. Мирошниченко) дал сценическую жизнь главам из одноименной книги Л. И. Брежнева, связанным с пуском первой очереди «Запорожстали», и перед нами как бы ожили славные дела людей, восстановивших в рекордно короткие сроки могучий индустриальный гигант — детище первой пятилетки. И не только дела, но и сами люди, наделенные неукротимой большевистской энергией, размахом, деловой хваткой и инициативой. Среди и командиров производства и рядовых этого гигантского трудового сражения особо хочется выделить лицо, обозначенное в программе словом — Автор. А. Гончар правдиво передает способность этого человека отчетливо видеть перспективу движения страны в завтрашний день, пламенность его души, умение дойти простым, живым словом до каждого человека. Автору и его сподвижникам — директору «Запорожстали» (И. Шелюгин), начальнику управления «Стальмонтаж» (С. Простяков), главному инженеру управления «Сталконструкция» (В. Бассэль), мастеру такелажных работ (Л. Мареников) противостоят рутинеры и маловеры — член Госкомиссии (В. Стороженко), представитель котлонадзора (Н. Дубровская), наделенные полномочиями и властью,— и нужны большая воля, глубокая идейная убежденность секретаря обкома, а им был в те годы автор, для того, чтобы сломить сопротивление этих людей.

Смотр активно, по-деловому вторгся в некоторые споры, ведшиеся в последнее время на страницах иных печатных органов по поводу развития современного театрального процесса, в частности репертуарного поиска, и воочию показал их надуманность и несостоятельность. Прежде всего спора о том, плодотворно ли обращение театров к произведениям советской прозы, не преграждает ли проза дорогу на сцену произведениям драматическим. Только в ходе заключительного показа в Москве ожили на сценических подмостках герои книг «Жизнь Клима Самгина» М. Горького, «Ацаван» Н. Зарьяна, «Батальоны просят огня» Ю. Бондарева, «Материнское поле» Ч. Айтматова, «Дом» Ф. Абрамова, «Предел возможного» И. Герасимова... И каждый из десяти спектаклей стал ярким, заметным явлением столичной театральной жизни, обогатил ее. А еще до заключительного показа сыграли на московской сцене в ходе фестиваля Калининский театр «Имя твое» П. Проскурина, Куйбышевский — «Усвятских шлемоносцев» Е. Носова, Курский — «Полк идет...» («Они сражались за Родину» М. Шолохова).

Интерес к значительным произведениям прозы свидетельствует о стремлении театров полнее удовлетворить желание зрителей встретиться с героями полюбившихся им книг, характерами сложными и крупными, с одной стороны, и о широте, богатстве, разнообразии творческих поисков, которые открывают перед театрами эти книги,—с другой. И, конечно же, об острой нехватке новых талантливых произведений драматургии, которые вели бы глубокий заинтересованный разговор со зрителем по самым насущным, самым острым проблемам современности. Иное дело,— самый ли плодотворный путь инсценирование прозаических произведений, притом чаще всего самими режиссерами, а не вовлечение крупных прозаиков в драматургическое творчество, как это делали К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко. Вовлечение, без которого в свое время не родились бы как драматические писатели Л. Леонов, В. Катаев, К. Тренев, М. Булгаков... Но и в данном случае, как и всегда, истина конкретна, и, скажем, с согласия автора В. Андреев инсценировал повесть «Батальоны просят огня», а вот на основе своего романа «Выбор» Ю. Бондарев, насколько известно, сам пишет для Театра имени М. Н. Ермоловой пьесу.

Важное место на афише заключительного показа заняли произведения советской драматургической классики, посвященные дням революции и первым послереволюционным годам, такие, как «Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского, «Мистерия-буфф» Вл. Маяковского, «Гибель эскадры» А. Корнейчука. Спектакли по этим пьесам подтвердили справедливость и глубину наблюдения Л. И. Брежнева, высказанного им с трибуны XXVI съезда партии, о значении для творческих поисков нашего искусства высоких революционных мотивов. Но, конечно же, спектакли получились разные, обладающие разной силой идейного, эмоционального воздействия на зрительный зал. Мне нет нужды выставлять оценки и определять, чей спектакль по пьесе Вишневского лучше — ленинградский, поставленный Г. Товстоноговым, или московский, осуществленный Б. Хомским. Но не могу не заметить, что попытки иных критиков, писавших об этих спектаклях, перенести эпицентр «Оптимистической трагедии» с идейной схватки не на жизнь, а на смерть между большевистским Комиссаром и анархистским Вожаком, с их борьбы за влияние на умы и сердца матросов на образ мятущегося Алексея, как таковой, вряд ли состоятельны, ибо ослабляют раскрытие роли партии в борьбе двух миров. Хотя воплощение образа Алексея А. Толубеевым в спектакле Ленинградского Большого драматического театра имени М. Горького и А. Васильевым в спектакле Центрального театра Советской Армии заслуживает самой высокой оценки.

И еще: когда в ходе смотра мы смотрели пьесу Вишневского — а ее показал в эти дни и Московский драматический театр имени А. С. Пушкина,— порой складывалось впечатление, что это не одно и то же произведение, а разные. Понятно, что театры включали в свои спектакли отдельные сцены из разных вариантов. Но есть ведь один, не побоимся этого слова,— канонический, утвержденный Вс. Вишневским, вошедший в собрание его сочинений. Действительно ли столь плодотворно обращение к разным вариантам, действительно ли направляет оно поиск театров на постижение самых глубинных пластов выдающегося произведения советской драматургии?

Важное место на афише заключительного показа заняли и спектакли, раскрывающие подвиг советского человека в годы Великой Отечественной войны. Этой теме посвящены и «Плач перепелки» И. Чигринова в Белорусском театре имени Я. Купалы, и «У совести вариантов нет» Т. Минуллина в Татарском театре имени Г. Камала, и «Батальоны просят огня» Ю. Бондарева в Театре имени М. Н. Ермоловой, и «Материнское поле» Ч. Айтматова в Ярославском театре имени Ф. Волкова, и «Я пал в первое лето войны» Ю. Пеэгеля в эстонском театре «Ванемуйне»... Что прежде всего хочется отметить, говоря об этих спектаклях, так это то, что тема человек и война решается авторами и театрами мужественно, без слезливости и надрыва.

Совсем непростое, к примеру, произведение «Батальоны просят огня», и весьма соблазнительно было бы возложить вину за гибель батальона капитана Ермакова на командира дивизии полковника Иверзева, не давшего батальону необходимой огневой поддержки. Но не значило бы пойти по этому пути,— проявить субъективизм, исказить в угоду жалостливости историческую правду. И режиссер В. Андреев раскрывает всю сложность создавшейся в те дни трагической коллизии. Открой Иверзев огонь в поддержку батальона — задача, поставленная перед дивизией армейским командованием, была бы сорвана, не выполнена. Наделяя силой характера, обаянием человечности, чувством ответственности за жизнь каждого из солдат капитана Ермакова и его самого (А. Михайлов), полковника Гуляева (Л. Любецкий), капитана Орлова (А. Шейнин), младшего лейтенанта Ерошина (В. Конкин), театр не лишает обаяния полковника Иверзева (Б. Быстров), подчеркивая, что вся его воля, усилия, помыслы направлены на выигрыш крупной военной операции, на победу над врагом.

И еще одна тема определила лицо праздничной афиши — тема мирных будней социалистического строительства на разных этапах жизни нашей страны. «Ацаван» Н. Зарьяна в Театре имени Г. Сундукяна и «Братья» З. Тоболкина в театре «Ромэн» обращают нас к рубежу двадцатых — тридцатых годов. Около последних четырех десятилетий охватывает спектакль Ленинградского театра драмы имени А. С. Пушкина «Предел возможного» И. Герасимова. В последние годы происходит действие в спектакле «Дом» Ф. Абрамова в Театре имени Н. В. Гоголя.

Как и темы революции и защиты Родины, тема мирного строительства открывает перед театрами неограниченные возможности для смелых творческих поисков. И спектакль Театра имени Г. Сундукяна и спектакль театра «Ромэн» посвящены рождению колхозов, чреватому острейшими классовыми схватками. Но какие же это разные спектакли! Разные не просто потому, что действие в «Ацаване» происходит в Армении, а «Братья» — в одном из районов России, герои одного — армяне, другого — цыгане, один густо населен персонажами, в другом их совсем немного... Нет, они разные по своей стилистике, характеру

образного раскрытия и осмысления жизни. «Ацаван» метафоричен и подчеркнуто условен. «Братья» жизненно достоверны. «Ацаван» несет в себе печать поэтического раздумья. В «Братьях» преобладают краски резкие, открытые эмоциональные взрывы.

Но, конечно, было бы неверно забывать о том, что один спектакль принадлежит армянскому театру, другой — цыганскому. При общности идейных задач и идейной позиции важная жизненная тема, мысль о беззаветности служения народу, об обретении человеком своего места в жизни воплощаются каждым театром по-своему, и на творческой индивидуальности режиссеров, ставивших эти спектакли, Х. Абрамяне и Н. Сличенко, конечно же, лежит отсвет своего национального искусства.

И радостно, что каждый из этих режиссеров представляет собой яркого и своеобразного художника. И здесь снова хочется вернуться к мысли о вторжении заключительного показа в некоторые наши недавние споры, в данном случае — о «театре режиссерском» и «театре актерском», о примате одного над другим. Ах, как же иные из наших критиков любят порой вести надуманные, схоластические дискуссии! Нет и не может быть сегодня ни «театра режиссерского», ни «театра актерского». Театр жив, по-настоящему властно берет зрителя в плен только тогда, когда режиссерские и актерские устремления и поиски сплавляются воедино. Как не родится спектакль без организующей и объединяющей все его составные части воли и мысли режиссера, так и мысль режиссера окажется понятием отвлеченным, если не побудит актеров к творческому поиску, не будет донесена ими в конкретных, живых образах героев спектакля до зрителей.

И еще что примечательно — и Х. Абрамян и Н. Сличенко, как и постановщик спектакля «Предел возможного» И. Горбачев,— крупные, выдающиеся актеры современности. Не так давно каждый из них не только обратился к режиссуре, обрел, так сказать, вторую профессию, но по праву огромного художественного авторитета, завоеванного талантом, активной и страстной гражданской позицией, творческой бескомпромиссностью, возглавил коллективы, где прошла вся их творческая жизнь. Это наблюдение подтверждает и творческая судьба В. Андреева, возглавляющего Театр имени М. Н. Ермоловой уже около десяти лет, но и до сих пор остающегося одним из лидеров его актерского состава.

И в этом смысле наиболее интересные, значительные спектакли заключительного показа дают еще один творческий урок. Конечно, не исключено, что главный режиссер приходит в театр со стороны и как бы дает ему новое дыхание, сообщает новые творческие импульсы. Вернее даже сказать, что с его приходом на месте старого театра рождается новый. Примеры тому, и чрезвычайно яркие, налицо. Но не наиболее ли естествен и плодотворен путь, когда коллектив, можно сказать, сам выращивает себе главного режиссера, выдвигает его, исповедующего ту же самую эстетическую веру, что и вся труппа, из своей среды? Это вопрос отнюдь не отвлеченный, тем более не праздный, коль так часто меняются главные режиссеры, приходящие со стороны, во многих и многих театрах страны... Не пора ли задуматься, наконец, не только о причинах этого ненормального явления, но и о наиболее эффективных путях и способах его преодоления.

Бесспорным достоинством заключительного показа стало глубокое раскрытие многих актерских дарований. Правдивый жизненный материал, острая конфликтность многих коллизий, заключенных в нем, высокие художественные качества литературы, составившей основу репертуара, умная, ищущая режиссура — все это и позволило актерам разных поколений, участникам заключительного показа, интересно, достойно заявить о себе.

Широкая галерея характеров, олицетворяющих собой высокие идеалы добра и справедливости, возникла перед зрителями в ходе заключительного показа: Муса Джалиль Р. Тазетдинова («У совести вариантов нет»), Толгонай Н. Терентьевой («Материнское поле»), Лизавета С. Брагарник («Дом»), Левон Ламбарян В. Кочаряна («Ацаван»), Маша Р. Демент и Матвей И. Крикунова («Братья»)... И образы врагов были в этих спектаклях отнюдь не картонными, не схематичными, прямолинейными фигурами, а страшными и опасными своей человеческой незаурядностью, затаенностью, умом — это и Сиплый О. Борисова, глава кулаков Мацак Авакян С. Саркисяна, Палач Ш. Биктимирова, вожак табора Ефим (М. Иоанов)... От этого победа поборников добра становилась еще весомее, еще убедительнее.

Заключительный показ фестиваля непреложно показал, что слова Л. И. Брежнева на XXVI съезде партии о важности того, чтобы «герои произведений не замыкались в круге мелочных дел, а жили заботами своей страны, жизнью, наполненной напряженным трудом, настойчивой борьбой за торжество справедливости и добра», имеют самое прямое, самое непосредственное отношение не только к драматургам, режиссерам, но и к мастерам актерского цеха. В этом плане особо высокой оценки заслуживает, на мой взгляд, образ Комиссара в московской постановке «Оптимистической трагедии». Л. Касаткина удивительно органично сплавляет в своей героине жизненную достоверность и романтическую приподнятость, наделяя Комиссара громадной нравственной силой, непреклонностью души, завидной недюжинностью натуры.

В ходе заключительного показа перед зрителями ожила широкая, развернутая панорама истории становления и мужания нашего общества. А вот спектаклей о дне нынешнем афише явно недоставало. Спектаклей, которые активно бы вмешались «в решение проблем, которыми живет наше общество». Спектаклей, утверждающих наш сегодняшний образ жизни, раскрывающих и осмысливающих нынешний день советского народа как ленинизм в действии.

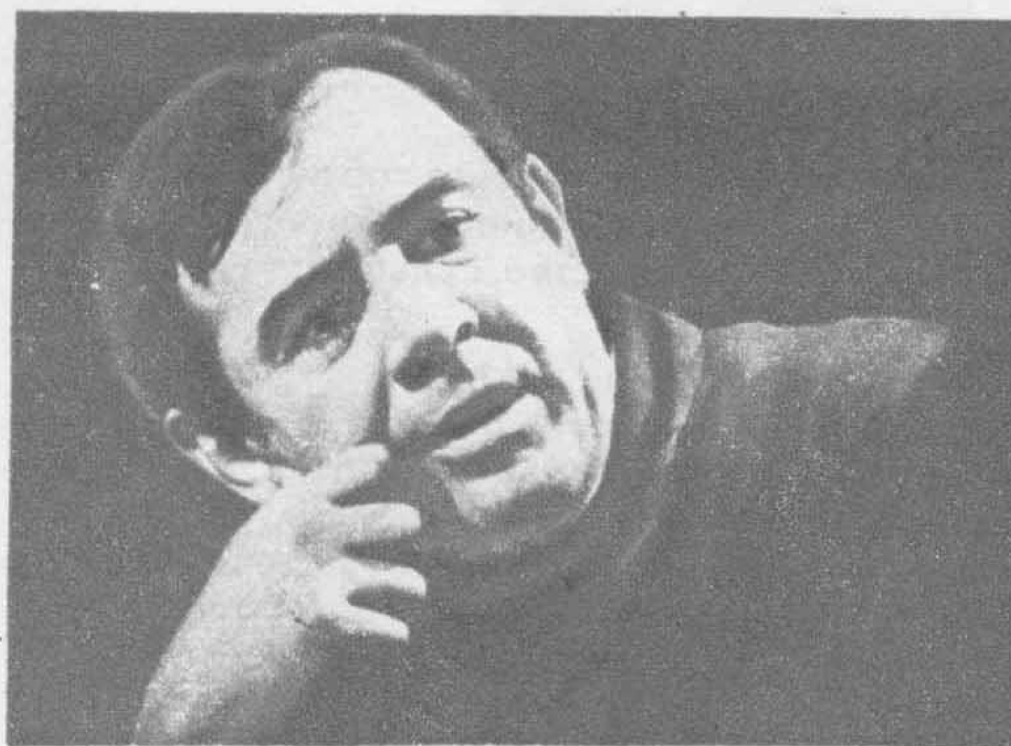
Партия нацеливает всех работников идеологического фронта, в том числе и мастеров литературы и искусства, не замалчивать недостатки, не обходить острые углы и больные места. И в искусстве запретных тем не существует. Важно только, ради чего обращает свой взгляд художник на те или иные недостатки, как подходит к их изображению и оценке. Важно раскрыть несовместимость тех или иных носителей зла с нравственными принципами социалистического общества, а не превращать их в неких законодателей нашей морали, не пасовать перед трудностями и недостатками, а всем образным строем утверждать их искоренимость и обреченность.

Да, повторяю, смотр — это праздник. Но смотр — это не краткосрочная кампания. Важно сохранить на долгие годы все лучшее, что было создано театрами в ходе подготовки к смотру. Важно пристально и требовательно думать о том, что завтра появится на афише того или иного театра, рядом со спектаклями, посвященными XXVI съезду КПСС, не допуская произведений, пораженных проказой мелкотемья, а тем более порочащих нашу советскую действительность. Всегда важно помнить о высоте идейно-эстетических критериев, всемерно повышать уровень требовательности к своему творчеству. В этом надежный залог того, что приливная волна, ознаменовавшая жизнь советского искусства в последние годы, наберет в нашем театре еще большую силу.

«Возрождение» на сцене Одесского драматического театра.

Фото В. Орлова

«У совести вариантов нет». В роли Мусы — заслуженный артист РСФСР Р. Тазетдинов.

Театр имени Г. Сундукяна. «Ацаван».

ЗДЕСЬ, В МИРЕ ВЕЧНОСТИ

Татьяна АНДРОНОВА

ВОЗВРАЩАЯСЬ С ЧУЖИХ ПОСЕЛЕНИЙ

Возвращаясь с чужих поселений,
проезжая границы межу,
встречу окна знакомых строений:
«Здравствуй, Родина»,— тихо скажу.

И уверенность в счастье и жизни
жгучей радостью сердце зальет;
пусть же мчится ко мне этот ближний,
этот милый, в заре, небосвод;

пусть с улыбкой восторга услышу,
не сморгнув даже слезы с ресниц,
хриплый крик пролетающих птиц
над пологою, серою крышей;

и за ней широко и спокойно
разметнется в туманной пыли
со стогами, с опушкою хвойной
даль особая русской земли,

где и славы и горя так много
за калиткой любого плетня,
где овраги, холмы и дороги
след боев да могилы хранят.

И какие б слова ни сказали
о терпеньи в крестьянских глазах,
здесь победные громы бывали,
здесь и дальше, в заветных полях!

Вот и русская речь на перронах,
перед строем торговых рядов;
скоро будут колеса вагонов
громыхать у больших городов.

А пока всё леса и равнины,
и асфальта чуть видимый след
за обрывом желтеющей глины,
ни огня, ни веселых примет —

тихий облик осенней деревни:
над крылечком промокший флажок,
вдоль стены дождевой ручеек.
Благодарна земле своей древней!

И ушедшее будто проснулось,
вижу степь и другую зарю.
Это юность на миг обернулась.
Благодарность свою повторю.

●

Я вижу часто: вдруг скудеют,
томятся жизнью старики,
о чем-то плачут и радеют;
но их печали коротки,
тревоги и надежды глухи.
И как забывчивы лицом
и обессилены старухи,
боясь смириться пред концом!

Страшусь я, в ужасе скорблю
о тех, кого всегда люблю
или еще жалею ныне.
Что это? Только крик в пустыне.

Увы, напуганы судьбою,
там с исступленною мольбою
средь безответности, в глуши,
кричали целые народы!
Но путевой закон природы
в немом величьи некрушим.

●

Все мы вместе в просторы земли
для труда и любви и, быть может,
страданья
провести свои жизни пришли
и оставить другим назиданье;

да потянем ли ношу такую,
в мимолетности счастья ликуя
(о пределе забыв в суете
среди сонма ничтожных страстей)?
Только вдруг как по сердцу удар —
память мудрые очи откроет,
чтоб обрушить на море людское
свой жестокий и сладостный дар:
долг и честь поместит впереди,
в лица наши с мольбой поглядит,
лишь рассеяв безверье, над ними
вдохновения факел поднимет!

И опять мы готовы идти
и труды отдавать под призывы благие,
груз святой продвигая в пути,
до черты, где нас сменят другие.

УТЕШЕНИЕ

Веселей мне, счастливей с тобой,
жизнь кажется вдруг необъятной,
и приходит довольство судьбой.

Но луна возле тучи закатной
вечный свет переливчато льет,
как надменность рабыню, гнетет
душу строгой, холодною тайной:
лишь в ночной тишине, не в дневной,
все кругом беспредельно, бескрайно,
над спокойною далью земной
в равнодушном бессмертьи глядит.
И тяжел мне бессмертия вид!

Но с тобою вдвоем мы живые:
не даны нам пути круговые,
дан один и законченный круг.
Время жизни оценим, мой друг!
И, горячее сердце не смея
бесполезным мечтаньем томить
(в пряже наших безумств
послабее
всех других утешения нить),
я, увы, на загадку мирскую
взор надежд не спешу поднимать,
хоть в печали невольной опять
наважденьем глухим затоскую.
Для тебя этот бедный испуг,
эта слабость смешны ли, мой друг,
если думы легки и беспечны,
а цветенья весны быстротечны?
Но глаза пониманьем блестят.
Дорог мне понимания взгляд.

●

Расстались днем и больше не вернуть,
и, в прошлое войдя, как в комнату пустую,
мы ищем жадно тень его живую,
хоть копией неверной где-нибудь;
но нет ее, кругом нагие стены,
займут их снова наши перемены
другими рамами для будущих картин:
посмотрят с полотна
совсем другие лица,
другие слезы скоро будут литься,
звучать веселье от других причин.
Хотя, увы, и этот срок пройдет,
и пожалеем мы о нем лениво.
И все же будет в сердце
миг счастливый,
когда, играя, память нам вернет
вдруг время юности
и быль любви далекой,
полувидение, полузабытый след
в весеннем поле,
где разлив широкий
закрыл тропу, ни хода, ни примет.

И я, волнуясь, с радостным стараньем
встречаю день, с мечтою и вниманьем,
и бью поклон без лести и обид,
чтоб каждый час
мне выделить приметней.
Но щит забвения
передо мной стоит,
и лишь ушедшее яснее и заметней!

И вот оно раскинулось, как небо
в ночной поре, бессменной чередой
ликующе плывет над доброю луной.
С надеждой счастия,
сквозь слезы, мы глядим
в знакомый блеск растроганно;
и слепо
рассвет туманы стелет впереди.

ТЕБЕ ПРИЗНАЮСЬ

Тебе признаюсь: я, душа живая,
ищу причины в небо не глядеть
при нелюбимом, мутном блеске ночи,
когда луна всплывает гулевая
над миром бренным благостно висеть
или невинным оком напророчить
предчувствий неразборчивых минуту:
кому-то радость, а печаль кому-то.

Но лишь себе одной потом признаюсь,
что ворожит ночная даль меня
и душу наполняет суеверьем;
и я жалею всех, и в чем, не знаю, каюсь,
и всех зову к вниманью и доверью
под нежным светом звездного огня,
здесь, в мире вечности, где каждую минуту
кому-то смерть, рожденье кому-то.

●

Не торопись сегодня повторить
рожденное во гневе обвиненье,
бессменной мудрости изношенная нить
смиряет лишь ничтожное волненье.

А я твое молчание пойму,
слова услышу и скажу ответы;
дитя крестьян, я учена тому,
что нет горчей и тяжелей приметы,
чем злое заблуждение людей;
но и любви и жизни нет святей.

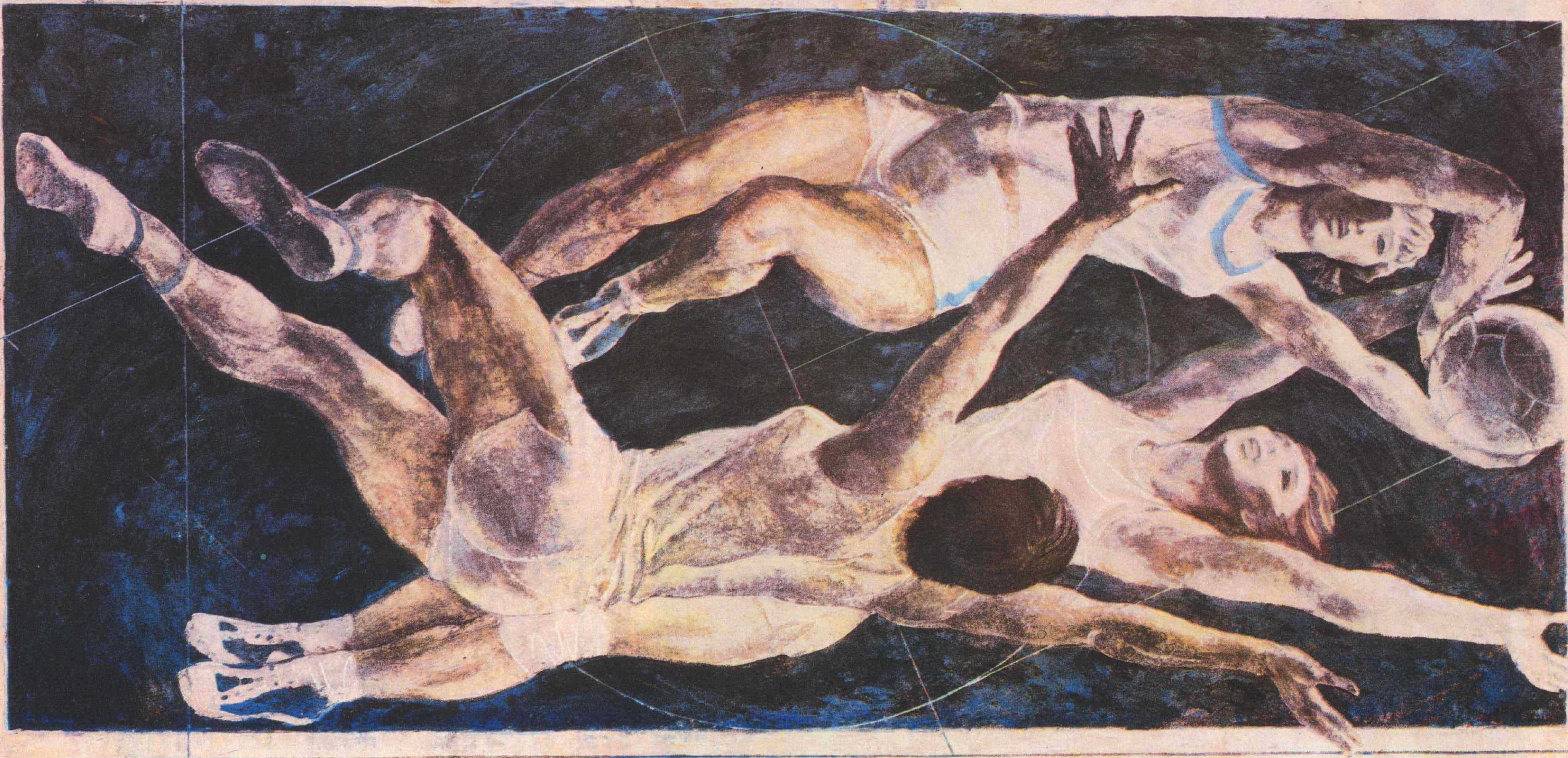
Так просто в мире все:
рождение и смерть,
печаль и радости счастливые мгновенья.
Утешусь я, мне только бы успеть
вражду унять, развеять заблужденья.

●

Горит откровенно в глазах
зеркало многих стремлений:
то буря нужна нам,
то чистых небес бирюза,
то легкий туман обновлений;
и даже таинственный свет
надежд — на недолгое время,
но все неизменно несем
сквозь годы и счастья и бед
трудов добровольное бремя.
Оно до последних минут,
как сердце в отмеренной жизни,
с любовью к родным очагам,
где преданно помнят иль ждут,
к единственной нашей Отчизне.
Но тяжесть людского движенья
лишь душу высокую греет.
И пусть же о гордых победах
и тайных слезах пораженья
глаза промолчать не сумеют!

Б. Тальберг. Род. 1930. СПОРТ (левая часть триптиха). 1979.

Всесоюзная художественная выставка «Мы строим коммунизм».

М. Абдуллаев. Род. 1921. ХЛОПОК. 1977.

Всесоюзная художественная выставка «Мы строим коммунизм».

ПРЕКРАСНОЕ РАСТЕТ НА ПЕРЕКРЕСТЬЯХ...

Михаил ДУДИН,
Герой Социалистического Труда

— Жажда другого берега извечно толкала людей вперед, в будущее. Она заставляла их строить корабли и пускаться в неизведанное, веря, что если есть один берег, то непременно должен быть и другой. Ибо пропасть между берегами не может быть бесконечной.

Пропасть, разделяющая людей, тоже не может быть бесконечной. Настанет день, и материки человеческих душ сойдутся наконец у Мыса Доброй Надежды, а семена вражды и непонимания будут погребены на океанском дне.

...И новое начало
Путей из тупика
О будущем кричало
В минувшие века.

Я написал эти строчки несколько лет назад в Лиссабоне, вглядываясь в багровый закат с оконечности Кабо-да-Рока, самой западной точки европейского континента, где грохот атлантических волн, накатывающихся на уступы скал у подножия грубого креста из необработанных голышей, как бы разрубается на равные части мерными ударами маячного колокола, все еще посылающего призывные сигналы всем невернувшимся.

Белый крест плыл надо мной в низких рваных облаках, словно мачта континента, стремящегося вдаль, к новому берегу, и я думал о том, что художник живет в мире, а гармония мира живет в нем. Он первым соединяет два берега воедино, и в этом его призвание. Каждый большой национальный писатель и поэт — сын двух берегов. В одиночку он расправляется со всеми прошлыми, настоящими и будущими тиранами, делая палачей и эксплуататоров отверженными во веки веков.

Таким был Маяковский. Такими вошли в наше сознание Федерико Гарсиа Лорка, Пабло Неруда, Габриэль Гарсиа Маркес, наделенные волшебным даром слагать пеструю мозаику жизни в чеканные образы, лепить из земных забот и чаяний стремительные контуры мечты, понятные как откровение души всем языкам и народам.

Прекрасное растет на перекрестьях людских путей-дорог, и художник первым угадывает под снегом его робкие ростки...

Мы беседуем с известным поэтом Героем Социалистического Труда Михаилом Александровичем ДУДИНЫМ в его рабочем кабинете в Ленинграде. Помолчав, он продолжает начатую мысль:

— Если у будущего отнять прошлое, может погибнуть настоящее. Я немало повидал на своем веку, поколесил по белу свету и твердо знаю одно: чужого горя не бывает, как не бывает плохих народов. Чем стремительнее скорость времени, тем меньше по размерам наша прародительница Земля, тем выше глобальная ответственность всех живущих на ней. На пересечении исторических судеб наций, религий, культур и рождается подлинное искусство, ведущее борьбу за победу разума.

Помню, в канун 41-го года я стоял в карауле у артиллерийского склада в поселке Лаппвик. Мерцающий под луной снег хрустел на подошвах моих валенок, колючий морозный ветер забирался внутрь полушубка, и тень надвигающейся трагедии мира дрожала за ребристыми гранями примкнутого штыка моей старенькой трехлинейки... В тот тихий ночной час я вдруг отчетливо ощутил себя в шеренге часовых, охраняющих жизнь, и с тех пор это ощущение не покидает меня.

— Михаил Александрович, с Ленинградом вас ведь породнила война?

— Да. Родился я в самой что ни на есть срединной России — в Ивановской области, в маленькой, всего из шести дворов, деревушке Клевнево, которая стала точкой отсчета моей судьбы, началом моей связи с Родиной, с ее историей, ее песней.

Наш род Дудиных имеет очень давние корни. Это был род скоморохов, бродячих артистов и поэтов, людей жизнестойких, не унывающих в беде, способных постоять за себя и за други своя. Об этом роде до наших дней дошел указ Ивана Грозного, повелевавший «истребить племя Дудино». А оно выжило, это племя, выжило и сохранило остроту мысли и языка, беспощадность насмешки и улыбку сочувствия.

Я учился в сельской школе, когда умерла мама, и крест на ее могиле перечеркнул мое детство, и забота о хлебе сделалась моей преждевременной заботой. Я окончил Ивановскую текстильную фабрику-школу, но помощника ткацкого мастера из меня так и не получилось. Уже тогда я пробовал писать стихи, однако вскоре понял, что поэзия не профессия, а судьба.

Потом я попал на войну, не успев окончить полковую школу младших командиров, попал на страшный перекресток адского холода и смертельного огня, на ту легендарную полоску земли, что зовется Гангут. Там ко мне пришли стихи как спасение от боли и страха, и поэзия стала моей судьбой, школой мужества, последней необходимостью перед товарищами, перед жизнью и смертью. Война и поэзия наглядно учили меня жить по высшей категории человеческого доверия, то есть быть готовым в любую минуту умереть за товарища. И суровый отсвет тех незабвенных дней лег на мои стихи и на мою переполненную печалью потерь душу.

А затем был блокадный Ленинград. Девятьсот дней и ночей на пределе возможного.

У каждого из его защитников свой Ленинград. И у меня — тоже. Мы тогда, быть может, еще не успели толком объясниться в любви своим сверстницам, но уже тайно, каждый по-своему, объяснились в любви нашему Ленинграду. И за плечами каждого из нас, живущих сейчас, незримо стоят десять его товарищей, которые объяснились в любви Ленинграду молчаливо, объяснились своими молодыми жизнями и навсегда остались верными этой первой любви. Они-то и благословили меня быть ленинградцем везде и всегда.

Ленинград — сам по себе своеобразный символ для всего человечества. Символ нового мира, потому и бывший столь ненавистным фашизму. Здесь, как нигде в другом месте, накрепко переплелись и мечта Пушкина о тех временах, «когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся», и вера декабристов в то, что «из искры возгорится пламя», и набатный клич коммунистов «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

— А существует ли для вас понятие «ленинградской школы», литературной традиции с ее характерными чертами? Как трудятся сегодня в Ленинграде ваши собратья по перу?

— Строго говоря, многие ветераны нашего писательского цеха — в Москве ли, в прочих городах — бывшие ленинградцы: и Леонов, и Шагинян, и Каверин. Есть, однако, художники, до конца сохранившие верность этому городу и черпавшие в нем силы и вдохновение, художники специфически ленинградские — Зощенко, Ахматова, Николай Тихонов, Ольга Берггольц... Как и других зачинателей советской литературы, их прежде всего отличало чувство высокой ответственности перед временем, истовое, трепетное отношение к слову. Этот главный завет классиков открывал им двери человеческой души, вел к новаторству и разнообразию.

Тем же плодотворным путем и сегодня идет наша многонациональная литература, опираясь на великие реалистические традиции, унаследованные ею от наших славных предшественников. О том, какие поразительные результаты может дать творческое преломление и развитие этих традиций, помноженные на талант писателя, свидетельствует последний роман Чингиза Айтматова «И дольше века длится день», в котором мы обнаруживаем черты общечеловеческой, глобальной литературы, воспаряющей к космическим высям и вместе с тем сохраняющей в своей основе нерасторжимую связь с конкретной, «малой» родиной, что расширяет сферу духовного общения народов и активного взаимодействия культур во имя гармонии мира, ради торжества жизни на земле.

В Ленинграде сейчас происходит смена литературных поколений, подчас трудная и мучительная. Ушли «старики» — Тихонов, Саянов, Герман, Прокофьев. После них остался неизбежный вакуум, который еще предстоит заполнить. Но свежие побеги не вырастишь в теплице, не привьешь искусственно к старому стволу — они должны вызреть и расцвести сами. А на это нужно время.

Среди ныне здравствующих ленинградских писателей и поэтов немало таких, чей голос слышен далеко за пределами нашего города, нашей страны.

По-прежнему радует своих читателей Федор Абрамов, художник серьезный и взыскательный, очень точно умеющий передать в слове обыденную, часто трагическую правду жизни. Успешно продолжает работать в разных жанрах Даниил Гранин, опытный мастер, беспощадно требовательный к себе. Не останавливается на достигнутом Виктор Конецкий. Штурман дальнего плавания, он уверенно живописует земные широты и меридианы, но в основном проницательно рассказывает и о собст-

венной душе. В отменной творческой форме приближается к своему 50-летию Глеб Горбовский, человек нелегкой судьбы, оригинальный поэт и прозаик. С лихвой хлебнув горя и ужасов фашистской оккупации, он, особенно в последние годы, зорко вглядываясь в духовный мир нашего современника, все глубже проникается мудростью человеческого сочувствия и сострадания, памятуя гениальное напутствие Тютчева:

Нам не дано предугадать
Как слово наше отзовется,—
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

Откройте недавний сборник повестей Г. Горбовского, и вы убедитесь в этом.

Мне думается, не стоит резко размежевывать писателей по поколениям, разделять их на «молодых» и «старых». Литературный процесс един, и все участники его, каждый, разумеется, в меру своих сил и способностей, служат общей цели — укреплять нравственный стержень в людях, делать их чище, добрее.

Конечно, к молодым мы присматриваемся с особым вниманием и заинтересованностью. Они наша смена, наша надежда. От них мы многого ждем. Способная литературная молодежь в Ленинграде имеется. Ее первые шаги обнадеживают. Однако откровений вроде айтматовского романа она нам пока не подарила. Это обидно, но я верю, что откровения молодых не за горами. Хочется только пожелать им не ограничивать себя рациональными рамками, не бояться дерзать и изумляться живой прелести мира, не избегать трудных задач.

Прагматизм и стандартизация художественного мышления губительны для литературы. Всякий творец идет **своим** путем к **своей** вершине, а там его манят новые пики. И давайте не будем забывать, что художник — это индивидуальность, лишенная индивидуализма. Лучшие книги всегда возникали из великой тревоги и великой любви. Они рождались на чердаках и в подвалах как созидательное беспокойство художнического духа. Мы же подчас слишком много хлопочем о материальном благополучии, придаем чрезмерное значение внешним атрибутам нашего ремесла, излишне опекаем молодых, отучая их таким образом от самостоятельности в искусстве, от терпкого вкуса риска.

Подобная мелочная опека, осторожничанье и перестраховка пагубно влияют на процесс обретения мастерства, проблема которого в преддверии очередного нашего писательского съезда стоит весьма остро.

Мир от веку держался на мастерах. Они помогают природе создавать чудо, и в каждой вещи должна теплиться душа мастера. Эстетика петровских токарных станков в Эрмитаже просто не позволяет делать на них что-нибудь плохо.

Доверие к мастеру — тоже одно из непременных условий рождения прекрасного. «Рубить в высоту, как мера и красота скажут» — вот и все, что нашла нужным записать община в наказной грамоте строителям дивной церкви XVI века. Не худо бы и нам почаще вспоминать сей достойный наказ.

Беседу вел
Юрий ОСИПОВ.

ЛОБАЧЕВСКИЙ СРАЖАЕТСЯ С ХОЛЕРОЙ

Н. И. Лобачевский.

О Николае Ивановиче Лобачевском, гениальном мыслителе, создателе неевклидовой геометрии, написано немало: и о его научной работе и о его деятельности ректора Казанского университета. Много написано об увлечении Лобачевского химией, ботаникой, анатомией. Меньше нам известна его деятельность, связанная с медициной. Из архивов и изданий прошлого века мне удалось выбрать материалы, касающиеся именно этой области.

Еще до того, как Лобачевский стал ректором университета, по распоряжению попечителя Казанского учебного округа известного мракобеса М. Л. Магницкого с кафедры анатомии были изъяты все кости скелетов и после отпевания в церкви захоронены на кладбище. Запретили доставку трупов и их использование для учебных целей. Разумеется, преподавание анатомии сильно пострадало.

По инициативе и при участии ученого эти нелепости были быстро устранены. Более того, совместно с известным архитектором М. П. Коринфским он осуществляет постройку здания анатомического театра. В 1838 году из частного наемного дома кафедра анатомии переезжает в прекрасно отстроенное новое помещение. Это здание хорошо сохранилось до наших дней. Оно объявлено памятником архитектуры и охраняется государством.

Лобачевский сыграл важную роль во введении эфирного наркоза в Казани. По его инициативе в 1847 году в город был доставлен эфир, и профессор Ф. И. Елачич впервые в истории высшего медицинского образования в России испытал на студентах-добровольцах действие этого в то время не изученного препарата.

Но особо хочется рассказать о деятельности Лобачевского во время холерной эпидемии 1830 года в Казани, когда он возглавил работу противохолерного комитета. Известие о надвигающейся с низовья Волги холере Николай Иванович получил раньше, чем городское и губернское начальство. Незамедлительно он отправляется к губернатору, чтобы предложить срочные меры. Он правильно понимал пути проникновения холеры в город. «Нам следует опасаться не столько соседства губерний, сколько водного сообщения»,— писал он в письме к М. Н. Мусину-Пушкину 14 августа 1830 года. Однако ни попечитель Казанского учебного округа, ни губернатор не обратили серьезного внимания на сообщение Лобачевского.

Первые больные в Казани появились в сентябре: на пристани заболели бурлаки. В городе началась паника. Спасаясь от холеры, дворянство бросилось из города в свои деревни. Мусин-Пушкин на время эпидемии укрылся в своем имении, губернатор барон Пирх, сказавшись больным, редко появлялся у себя в канцелярии.

Занятия в университете прекратились. Был объявлен карантин. По распоряжению ректора университет был изолирован от города. Вход и выход строго контролировался, все выходящие и входящие окуривались хлором, который приготовлялся в достаточном количестве в химической лаборатории университета при активном участии студента Н. Н. Зинина — будущего крупнейшего химика страны. Лобачевским была разработана процедура доставки продуктов и питьевой воды людям, находящимся в университете, она максимально гарантировала от заражения. Лицам, выходящим в город и имеющим контакт с населением, ученый приказал пользоваться специальной «дегтярной» одеждой. По его распоряжению в университете были организованы две палаты для больных, вещи заболевших сжигались. Энергичные мероприятия Лобачевского увенчались успехом: из 560 человек, живших на территории университета, заболело лишь 12, причем из 80 студентов ни один не был болен. Однако Николай Иванович пережил несколько трудных дней.

Лобачевский оказывал различную помощь и населению всего города, жестоко страдавшему от холеры. В донесении ученого совета о мерах, принятых в связи с холерой, он писал: «С прекращением учения в университете я дозволил поселиться некоторым чиновникам в свободных аудиториях... Все вообще чиновники помещаются в казенных зданиях, пользуются лекарствами и съестными запасами».

По указанию ученого в клинике были выделены койки для больных горожан, на лекаря И. И. Дмитриевского была возложена обязанность лечить больных, выявлять каждого нового заболевшего и докладывать ректору. Сам Лобачевский лично вместе с деканом медицинского факультета профессором К. Ф. Фуксом облачался в «дегтярный» костюм и, рискуя заразиться, выезжал в Суконную слободу, где давал управляющему фабрикой указания о мероприятиях по борьбе с холерой: строить для заболевших отдельные бараки, окуривать хлором и обрабатывать хлорной известью, для производства которых выделил студентов. Николай Иванович, как председатель противохолерного комитета, добился разрешения сжигать трупы умерших от холеры и хоронить их вместе на отдельном «холерном кладбище» независимо от вероисповедания и имущественного ценза.

В ноябре эпидемия холеры в основном закончилась. 17 ноября совет университета под председательством Лобачевского вынес постановление об обобщении и систематизации наблюдений врачей за холерной вспышкой.

Лобачевский принимал участие и в ликвидации эпидемии холеры летом 1831 года. За умелые действия по борьбе с холерной эпидемией он был награжден орденом. Такова еще одна страница в жизни и деятельности великого русского ученого.

В. АНИСИМОВ,
профессор,
зав. лабораторией высшего медицинского образования
2-го Московского мединститута

Михаил ТАЛЬ,
международный гроссмейстер

КОГДА ОЖИВАЮТ ФИГУРЫ

2. ТУРНИРЫ, ВСТРЕЧИ, ВОСПОМИНАНИЯ...

В прошлом году во время турнира в голландском городе Тилбурге каждый участник получил анкету, в которой (среди других) предлагался такой вопрос: «Какое соревнование Вам больше всего запомнилось?» Не все гроссмейстеры ответили сразу — надо было поворошить в памяти. Ведь жизнь шахматиста — это целая вереница турниров и матчей. Характерно, что никто в ответе о матчах и не обмолвился. Странного ничего нет: турниры во много раз интересней!

Не следует думать, что если дюжина гроссмейстеров собралась в каком-нибудь городе, то они только и делают, что передвигают фигуры. Я тоже читал рассказ «Марабу» и, хотя люблю А. Куприна, позволю себе не согласиться с писателем. Не представляю, где он увидел столь скучных, отрешенных от всех земных радостей людей. Я, например, не встречал таких. Во всяком случае, на нынешних турнирах все происходит совсем не так, как у него в рассказе!

Если бы свершилось чудо и Куприн смог хоть на один миг побывать в том же Тилбурге, он увидел не только склоненные над доской головы, но, скажем, увлекательный турнир на бильярде, в котором первенствовал Анатолий Карпов, и вокально-эстрадный конкурс, организованный большим энтузиастом пения Лайошем Портишем, а выигранный автором этих строк.

События, развернувшиеся в один из свободных от игры дней, и вовсе бы поразили писателя... В этот день двенадцать гроссмейстеров облачились в бутсы и майки с эмблемой ФИДЕ. Они приняли официальный вызов местной футбольной команды ветеранов. Перед входом на стадион висело огромное объявление, а чтобы запечатлеть столь необычную встречу, прибыл кинооператор. Голландские футболисты великодушно предложили нам фору — два мяча без игры! — но гордые служители Каиссы предпочли начинать на равных.

По давней мальчишечьей привычке я встал в ворота и, честно говоря, приготовился просить замену при счете 0 : 5. Но не тут-то было! Среди «марабу» оказалось немало футбольных талантов. Шведский гроссмейстер Ульф Андерссон, игравший в любительских командах Стокгольма, буквально таранил оборону «ветеранов». Профессионально «финтил» на левом краю Властимил Горт, еще недавно выступавший за студенческую команду Праги, да и Борис Спасский отменно использовал свои атлетические данные. Он явно доминировал в центре поля...

Об этом матче можно рассказывать долго. Но я боюсь оторваться от шахматной темы. И потому лишь добавлю, что встреча закончилась сенсационно. Шахматисты победили 3 : 2!

Мне довелось быть участником ста тридцати трех турниров и матчей. И это только с момента получения гроссмейстерского звания. Вот почему, отвечая на вопрос анкеты «Какое соревнование больше всего запомнилось?», я поневоле замешкался... Ведь каждое выступление чем-то памятно. Рейкьявик, Таллин, Монреальский турнир звезд... Что же выбрать? Потом осенило. Я взял карандаш и без колебаний написал: «Порторож!» (1958 год).

Это был первый международный турнир в моей жизни, сыгравший в ней исключительную роль. Даже сейчас в памяти радостные хлопоты, связанные с отъездом. Мама собирает рубашки, я — тощие тетради с партиями и теоретическими разработками. Потом забегает Александр Кобленц и прячет в портфель тетрадки. «Это моя забота,— говорит он,— а то ведь все равно потеряешь!»

Порторожский турнир начался с нервных дебатов между участниками и представителями ФИДЕ. Сколько человек выходят в турнир претендентов? Сколько от одной страны? За два года до турнира, когда Международная шахматная федерация обсуждала этот вопрос, она вынесла решение о допуске в претендентский цикл пяти победителей межзонального, и никто как будто не возражал. Не обратили тогда особого внимания и на такой (совсем не шахматный!) пункт решения: от одной страны могут быть допущены только двое...

Думаю, причина такого равнодушия проста — до межзонального было еще далеко! Но вот он стал явью, и гроссмейстеры заволновались. Действительно, реально претендующих на выход чуть не дюжина! Даже если не считать Фишера (а его тогда еще всерьез не воспринимали), в число фаворитов надо было включить, конечно, Глигорича, Олафссона, Сабо, Бенко, Ларсена и четверку наших.

Особенно сложным оказалось положение советской делегации, в которую входили Бронштейн, Петросян, Авербах и я. Если выходят только двое из одной страны, то за какое место бороться? Скажем, займешь третье... Но впереди могут оказаться два советских участника, и тебя в турнир претендентов не пустят. Датчанина, скажем, или исландца в этом случае включат даже с шестого места, а тебя — нет, хотя ты и третий призер... Выходит, гарантию выхода в претендентский цикл давало только второе место. И это при пяти выходящих!

Но ничего не поделаешь, пошумели, написали коллективный протест в ФИДЕ и сели играть. Я, пожалуй, быстрее всех тогда успокоился: ведь в самом деле, не собирался же я дать бой Ботвиннику! И потому вопрос: «На каком этапе я вылечу?» — не казался столь важным...

Не стану утверждать, что я считал себя слабее остальных участников. Нет! И еще раз нет! Признаюсь, что комплексом неполноценности я не страдал никогда за четверть века игры в шахматы. Даже когда вчистую «проваливался»! Но и наполеоновских планов перед началом межзонального не составлял. Короче говоря, не удивился бы и седьмому месту и... первому.

Новые интересные впечатления всегда сопутствуют турниру «на выезде». В Портороже их оказалось предостаточно. После привычной, но холодной Балтики здесь я впервые увидел голубое, теплое даже на взгляд Адриатическое море. Да и сам курорт восхищал. Нравились улицы с неожиданными поворотами, крутыми спусками, нравились пляжи в ярких пятнах зонтов... Как-то я спросил разносчика газет, какой сегодня день недели. Пожилой югослав любезно ответил: «Здесь курорт, друже Таль, курорт, и потому всегда воскресенье...»

Щедрым оказался мой первый международный турнир и на шахматные знакомства. Встречал нас Светозар Глигорич, который вместе с Александром Матановичем представлял на турнире «хозяев поля». Оба помогали организаторам в качестве экспертов по устройству быта участников и имели весьма озабоченный вид. Глигорич уже тогда считался ветераном, хотя ему шел только тридцать шестой год. Многократный чемпион Югославии еще в сорок восьмом начал борьбу за первенство мира. В Портороже он играл в своем третьем межзональном турнире.

В элегантном светлом костюме он встречал нас с Кобленцем на пороге гостиницы. И я поймал себя на мысли, что именно так выглядел герой цвейговской «Шахматной новеллы» — загадочный гроссмейстер Чентович... Сердечно поздоровавшись с моим тренером (они знали друг друга ранее), Глигорич повернулся ко мне: «Вы впервые в Югославии, не так ли? Уверен, что не в последний раз».

Потом он сказал озабоченно: «У вас полчаса, чтобы переодеться. И, пожалуйста, сразу же в танцевальный зал!» «А что мы должны там делать?» — осведомился удивленный Кобленц. Но Глигорич уже подводил нас к красочному объявлению:

«Сегодня в центральном зале гостиницы «Адриатика» состоятся танцы с участием выдающихся шахматистов мира».

— Отступать некуда! — сказал я Александру Нафтальевичу, который начал было отказываться,— иначе мы автоматически выпадаем из числа «выдающихся».

Вот бы записать на кинопленку тот вечер да прокрутить теперь! Мы увидели бы спортивно подтянутую фигуру Юрия Авербаха и не менее стройного и молодого Тиграна Петросяна, увлеченно исполняющих модный тогда рок-н-ролл. А нынешний президент ФИДЕ Фридрик Олафссон предстал бы перед нами в образе худощавого юноши, поминутно поправляющего светлую копну волос, что падала на глаза во время отчаянного твиста. Но героем вечера все единодушно признали филиппинца Родольфо Кардосо. Красивый и смуглый юноша (ему шел двадцать первый год) буквально очаровал югославских девушек и приезжих туристок. Когда все участники бала уже выдохлись и ретировались в свои номера, Родольфо еще долго отстаивал честь «выдающихся шахматистов».

Югославская пресса много и разнообразно освещала межзональный турнир. Помещала она и шахматные обзоры зарубежных газет. В одной подборке я увидел фото Роберта Фишера, ниже шел текст, в котором австрийский журналист сравнивал его с Моцартом, а итальянский — с Паганини... Столь лестные сравнения на кого угодно произведут впечатление. Тем более на пятнадцатилетнего парня, только добившегося первых успехов. Всего полтора года назад, во время чемпионата в Москве, на последней странице «Бюллетеня», посвященного закрытию турнира, появилась маленькая заметка. Она, очевидно, впервые открывала нашему читателю имя юного шахматиста Америки. В этой заметке говорилось, что в первенстве восточных штатов второе место занял тринадцатилетний чемпион США среди юношей Р. Фишер.

Но в Портороже шло не первенство восточных штатов, а межзональный турнир! Как-то он в нем сыграет? Было известно, что промелькнувшие полтора года Роберт не потратил впустую. Он играл всюду, где представлялась возможность. Вначале победил в матче Родольфо Кардосо (6 : 2). Филиппинец был пятым в юношеском чемпионате мира, а Фишер там не участвовал и потому решил сделать «прикидку» (а мог ли стать чемпионом?). После матча Фишер последовательно завоевал все три титула чемпионов США, победив в юношеском первенстве, в открытом и официальном чемпионате, где обошел самого Решевского. Такая череда успехов (пусть даже не очень высокого уровня) могла быть преувеличенно понята юным шахматистом. А тут еще сравнение с Паганини... Короче говоря, когда я оказался на встрече журналистов с

Продолжение. См. «Огонек» № 20.

Олимпийская сборная страны шестидесятых годов: Леонид Штейн, Василий Смыслов, Михаил Ботвинник, Борис Спасский, Пауль Керес, Тигран Петросян.

Фишером, то не слишком удивился тому, что услышал.

— Рассчитываете ли вы попасть в первую десятку?

— Вы что, издеваетесь? Совершенно ясно — попаду в пятерку, а точнее — рассчитываю занять второе место после Бронштейна.

— Но ведь в турнире одиннадцать гроссмейстеров?!

— Я умею считать!

Далее Роберт объяснил, что для достижения цели надо выиграть пять партий, остальные достаточно сыграть вничью. Немного раздосадованный тем, что югославские журналисты его не понимают, он добавил, что в турнире есть заведомые «фиш» (так в Америке называют слабых партнеров) и у них он обязательно выиграет.

— А если хоть одну партию проиграете?

— Ну что ж, выиграю шесть!

Содержание интервью было со скептическими улыбками воспринято участниками межзонального, но когда Роберт начал с железной последовательностью выполнять свой план, в рядах конкурентов произошло замешательство...

Но не будем забегать вперед. К тому же в турнире играл не один Фишер. Первые же поединки показали решительное настроение всех участников. Играю с колумбийцем Дегрефом, а сам все посматриваю на столик, за которым трудятся Глигорич и Бронштейн. Давид Ионович применил интересную новинку, но потом погрузился в длительное раздумье. Не спешит и партнер. Проходят четыре часа игры — сделано всего восемнадцать ходов. А когда до падения флажка остается по три-четыре минуты, гроссмейстеры, как говорится, «засучили рукава»... Дело осложнялось тем, что организаторы закупили для межзонального диковинные часы, по которым трудно определить, сколько секунд осталось до падения флажка.

Игра пошла по принципу: ты туда — я сюда... В такой ситуации эффект новинки растаял, как дым. Несколько минут длилось это мелькание рук, за которым лихорадочно следили судьи. Почти все участники побросали свои партии и столпились вокруг. К всеобщему удивлению, все ходы были сделаны и никто ничего не подставил. Когда пришло время записывать ход, на доске стояла ничья. Но наутро оба партнера жаловались, что не могли уснуть без снотворного.

Я привел этот пример, чтобы показать, какой нервной бывает игра в межзональном. Порторожский турнир, конечно, не являлся исключением, но я впервые окунулся в атмосферу столь жестокого отбора. По молодости лет такая обстановка даже понравилась. После досадного «шлепка» в четвертом туре при встрече с Матановичем (я взялся за пешку, которой ходить в тот момент не собирался) мне оставалось одно — немедленно компенсировать полученный ноль полноценной единицей. И в следующей партии я демонстративно двинул фигуры в сторону королевского фланга Мирослава Филипа. Долгое время такой «навал» никаких выгод не приносил. Партнер четко защищался, а затем с полным основанием предложил ничью. Что же делать? Вижу — есть жертва слона, но тогда, кроме неугодной мне ничьей, возникала возможность и проигрыша. В шахматах часто бывают ситуации, когда путь к победе лежит через зыбкий мостик над пропастью. Правда, не все любят им пользоваться... Быстро уговариваю себя, что жертвовать надо. И дальше все идет как по маслу. Мирослав занервничал, сбился с правильного курса и попал под неотразимую атаку.

Эта победа придала мне уверенность. А после выигрыша у Россетто и Бенко я уже начал подумывать: «А что, если...» Это «если» приняло реальные очертания, когда я добыл очко во встрече с молодым Бентом Ларсеном, выступающим в Портороже очень нервно. Проиграв мне, Бент в следующем туре разгромил Петросяна, который без поражений провел две трети турнира. В результате я оказался впереди.

К этому времени ФИДЕ отреагировала на коллективное письмо участников: число выходящих мест увеличилось до шести, причем от одной страны (это относилось только к СССР) в турнир претендентов могли попасть трое. Выход в следующий этап мне обеспечила забавная партия с моим ровесником — Оскаром Панно. Несмотря на молодость, он считался тогда одним из сильнейших в турнире. И не без оснований.

В восемнадцать лет он стал чемпионом мира среди юношей, в двадцать — гроссмейстером. За три года до Порторожа с успехом играл в межзональном турнире, откуда вышел в турнир претендентов. И теперь Панно был близок к тому, чтобы повторить это достижение, но споткнулся во встрече со мной. К двадцать третьему ходу создалась удивительная позиция. За моими пешками ферзевого фланга, мирно стоящими во втором ряду, затаились, словно разбойники в укрытии, черные фигуры — конь на а1 и слон на b1. Эти разбойники только что съели мою ладью и коня... А я в ответ начал отчаянный штурм королевского фланга. Для этой цели я еще более увеличил «материальную недостачу», пожертвовав ладью и слона. Из боевых фигур в строю у меня остался лишь ферзь, но он-то и вывел черного короля на опасную прогулку... Однако форсированного выигрыша у белых пока не было. В цейтноте Панно действовал хладнокровно, удачно балансируя на краю пропасти. Ошибся он лишь при доигрывании...

Цельной эту партию никак не назовешь, она скорее ассоциируется с качанием весов. Но так или иначе она была важной для распределения мест и держала в напряжении весь зал. В конце концов эта партия получила специальный приз как наиболее интересная...

В один из выходных дней отцы городка закатили увлекательный фестиваль, который сразу же снял стрессовое состояние у шахматистов. Вначале гроссмейстеры наблюдали финал скачки ослов на первенство Адриатического побережья. Старт принял двадцать один осел, что шокировало участников... Ведь в турнире нас было столько же. А когда первым пришел осел под номером семь, мы стали пожимать руку гроссмейстеру, выступающему под этим же номером, говоря, что это — отличное предзнаменование.

А потом к шахматистам обратился один из организаторов фестиваля: «У вас развито чувство прекрасного. Потому прошу принять участие в работе жюри, которое определит самую красивую женщину фестиваля». И мы с самым серьезным видом приступили к работе. А она оказалась долгой. Четвертьфиналы, полуфиналы, финал... Наконец, в «турнир претенденток» пробились три совершенно немыслимые красавицы. И мнения гроссмейстеров разделились. Только Родольфо Кардосо с равным энтузиазмом аплодировал каждой абитуриентке. Когда его призвали к порядку, попросив как члена жюри высказать официальное мнение, он ответил: «Я бы выбрал всех трех...»

Родольфо стал героем другого конкурса, который определял не Мисс Порторож, а Мистера Шахматы. Симпатичный и общительный юноша победил с подавляющим перевесом, но после такого успеха несколько туров совсем не мог играть: он отмечал свою победу в кругу многочисленных почитательниц. Родольфо быстро испортил свое турнирное положение, откатился в конец таблицы. Как-то во время обеда ко мне подсел Фишер и доверительно сообщил, что завтра выиграет партию. «А с кем играете?» «Играю с Кардосо». Я и так догадывался, что он завтра выиграет, но, чтобы подразнить его, спросил: «А почему вы знаете, что непременно у него выиграете?» «Ну как же, Кардосо — фиш!»

И другие стали считать филиппинца лакомым блюдом. Это отношение к Родольфо, вроде бы махнувшему на игру рукой, очевидно, не миновало и Давида Бронштейна, постоянного участника претендентских турниров. Ему предстояло в последнем туре играть с Кардосо, и я позволю себе заподозрить, что мысленно Давид Ионович уже записал себе очко от филиппинца...

Как позже выяснилось, даже в случае ничьей гроссмейстер делил выходящее место. Но игра в последнем туре очень похожа на плавание в таинственном Бермудском треугольнике. Кардосо играл так, словно решалась его судьба, хотя выше девятнадцатого места он подняться не мог. А Бронштейн, не имевший поражений в трех межзональных турнирах, играл вяло, словно ожидая, что Кардосо вот-вот начнет подтверждать, что он все-таки «фиш».

Помню, как Давид Ионович отрешенно отошел от турнирного столика, потом взял меня за рукав и тихо спросил: «Миша, это правда?» Я промолчал, хорошо понимая его состояние. А он спросил еще раз: «Это правда, что я проиграл Кардосо?» — и, не дожидаясь ответа, побрел к двери...

В тот день я сделал «разумную» ничью с Шервином и обеспечил себе первое место. Вторым стал Глигорич, третье и четвертое места поделили Петросян и Бенко. Последние вакансии достались Олафссону и Фишеру, который в ходе турнира заметно усилил свою игру и выполнил обещанную журналистам программу. В пятнадцать лет стать гроссмейстером! Это еще никому не удавалось. Чувствовалось, что дебютант межзонального — шахматист с будущим...

Через двадцать один год в Риге, на таком же межзональном турнире, ко мне подошел уже отмеченный сединой датский гроссмейстер Ларсен:

— А знаете, нас здесь только двое из тех, кто стартовал в Портороже! Помните, какой задиристый был турнир? Он явно выделяется из ряда подобных. К примеру, трое участников стали чемпионами мира... Вы — в шестидесятом, Петросян — в следующем цикле, а

еще через девять лет — Фишер. Какой межзональный имел столь перспективный состав?

Да, воды утекло немало... В той же Риге среди прибывших гроссмейстеров я встретил еще одного участника «битвы при Портороже», Мирослава Филипа, с кем сыграл тогда крайне важную, как говорится, переломную партию. Сразу вспомнил жертву слона на h6... Шахматисты долго держат в памяти такие детали! Мирослав, которому уже перевалило за пятьдесят, в Риге был главным судьей межзонального. Но немного времени проводил он за судейским столом. Высокая фигура Филипа обычно появлялась там, где шла увлекательная партия. Гораздо дольше, чем это делают судьи, он вглядывался в происходящее на доске. Международный гроссмейстер еще не уступил своих позиций международному арбитру! Как-никак, Филип четыре раза играл в таких же межзональных турнирах, дважды становился претендентом. Не многие судьи имеют такой послужной список!

Со времени Порторожа я и сам успел пять раз сыграть в межзональных... Это немало, но далеко не рекорд. Пальму первенства держит неистощимый оптимист Бент Ларсен, который в Риге сделал седьмую попытку стать претендентом. Замечу, что четыре раза это ему удавалось. Увы, симпатичный датчанин так и не добился права на матч с чемпионом. И теперь уже вряд ли сбудется давняя его мечта.

Но Ларсен явно поскромничал, когда в числе «перспективных порторожцев» назвал только будущих чемпионов. Через шесть лет после своего скромного дебюта в Портороже датский гроссмейстер победил в Амстердамском межзональном турнире, а еще через три — с блеском взял первое место в Сусе и снова вошел в число претендентов на мировое первенство. В те годы Ларсена заслуженно считали сильнейшим шахматистом на Западе. Внушительные успехи дали ему право потеснить на вторую доску самого Фишера, когда определялся состав сборной мира для матча с командой СССР.

Кстати, в нашей стране Бент Ларсен имеет немало друзей. Огромна и его популярность среди советских любителей шахмат. Именно в Москве он добился своего первого, прямо скажем — сенсационного успеха. Произошло это в пятьдесят шестом на шахматной Олимпиаде, когда команда Дании неожиданно для всех пробилась в главный финал. Встретившись там с сильнейшими шахматистами мира, юный мастер из Копенгагена показал изумительную игру. Сколько волнений вызвала, например, его встреча с Ботвинником, в которой чемпион мира тех лет лишь с огромным трудом сумел спасти пол-очка.

Успех Ларсена стал главной сенсацией Олимпиады — он занял первое место на первой доске! Впереди Ботвинника, Глигорича, Сабо, Найдорфа. Причем уже тогда бросался в глаза крайне низкий процент ничьих в партиях датчанина. Гроссмейстер «московского выпуска» — для шахматистов это звучит достаточно убедительно...

С тех пор «Принц датский» — так его любовно называют многие болельщики — считался (и считается!) фаворитом в любом турнире, он всегда интересен как шахматист и как человек. Не помню случая, чтобы Ларсен отступил от своих, истинно рыцарских принципов. Даже тени боязни не проявлял он никогда за доской, всегда смело экспериментировал и был далек от эгоистичного рационализма. Случались срывы — Ларсен не терял лица. Шла игра — и он мог подряд взять несколько первых призов в сильнейших турнирах.

Историю борьбы за мировое первенство создают не только чемпионы, но и те, кто составил им блестящую конкуренцию. В ряду гроссмейстеров экстра-класса, кто в пору своего расцвета реально угрожал шахматному трону, шахматная летопись назовет, конечно, и Бента Ларсена... Да разве только его? Ведь столь же великолепен был спортивный путь «вечно второго» Кереса или, скажем, Бронштейна, которого отделила от звания чемпиона ничтожная дистанция в пол-очка...

Последние четверть века борьба за шахматную корону проходила особенно остро и драматично. Одна за другой зажигались и гасли новые звезды. Но они сияли не на пустынном небе! Вместе с чемпионами служили шахматному искусству такие гроссмейстеры, как И. Болеславский, А. Котов, Л. Портиш, Е. Геллер, С. Глигорич, Л. Штейн... Не всегда удачной была их спортивная судьба, но каждый из них обогатил прекрасный мир шахмат и завоевал сердца почитателей древней игры.

Давно идет спор — искусство ли шахматы? А может быть, просто игра? Ведь сколько есть игр, тоже интересных и даже более зрелищных... Спор этот возник давно, но он продолжается, хотя временами носит черты схоластики. И все же, когда я вижу шахматиста, рассчитывающего, сколько надо сделать ничьих, чтобы не ухудшить свой рейтинг, хочется озадачить его вопросом: искусство ли шахматы? Иной раз на турнирах даже высокого уровня можно увидеть партии, сыгранные грамотно и технично, но так скучно, что не только любоваться, а вовсе смотреть их не хочется. Во всяком случае, искусство никакого отношения к таким партиям не имеет.

Еще в студенческие годы я обратил внимание на высказывание Маркса, которое можно смело отнести и к шахматам. Он писал, что «предмет искусства... создает публику, понимающую искусство и способную наслаждаться красотой».

Но если шахматная партия отворачивает от себя зрителя, может ли она считаться искусством? Конечно, нет, это ремесленная поделка. Но есть партии, восхищающие ценителей красоты. Такие партии, возвысившиеся до уровня произведений искусства, и есть визитная карточка шахмат.

И мне вспоминается остроумное предложение львовского гроссмейстера Олега Романишина: «Надо до начала турнира просить участников заполнить таблички. Пусть они проставят желаемые для себя результаты. Если «А» хочет сыграть вничью с «Б», а в прогнозе, составленном «Б», мы увидим такое же намерение, то партия между «А» и «Б» играться не будет. Судьи просто проставят половинку в официальную таблицу».

Это предложение могло бы создать резерв времени и средств. Да и турнирные сборники стали бы лаконичнее и интереснее. А пока спортивная сторона шахмат энергично теснит художественную. «Его величество результат» захватил ключевые позиции в определении итогов соревнований. Ведь почти каждый турнир — отборочный, да еще в бухгалтерии Эло твои очки прикинут на арифмометре. А это ведомство совершенно не интересуется художественной стороной шахмат. Там считают очки и половинки...

Так есть ли выход? Представим на минуту, что судьи на закрытии турнира объявят: «Гроссмейстер «А» набрал 12 очков, но мы присуждаем первое место гроссмейстеру «Б», у которого всего 11 очков, но он играл интересней и ярче! А на второе место мы ставим мастера «В», хотя он отстал еще более, но явно превзошел «А» в искусстве комбинационной атаки...»

Роберт Фишер.

Нетрудно предвидеть, какая началась бы неразбериха, куда зашли бы взаимные обиды, какая развилась бы вкусовщина! «Нет уж,— скажут сами шахматисты,— давайте вернемся к подсчету очков». И будут правы. Потому что шахматы — это прежде всего игра, спорт, в природу которого заложен принцип «кто — кого?!».

Но что же сделать, чтобы примирить, привести в соответствие художественное и спортивное начало в шахматах, без которых они немыслимы? Вик. Васильев в статье «Искусство ли шахматное искусство?» предлагает ввести систему творческих коэффициентов, которая безошибочно установит, кто из соперников играл выше другого в творческом отношении. В этой связи он ссылается на авторитетное мнение М. Ботвинника, считающего вполне возможным создание объективных критериев для оценки творческой самоотдачи каждого участника.

Эти критерии помогут определить победителя там, где «его величество спорт» оказался бессильным. Например, при дележе мест. В таком случае судьи в согласии с компетентным жюри смогут (это тоже предложение Вик. Васильева) при равном количестве очков отдать предпочтение самому верному, самому отважному рыцарю шахматного искусства.

Это справедливо и как минимум интересно. Очевидно, что такая мера снизила бы процент бесцветных ничьих, сделала бы игру более зрелищной и, как следствие, привлекла в турнирные залы новые отряды любителей шахмат.

Но пока это только пожелание, и три компонента шахмат — спорт, наука, искусство — находятся в неравных условиях. Один весьма авторитетный гроссмейстер так определил содержание шахмат: 50% — спорт, 30% — искусство, 20% — наука. Почти как на аптечном бланке!

Можно поспорить с автором этой «раскладки». Возражения коснутся не удельного веса каждого компонента, а «коктейля» в целом. Ведь сколько шахматистов — столько стилей, столько взглядов на шахматы. Один склонен к исследованиям, другой не придает большого значения теоретическим разработкам и тяготеет к интуитивной игре, третий — закоренелый рационалист... И потому для каждого «коктейль» должен составляться индивидуально. Скажем, для того же рационалиста он мог выглядеть так: 70% — спорт, 20% — наука и 10% — искусство. А для неистощимых фантазеров (назовем, к примеру, Рафика Ваганяна и Виктора Купрейчика) подошел бы такой состав: 20% — спорт, 10% — наука и 70% — искусство!

Как говорится, сколько голов — столько умов! И, наверное, еще долго будет длиться спор: что же такое шахматы?

На эту тему шахматисты за доской не размышляют. Делая первый ход, каждый из них думает, как прийти к цели — выиграть, сделать ничью... А как это сделать — прозаично или художественно,— для игрока на первых порах вопрос риторический. Он просто играет в шахматы. Но вот перед ним развилка: налево пойдешь — ничью найдешь, направо — проиграть можно, но, если рискнуть, получится любопытная атака с жертвами и «тихим», ослепительным по красоте ходом... Правда, просчитать вариант до конца невозможно, и если у соперника найдется защита, надо будет сдаваться.

Выбор пути зависит от характера шахматиста. Рационалист в жизни изберет и за доской первый надежный путь. Боец с душою романтика без колебаний устремится за синей птицей...

У читателя может сложиться мнение, что я поучаю всех играть в стиле Морфи. Нет, пусть каждый играет так, как у него получается. От разнообразия стилей шахматы становятся богаче и интересней! А холодных ремесленников никакими увещеваниями не проймешь. Их обыгрывать надо. Тогда они начнут задумываться...

Я всегда вспоминаю страстное, но язвительное высказывание гроссмейстера и шахматного педагога И. Болеславского, сделанное им

в адрес таких ремесленников. «Если молодой мастер на шахматы смотрит как на работу,— писал он в статье об итогах студенческой Олимпиады,— а эстетическое наслаждение испытывает лишь при игре в домино... то не будет ничего удивительного в том, что подобные шахматисты останутся подающими надежды вплоть до пенсионного возраста, когда они смогут наконец бросить шахматы и целиком отдаться «любимому делу».

Говорить в таком тоне имеет право не каждый. Но Болеславский его имел! Все, кто знал этого замечательного человека, вспоминают, что сердечная доброта не мешала ему становиться крайне нелицеприятным, когда речь шла о защите шахматного искусства.

В удивительной, трогательной доброте Болеславского я не раз убеждался сам. Однажды во время полуфинала чемпионата страны в Риге я отложил плохую позицию с Бухути Гургенидзе. Партия игралась в последнем туре и имела важное значение для распределения мест. В случае ничьей или моего выигрыша (последнее исключалось!) в финал чемпионата выходил Болеславский, который опережал грузинского мастера. Если же побеждал Гургенидзе, то он обходил гроссмейстера.

Отложив партию и не вникнув сгоряча в ситуацию, Гургенидзе направился прямо в номер к Исааку Ефремовичу... Зная, с какой отзывчивостью тот помогает шахматистам анализировать любые позиции, Бухути Иванович попросил Болеславского наметить выигрывающий план. Гроссмейстер сделал это весьма охотно и убедительно. И... впервые за много лет оказался за чертой финала.

Вспоминаю и такой случай. В жесточайшем цейтноте и весьма трудном положении Керес «на авось» предложил ничью Болеславскому. Тот неожиданно согласился. Когда мир был зафиксирован, его спросили, почему он принял такое решение. Исаак Ефремович добродушно усмехнулся:

— Если Керес в таком положении предлагает ничью, значит, она ему очень нужна.

Тем не менее Болеславский играл весьма агрессивно. Еще в первом своем выступлении в чемпионате страны он покорил зрителей смелой комбинационной игрой. Я, например, так никогда у него и не выиграл...

Мировую известность принес ему победный поединок с американским гроссмейстером Р. Файном, сыгранный в радиоматче СССР—США в первую послевоенную осень. Молодой Болеславский, «осужденный» спортивными обозревателями мира к проигрышу претенденту на шахматный трон, опроверг прогнозы, проведя блестящую защиту в первой встрече и не менее блистательную атаку во второй. Вершиной успеха Болеславского можно считать турнир претендентов пятидесятого года, в котором минский гроссмейстер разделил первое — второе места с Бронштейном.

Шахматным академиком называли Исаака Ефремовича все знавшие его гроссмейстеры и мастера. Действительно, чуть не в каждом дебюте у него находилась собственная разработка. Новинок, изобретенных Болеславским, хватало на всех! Он и не делал из них тайны, охотно показывал на лекциях, печатал в шахматных изданиях. Конспирация домашней подготовки, привычная даже для тех, кто ничего путного в шахматах не придумал, ему была явно не по душе. О его простодушии говорила даже такая мелочь, как манера записывать партии... Обычно он брал на игру школьный карандаш и резинку, записывал каждый ход полной нотацией, почти детским каллиграфическим почерком, а если менял решение, то аккуратно стирал запись. Как правило, шахматисты не любят, чтобы партнер знал заранее, какой ход будет сделан, и прикрывают запись авторучкой или другим бланком... А Болеславский, не любивший «военные хитрости», проделывал все это в открытую.

С таким характером трудно стать преуспевающим шахматистом, но Исаак Ефремович к этому и не стремился. Зато с удовольствием одаривал каждого своим талантом и знаниями. Он помогал Бронштейну, Смыслову, Петросяну и Спасскому в восьми матчах за шахматную корону!

Меня всегда поражала его феноменальная память. В один из дней Олимпиады на Золотых Песках, когда я готовился к очередной партии, в номер постучался Исаак Ефремович. Тренер советской команды взглянул на расставленную позицию и сразу же сказал: «Здесь Бронштейн пошел ладьей на а7». Я, можно сказать, импровизировал и потому с сомнением посмотрел на гроссмейстера.

— Да не глядите так, эта позиция была у Бронштейна с Найдорфом!

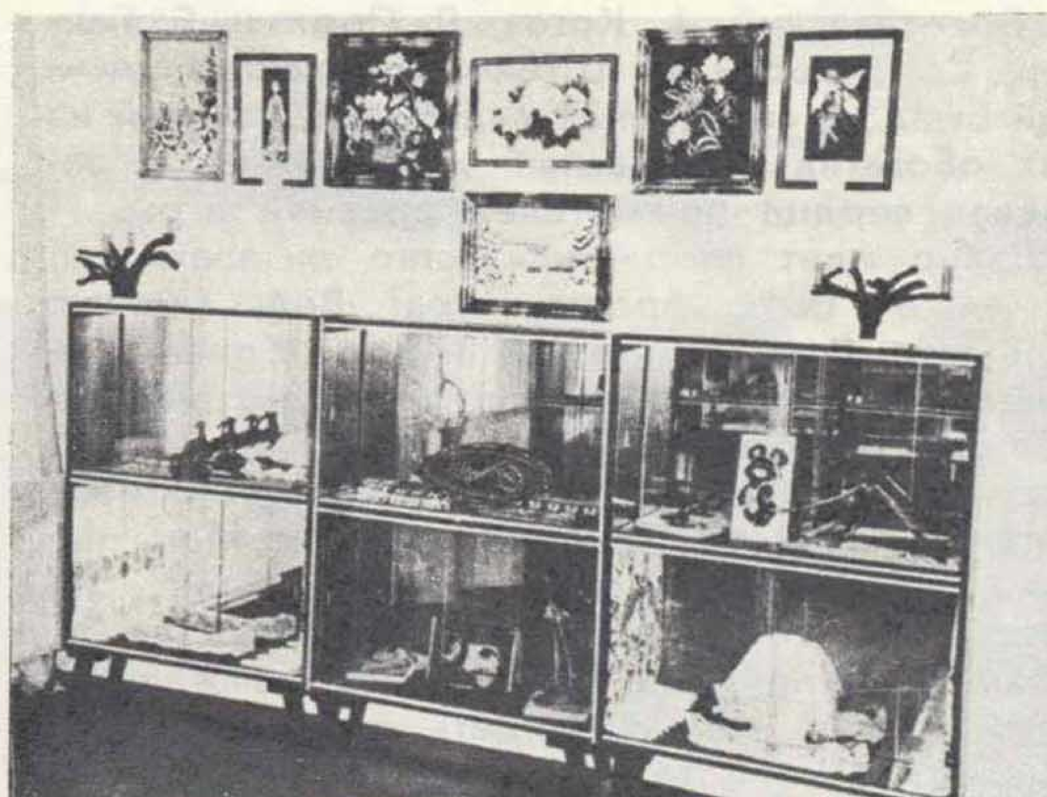
Видимо, решив, что наш спор затянулся (Болеславский был исключительно лаконичен), он через минуту принес мне турнирный сборник претендентского турнира в Цюрихе... Да, позиция совпадала!

Добавлю, что знал он на память десятки стихов, и как-то наизусть читал белорусским шахматисткам поэму «Мцыри». А особенно любил Александра Блока и Сашу Черного. Как говорил, за красоту слога... В последний раз я встретил его в Москве, на мемориале Алехина. Исаак Ефремович выглядел уже тяжело больным. Кивнув на демонстрационную доску, он сказал: «Смотрите, Миша, какой уродливый ход! Даже если он самый сильный, я бы его не сделал...»

Одни любят в шахматах ясность, другие — логику. Болеславский любил красоту.

Литературная запись
Олега СКУРАТОВА

Продолжение следует.

Экспонаты музея. Фото А. Шеметаса

СЕЛЬСКИЙ МУЗЕЙ

В Крымском совхозе-заводе «Солнечный» Симферопольского района есть свой сельский музей художественно-прикладного искусства. Для него построено специальное здание, в пяти просторных комнатах которого — вся история села Скворцово, история, воплощенная в произведениях народного творчества. Здесь и домотканые материалы, сделанные на станках вручную еще в начале XX века, кружева и вышивки старейших работников совхоза, ныне пенсионеров М. Фоминой и П. Демьяненко, а рядом — изделия из кружев, искусно выполненных из парашютного шелка в первые послевоенные месяцы. Хороши деревянные скульптуры столяра П. Афанасьева, привлекает внимание инкрустация по дереву и литье рабочих С. Мазницы и И. Хлынова, выжигание и резьба шофера С. Петрушенко. Чеканка, миниатюрные шкатулки, разлапистые подсвечники из корней деревьев — перечислить все невозможно...

Самое большое место отведено картинам. Самодеятельный художник И. Белоиванов подарил музею свое полотно «Приезд М. И. Калинина в 1934 году в Старые Лёзы» (так раньше называлась центральная усадьба совхоза), на стенах еще десяток его пейзажей и жанровых сцен. Несколько акварелей выставила общественный директор музея Л. Ю. Онищенко; по специальности она мастер по настенной живописи и созданию фресок. Тонкая наблюдательность выделяет рисунки виноградаря Г. Коноваловой, строителя А. Солодовникова, технички М. Чистюхиной. Люди, которые сеют хлеб, выращивают виноград, строят дома, любят и понимают красоту окружающей природы, весь свой досуг отдают любимому делу — прикладному искусству.

Так проявляют они свое отношение к родному краю, так выявляется духовное богатство и широта души нашего народа. Опыт музея совхоза «Солнечный» говорит: селу нужны картинные галереи и музеи прикладного искусства, и начинание это заслуживает самой активной поддержки, так как помогает решать сложную общегосударственную задачу всестороннего воспитания тружеников села.

А. ЛЮСЫЙ

Симферополь.

Валерий ВИНОКУРОВ

Сегодня мы можем гордиться своим футболом. Тбилисское «Динамо», выступая в Кубке кубков, последовательно победило команды «Кастория» (Греция), «Уотерфорд» (Ирландия), «Вест Хэм» (Англия), «Фейеноорд» (Голландия), «Карл Цейсс» (ГДР) и стало обладателем одного из самых почетных европейских призов. Третий раз советский клуб выступал в финале Кубка кубков (московское «Динамо»— в 1972 году, киевское «Динамо»— в 1975 году), и второй раз Кубок выигран (первыми этого добились киевляне). Причем выигран тбилисцами в блестящем стиле истинного вдохновенного мастерства.

Год отделяет нас от чемпионата Европы в Италии, куда наша сборная не пробилась. Но как раз в те дни она выиграла товарищеский матч в Бразилии, и знаменитый английский мастер Бобби Чарльтон тогда сказал: «Увидите, у вас все будет хорошо. Есть же еще и прекрасная команда «Тифлис» с великолепным Кипиани». Простим Бобби неточное наименование команды, он не в географии профессор, а в футболе. Тогда еще года не прошло после отличной победы тбилисского «Динамо» над «Ливерпулем», и теперь, если удастся «Ливерпулю» выиграть Кубок чемпионов у мадридского «Реала», он сможет снова встретиться с тбилисцами в споре за Суперкубок. Они, новые обладатели Кубка кубков, это право — поспорить за Суперкубок — уже завоевали. Угадал Чарльтон: сегодня мы празднуем победу. Нам подарили ее тбилисские динамовцы своей вдохновенной победой, высоким мастерством.

Совершенство не только во владении мячом, пусть даже виртуозным. Это не только хитрые финты и точные удары, хотя без них какое уж тут совершенство. Не только комбинации и голы, без чего, кстати, не может быть футбола. Совершенство — это верность идее красоты. Это — сознание своего долга перед игрой и, значит, перед миллионами людей, которым эта игра нужна. Это преданность и твердость в борьбе.

Как раз тогда, когда любителей футбола огорчал практицизм, убивавший игру, когда трусливая тактика и пресловутые модели наводили тоску, когда правдами и неправдами наскребались очки, тбилисские динамовцы помогали нам верить, что жив футбол! И «Динамо» достигало одну высоту за другой. Медали бронзовые, серебряные, золотые. Две победы в Кубке страны. Наконец, трижды в последние годы тбилисские мастера Давид Кипиани, Ра-

КУБ

маз Шенгелия, Александр Чивадзе признавались лучшими футболистами страны...

Кипиани, олицетворяющий игровой разум, мысль и артистизм. Интеллигент на поле и в жизни. Созидатель игры. Впитавший лучшие черты мастеров мирового класса и в целом ни на кого не похожий, а потому неповторимый. Шенгелия смелый и решительный, острый, колючий и агрессивный. Сгусток энергии. Неукротимого темперамента. Но в его агрессии, азарте и намеком не мелькнет злость к сопернику, способная перевести спортивную борьбу в иную, малопривлекательную категорию нравственных отношений. Чивадзе — непререкаемый авторитет. Вожак на поле и в жизни. Мастер, которого уважают все. Человек, к которому нельзя не прислушаться. Капитан по сути душевной структуры, объединяющий столь разных по характеру и человеческим качествам людей, юных и опытных, тех, кого надо подхлестнуть и кого одернуть.

Шота Хинчагашвили, Нодар Хизанишвили и Тамаз Костава. Защитники, не похожие друг на друга ни по манере игры, ни по характеру. В последние годы каждому из них выпадало нелегкое испытание: травмы, без которых невозможно пройти многолетний футбольный путь. А коль скоро зашла речь о «синяках и шишках», то невозможно сосчитать, сколько выпало их на долю Владимира Гуцаева. Так уж играет этот форвард, что часто не оставляет защитникам соперника иного шанса остановить его прорыв, как только ударом по ногам. Но он встает, если может встать. Тенгиз Сулаквелидзе способен сыграть везде, на любом месте в защите и в полузащите. Это сразу стало ясно, как только он пришел в тбилисское «Динамо». Но только вряд ли кто мог предположить, что он и голы научится забивать столь яркие и разные, какие иному форварду лишь во сне снятся. А Виталий Дараселия всегда забивал, в юношеской команде, в молодежной. Он научился в обороне играть, потому что понял: новое умение старому не помеха. И вот в финале Кубка кубков пришел его, Дараселия, звездный час: забил решающий гол.

Их всех, тбилисских динамовцев, объединил, сплотил, научил и воспитал, как и вратаря Отара Габелия, как и молодых Георгия Тавадзе, Заура Сванадзе, Нугзара Какилашвили, Важу Жвания, Георгия Чилая, немногословный и сдержанный старший тренер Нодар Ахалкаци. По образованию инженер-строитель, по нынешней специальности — тренер самой высокой квалификации. Уважение к коллегам, пусть даже придерживающимся неприемлемых для него взглядов. Ни одного местоимения «я» в двухчасовой беседе. И ни шагу назад на избранном пути. Потому что путь продуман, выверен.

Счастливого же тебе пути, тбилисское «Динамо»!

Тбилисские динамовцы — обладатели Кубка кубков. Фото А. Бочинина

ОК ВЫИГРАН!

ДЕКРЕТУ— 60 ЛЕТ

Художник О. Ломакин запечатлел на своей картине В. И. Ленина в тот момент, когда нарком здравоохранения Н. А. Семашко с указкой у карты рассказывал ему и Д. И. Ульянову, бывшему тогда особоуполномоченным Наркомздрава РСФСР и начальником центрального управления курортов Крыма, о том, что нужно сделать для превращения Южного побережья полуострова во всесоюзную здравницу трудящихся. Было это в 1921 году, когда на Дальнем Востоке еще шла война и страну, только что приступившую к восстановлению народного хозяйства, постигло стихийное бедствие — засуха... И именно в том году великий вождь революции подписал декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР «О домах отдыха».

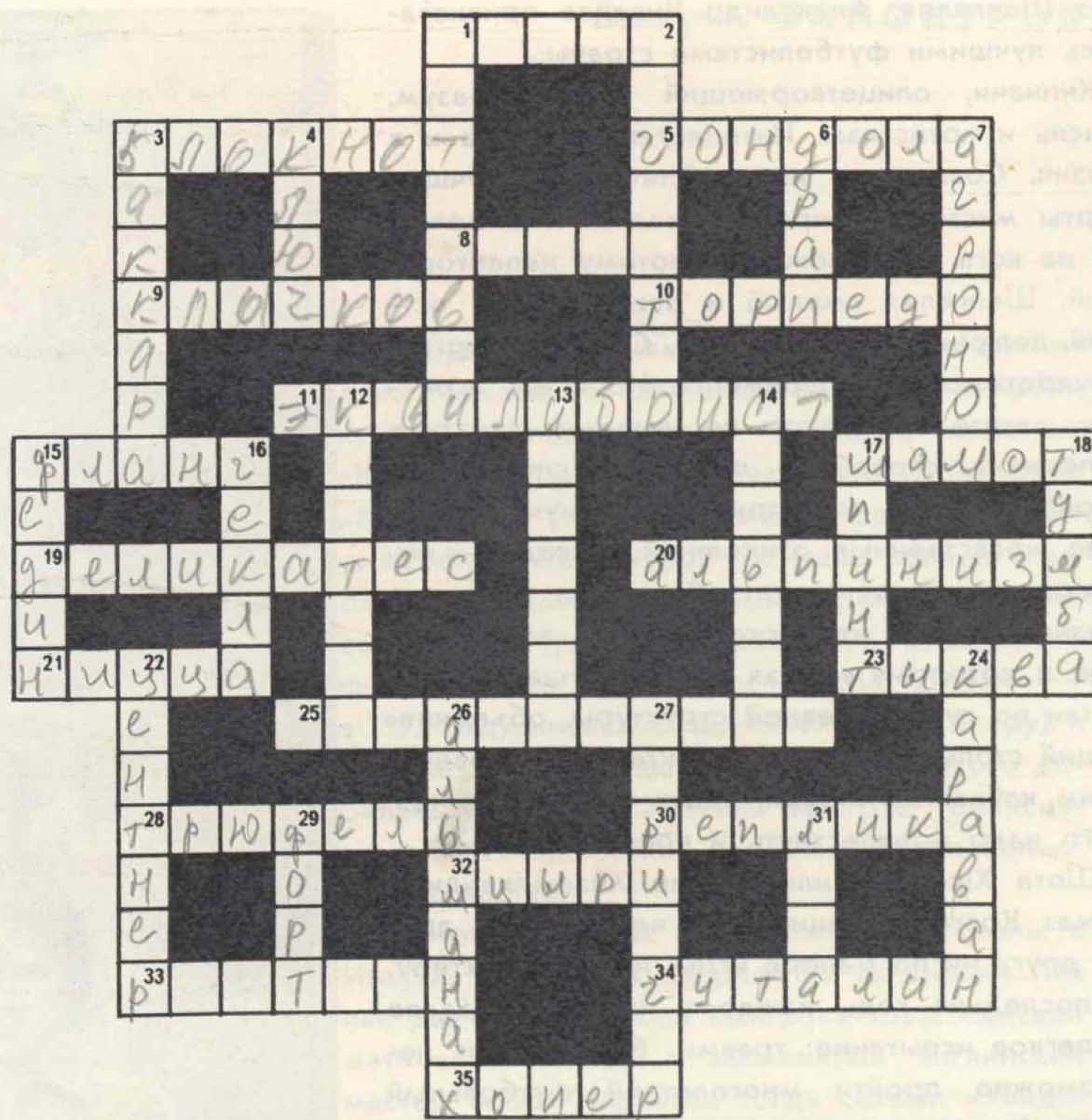
60-летию этого декрета и было посвящено заседание Центрального совета по управлению курортами профсоюзов.

Первые дома отдыха были открыты на Каменном острове в Ленинграде и в Подмосковье. В 1921 году в новых оздоровительных учреждениях побывало около ста тысяч человек, а в прошлом году — свыше пяти миллионов трудящихся. Развитие курортного дела — важное звено решения социальной программы нашего общества. В одиннадцатой пятилетке предстоит ввести новые здравницы на 60 тысяч мест. Обо всем этом рассказал в своем докладе председатель Центрального совета И. И. Козлов. Тепло встретили собравшиеся выступление Ольги Дмитриевны Ульяновой, доцента Московского университета.

На снимке: И. В. Чернышева, председатель Оренбургского совета по курортам; В. Б. Гураускас, председатель Литовского совета; В. В. Пролыгина, работник Центрального совета; Б. В. Шалькевич, председатель Белорусского совета; Т. И. Борисенко, директор дома отдыха имени Орджоникидзе; А. А. Басилая, директор Объединения пансионатов курорта «Пицунда».

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Южное плодовое дерево. 3. Записная книжка. 5. Кабина аэростата. 8. Обезьяна рода макаков. 9. Персонаж повести Д. А. Фурманова «Чапаев». 10. Спортивное общество. 11. Артист цирка, эстрады. 15. Оконечность строя, расположения войск. 17. Обожженная огнеупорная глина, каолин. 19. Изысканное кушанье. 20. Восхождение на горные вершины. 21. Курорт во Франции. 23. Огородное, бахчевое растение. 25. Композитор, автор балета «Петрушка». 28. Сорт шоколадных конфет. 30. Краткое замечание, возражение. 32. Поэма М. Ю. Лермонтова. 33. Немецкий физик. 34. Мазь для обуви. 35. Приток Дона.

По вертикали: 1. Жанр публицистики. 2. Пустыня в Афганистане. 3. Сорт хрусталя. 4. Источник, родник. 6. Ткань для пальто. 7. Специалист сельского хозяйства. 12. Действующее лицо оперы Т. Н. Хренникова «В бурю». 13. Река в Бирме. 14. Итальянский композитор, дирижер и педагог. 15. Советский писатель. 16. Вулкан в Исландии. 17. Металлический стержень для соединения деталей. 18. Низкий столбик у тротуара, дороги. 22. Единица веса. 24. Ряд судов, следующих вереницей. 26. Сборник литературных произведений. 27. Продольное ребро жесткости обшивки судна, летательного аппарата. 29. Крупное укрепление. 31. Озеро в Сибири.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 20

По горизонтали: 7. Явление. 8. Ахромат. 9. «Поликушка». 11. Монотипия. 12. Тустеп. 14. Ассоль. 15. «Идеалы». 16. Котельниково. 17. Благовещенск. 22. Бардин. 23. Жерико. 24. Яблоня. 27. Сепаратор. 28. Варакушка. 29. Собинин. 30. Беляков.

По вертикали: 1. Автобус. 2. Регистр. 3. Гейша. 4. Раунд. 5. Комитет. 6. Радиола. 10. Акселерометр. 11. Миллионщиков. 13. Пропилен. 15. Инверсия. 18. Камерон. 19. Аджария. 20. Алтунян. 21. «Анекдот». 25. Стенд. 26. Труба.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Грузинская ССР, село Нагомари, Махарадзевского района. Цисана Талаквадзе — звеньевая механизаторов. (См. в номере материал «С днем рождения!»)

Фото И. Тункеля

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Лесная песня.
Фото В. Дорожинского
(Москва. На фотоконкурс)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 04.05.81. Подписано к печати 19.05.81. А 00377. Формат 70 × 108⅛. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1283. Заказ № 531.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137. ГСП, улица «Правды», 24.

Рис. КУКРЫНИКСЫ

Боеракет прицел немирный
Прикрыть хотят
фальшивой ширмой.

Дм. Дёмин

ISSN 0131—0097
Цена номера 35 коп.
Индекс 70663

